

**Учебно-курсовой комбинат «Актуальные знания»,
Российская ассоциация преподавателей английской литературы,
Общественная комиссия по изучению и популяризации
творческого наследия С. В. Тютюкина**

**История и культура: прошлое, настоящее, будущее.
Чтения памяти профессора С. В. Тютюкина**

*Международная научно-практическая конференция
(30 октября 2021 г.)*

Москва 2021

УДК 33
ББК 65
С56

История и культура: прошлое, настоящее, будущее. Чтения памяти профессора С. В. Тютюкина. Сборник статей по итогам международной научно-практической конференции (30 октября 2021 г.) // Москва: ООО «Конверт», – 2021. – 144 с.
ISBN 978-5-6047368-1-4

Редакционная коллегия:

Урилов И.Х., доктор исторических наук, академик РАН,

Сомова Е.В., доктор филологических наук, доцент, Президент Российской ассоциации преподавателей английской литературы, Московский педагогический государственный университет,

Иоффе Г.З., доктор исторических наук, профессор (Канада),

Соловьев В.Б., доктор биологических наук, УМК «Актуальные знания,

Удальцов И.С., Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

© Коллектив авторов, 2021

© Издательство ООО «Конверт»

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВИЯ И МЕМОРИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ	5
ПИСЬМО С. В. ТЮТЮКИНА РОДИТЕЛЯМ Тютюкин С.В. Подготовка публикации и комментарии: Удальцов И.С.	9
ЧТО СОХРАНИЛА ПАМЯТЬ (ВСПОМИНАЯ С. В. ТЮТЮКИНА) Бакулин В.И.	11
ЧЕЛОВЕК, ЗАЖИГАЮЩИЙ ИСКРЫ (ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ С. В. ТЮТЮКИНЕ) Ерыгина В.И.	13
ИСТОРИК ЭПОХИ КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА Икэда Ёсиро	21
САМОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПАМЯТИ СТАНИСЛАВА ВАСИЛЬЕВИЧА ТЮТЮКИНА Иоффе Г. З.	23
«РАЗВИВАЯ ИДЕИ И ДУХ ПРОСВЕЩЕНИЯ, ГУМАНИЗМА И ПРОГРЕССА»: С. В. ТЮТЮКИН И ДОМ ПЛЕХАНОВА РНБ Пушкарёва И. М.	26
ДОКЛАДЫ	30
ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В КИЕВСКОЙ РУСИ Солоха А.А., Коровин А.А.	30
ВОСПИТАТЕЛИ ИМПЕРАТОРСКОГО УЧИЛИЩА ПРАВОВЕДЕНИЯ В 1835-1848 ГГ. Шишкина М.С.	33
ПРОБЛЕМЫ БЫТА СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД Чаньчова П.В., Дейнега М.В.	36
ЛЕГКАЯ И ПИЩЕВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ КУЗБАССА В 1941–1945 ГГ. ПО МАТЕРИАЛАМ ГАКО (ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ) Маркова К.Ю.	39
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ОБ АДМИРАЛЕ Ф.Ф. УШАКОВЕ В ПЕРИОД СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО ПОХОДА: ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИИ Сорогин А.В., Никулина А.С.	42
ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАНЫ ВЫСШИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. Гребенкин А.Н.	45
К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ ШЛЯХТЯНКИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В XVI ВЕКЕ Лапина Н.П.	53
«АТМАН ПОДОБЕН ОКЕАНУ». О КАТЕГОРИЯХ УПОРСТВА И ТЕРПЕНИЯ В ТЕКСТЕ КАТХОПАНИШАД Пикалов Д.В., Гончаров А.С., Седова А.Ю.	57
БУДДИЙСКИЙ ПРОЗЕЛИТИЗМ ИМПЕРАТОРА АШОКИ Пикалов Д.В., Гончаров А.С., Седова А.Ю.	59

ИСТОРИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ ПУТЕМ ЕЁ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПУБЛИЧНУЮ ИСТОРИЮ. НОВЫЙ ВИД ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ	
Ильин И.А.	61
Т.Г. МАСАРИК О ВОЗМОЖНОМ ВЛИЯНИИ РОССИИ НА РЕШЕНИЕ ЧЕШСКОГО ВОПРОСА	
Пекарш О.В.	67
ПРОТИВОСТОЯНИЕ МАШИНЕ: НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ РОМАНА Е. И. ЗАМЯТИНА «МЫ»	
Удальцов И.С.	70
ФИЛОСОФИЯ АНАРХИЗМА: КОНЦЕПЦИЯ АЛЕКСЕЯ БОРОВОГО	
Тимонина П. Д.	74
«ДВОЕВЕРИЕ»: К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ПОНЯТИЯ	
Дроздов А.М. , Кондратьева А.Д., Клименко Л.П., Соболева Е.В., Строгеецкий В.М.	79
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РУССКОГО НЕОЯЗЫЧЕСТВА	
Абросимов М.А., Калугин З.С., Ланцов Д.В., Чернигин Я.В.	81
ФЕНОМЕНЫ ЯЗЫЧЕСТВА И НЕОЯЗЫЧЕСТВА: РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ	
Ворохобов А.В.	83
ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИИ ИЛИ ДИСКРЕТНОСТЬ?	
Хритов И.Н.	85
ЖИДОВСТВУЮЩИЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ УЧЕНИЯ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ	
Кузьмицкая П.В.	89
МИРОВАЯ ЮСТИЦИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	
Чебоньян Т.Г., Горбунова А.О.	103
ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ	
Половченко К.А	105
МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОСВОЕНИЮ СИСТЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НА ОСНОВЕ ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОГО ПОДХОДА К УПРАВЛЕНИЮ ПЕРСОНАЛОМ	
Николаев А. А., Верхотурцев С.А.	109
СУХОПУТНЫЕ ПУТИ СООБЩЕНИЯ В ПЕРИОД ЦАРСТВОВАНИЯ НИКОЛАЯ I (1825 – 1855)	
Балашова-Сукач Я.А.	116
ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ	
Буранок С.О., Селифонтова Д.Ю.	122
ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: «ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ» ИСТОРИИ И ИХ ОСМЫСЛЕНИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ	
Варакса А.Н.	126
АМЕРИКА «РЕВУЩИХ ДВАДЦАТЫХ» В РОМАНЕ Э. ЛИНКЛЕЙТЕРА «ЖУАН В АМЕРИКЕ»	
Глебова О.В.	131
ВКЛАД М. В. ЛОМОНОСОВА В РАЗВИТИЕ РУССКОЙ НАУКИ	
Горощеннова П.С., Горощеннова О.А.	136
К ВОПРОСУ О ВХОЖДЕНИИ МЕНЬШЕВИКОВ В СОСТАВ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА	
Яковлева С.И.	139

ПРИВЕТСТВИЯ И МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

ВНОВЬ И СНОВА

Учитель – это Божий Дар Жизни.

Сэр Артур Арабачи

Станислав Васильевич Тютюкин – один из самых выдающихся отечественных историков и Первый среди равных исследователей российского революционного движения.

Шесть десятилетий он кропотливо и с размахом, вдумчиво и плодотворно изучал русские революции. В результате все его труды отмечены знаком высочайшего качества. Они современны и сегодня.

С. В. Тютюкин был замечательным лектором с необыкновенным ораторским талантом, мудрым наставником молодых учёных. Нравственность в жизни и в науке – вот главная черта его характера.

Будучи потрясающе цельным Человеком, Станислав Васильевич на протяжении всей своей благороднейшей жизни являлся преданным сыном, мужем, отцом и дедом. Безмерны были его бережная любовь к родителям, трепетное отношение к любимой супруге, трогательнейшие переживания за сына и, конечно, счастье и гордость за подрастающих внуков, радующих сердечностью, умом, талантами...

Да, истинно радуется нас всех и его внук Иван Сергеевич Удальцов – и своим отношением к семье, и, в частности, щепетильностью по отношению к памяти Станислава Васильевича и к его Архиву.

Горд и счастлив, что считаю себя учеником Станислава Васильевича. Быть им – это всё равно что прикоснуться к далёкой, но яркой и согревающей звезде.

Вновь и снова благодарю судьбу, что со мной такое случилось.

Доктор исторических наук, академик РАН,

И. Х. Урилов

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

С радостью приветствую участников международной научной конференции «История и культура: прошлое, настоящее, будущее. Чтения памяти профессора С. В. Тютюкина». Отрадно видеть, что наряду с опытными специалистами, учёными всероссийского и международного масштаба в проходящем сегодня заседании принимают участие также молодые исследователи, только начинающие свой путь в науке. Сложно переоценить значимость сотрудничества разных поколений в процессе развития научного знания.

Наша встреча посвящена памяти Станислава Васильевича Тютюкина – выдающегося советского и российского историка, доктора исторических наук, профессора, главного редактора журнала «Отечественная история» в 1995 – 2007 годах. Однако проблематика докладов, включённых в программу конференции, не ограничивается областью исторического знания, а охватывает всю гуманитарную сферу, в том числе – актуальные вопросы культурологии, филологии, философии и других наук. Этот факт глубоко символичен. Ведь Станислав Васильевич был не только знатоком непростого прошлого нашей страны, но и блестяще образованным, многогранным человеком, вызывающей восхищение личностью. Зная несколько иностранных языков, он преуспевал в изобразительном искусстве, музыке, был тонким ценителем балета и художественной литературы – как русской, так и зарубежной. Российская ассоциация преподавателей английской литературы с радостью принимает участие в сохранении памяти об этом выдающемся человеке.

От души благодарю участников конференции и желаю им дальнейших творческих успехов!

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры всемирной литературы
Института филологии МПГУ,
профессор кафедры истории отечественной и зарубежной литературы
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
Президент Российской ассоциации
преподавателей английской литературы
Е. В. Сомова

ПРИВЕТСТВУЮ ВАС, ДОРОГИЕ КОЛЛЕГИ!

Сейчас я хотел бы сказать несколько слов о моем дорогом друге, Станиславе Васильевиче Тютюкине. Я познакомился с ним в середине 1960-х годов, когда пришёл на работу в Институт истории СССР АН СССР (ныне – Институт российской истории РАН). Меня направили в Научный совет по истории Октября (руководитель – академик И. И. Минц), а Станислав Васильевич тогда трудился в секторе историографии. Но поскольку я занимался зарубежной историографией Октября, мне часто доводилось заходить к «историографам». Так и состоялось наше знакомство. Я быстро понял, что Станислав Васильевич – это не «человек с конвейера», а «человек штучного производства». Такие люди очень редко встречаются на нашем пути, они всегда притягивают и вызывают восхищение.

Организаторскими способностями обладают люди, которые действуют больше, чем говорят. Таков был и Станислав Васильевич. Как будто о нём сказал Аввакум: «Не словес красных Бог слушает, но дел наших хочет». За такими людьми идут, им верят.

Станислав Васильевич – один из лучших историков нашего поколения, того поколения, которое уже почти всё ушло. Он всегда решительно отрешался от политической конъюнктуры – именно поэтому его работы смело можно назвать фундаментальными. Он принадлежал к очень немногочисленной группе людей, которых обществу всегда не хватает. Я совершенно уверен, что его трудам, как и памяти о нём, суждена долгая, очень долгая жизнь в науке.

Доктор исторических наук, профессор
Г. З. Иоффе

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Сердечно рад приветствовать всех участников конференции, посвящённой памяти выдающегося советского и российского историка, доктора исторических наук, профессора Станислава Васильевича Тютюкина. Мне чрезвычайно приятно осознавать, что память об этом прекрасном учёном и человеке по-прежнему сохраняется не только среди его ближайших родственников, друзей и коллег, но и в широких массах отечественных, да и зарубежных исследователей, в том числе молодых. В этом видится мне залог будущего возрождения былой славы российской науки.

Имя Станислава Васильевича составляет предмет великой гордости нашей культуры. Огромен и поныне актуален вклад, внесённый им в изучение истории российских революций, российской общественной мысли и социалистического движения, персоналий Плеханова, Ленина, Мартова, Керенского и других политических деятелей. Его многочисленные книги, статьи и рецензии остаются эталоном фактически точного и стилистически выдержанного научного текста. Его многолетняя редакторская работа (прежде всего – на посту главного редактора журнала «Отечественная история»¹) также должна служить (и служит) примером для новых поколений академических сотрудников.

Но не менее важно помнить, что Станислав Васильевич был не только исключительно одарённым, но и глубоко, по-настоящему нравственным человеком. Исследовательский дар сочетался в нём с добротой, честностью, скромностью, аскетизмом и евангельской простотой души. Наука была для него поприщем поиска истины и борьбы за неё. Редко, слишком, к сожалению, редко появляются на земле такие люди – и тем больше лежащая на нас, преемниках и продолжателях, ответственность, ответственность за сохранение слова и дела наших великих предшественников.

В заключение хочу ещё раз поблагодарить участников и организаторов конференции. Спасибо – и удачи!

От имени наследников С. В. Тютюкина –

И. С. Удальцов,

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

¹ Ныне – «Российская история».

ПИСЬМО С. В. ТЮТЮКИНА РОДИТЕЛЯМ

Тютюкин С.В.

Подготовка публикации и комментарии:

Удальцов И.С.

Московский государственный институт

международных отношений (университет) Министерства иностранных дел

Российской Федерации, Москва

Помещаемое далее письмо было написано и отправлено С. В. Тютюкиным приблизительно во второй половине 1966 года (более точная датировка не представляется возможной). Причиной для его написания стал непродолжительный отъезд из Москвы родителей историка, В. Д. Тютюкина (1903 – 1998) и В. И. Дойлидовой (1911 – 1996). Этот текст, несмотря на свой незначительный объём, наглядно демонстрирует лучшие сыновние качества Станислава Васильевича, а также отражает атмосферу напряжённой интеллектуальной работы, которая окружала учёного и в 1960-е годы, и во все последующие десятилетия его жизни.

Дорогие родители!

Всё в порядке. Работаем, не ленимся. Вчера уже читал в корректуре свою статью о Чичерине². Ещё раз причесал её, подправил и пустил в плавание. Больше новостей нет. Завтра придёт в гости Гриневич³, который приехал в Москву в командировку. На работе нормально. Гефтер⁴ носится с планом создания вне Института истории «творческой лаборатории» по проблемам всемирной истории. Если этот проект осуществится, то я перейду непосредственно туда. На этой неделе заканчиваю последнюю доделку (наверное, 10-ую по счёту) статьи о нац. гордости⁵. Теперь она уже прошла всех рецензентов, обсуждена и принята. Дело сделано! Сейчас надо ещё быстренько подработать статейку для «Истории СССР»⁶, а затем в начале 67 года сдать

² Статья «Страница биографии Г. В. Чичерина (1914 – 1917 гг.)» [4] была опубликованная в журнале «Исторические записки» в 1966 году.

³ Гриневич Юрий Павлович (1927 – 2015) – советский и казахский историк, кандидат исторических наук, профессор, преподаватель, в 1974 – 1985 годах заведующий кафедрой истории СССР Чимкентского педагогического института (ныне – Южно-Казахстанский государственный педагогический университет), соученик С. В. Тютюкина по историческому факультету МГУ (поступил в 1954 году). Ветеран Великой Отечественной войны.

⁴ Гефтер Михаил Яковлевич (1918 – 1995) – советский и российский историк, философ, публицист, кандидат исторических наук, в 1966 году – научный сотрудник Института истории АН СССР. Ветеран Великой Отечественной войны.

⁵ Статья «К творческой истории статьи В. И. Ленина «О национальной гордости великороссов» [1] увидела свет только в 1969 году.

⁶ В 1967 году на страницах журнала «История СССР» увидели свет сразу две работы С. В. Тютюкина: статья «Ленинские рефераты о войне (осень 1914 г.)» [2] и написанная вместе с Ю. И. Кирьяновым рецензия на книгу А. К. Кошик [5].

статью в «Исторические записки»⁷, посвящённые памяти покойного Лаврыча⁸. В общем, планов, как у Пушкина. Сейчас 9 час. вечера, а я сижу и пишу диссертацию⁹.

Желаю вам всего наилучшего.

Список литературы

1. Тютюкин С. В. *К творческой истории статьи В. И. Ленина «О национальной гордости великороссов» // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. Сборник статей. – М.: Наука, 1969. – С. 339 – 364.*
2. Тютюкин С. В. *Ленинские рефераты о войне (осень 1914 г.) // История СССР. – 1967. – №2. – С. 29 – 42.*
3. Тютюкин С. В. *Ленинский лозунг поражения «своего» правительства в империалистической войне // Исторические записки. Том 81. – М.: Наука, 1968. – С. 101 – 131.*
4. Тютюкин С. В. *Страница биографии Г. В. Чичерина (1914 – 1917 гг.) // Исторические записки. Том 79. – М.: Наука, 1966. – С. 243 – 258.*

⁷ Статья «Ленинский лозунг поражения «своего» правительства в империалистической войне» [3] была опубликована в «Исторических записках» в 1968 году.

⁸ Имеется в виду Сидоров Аркадий Лаврович (1900 – 1966) – советский историк, доктор исторических наук, профессор, в 1953 – 1959 годах директор Института истории АН СССР, научный руководитель кандидатской диссертации С. В. Тютюкина. Ветеран Великой Отечественной войны.

⁹ Диссертация на тему «Идейная борьба в рабочем движении в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.)» [6] была С. В. Тютюкиным успешно защищена в 1967 году.

ЧТО СОХРАНИЛА ПАМЯТЬ (ВСПОМИНАЯ С. В. ТЮТЮКИНА)¹⁰

Бакулин В.И.

г. Киров

В статье приводятся воспоминания автора о личности С. В. Тютюкина, раскрывается его роль в противостоянии разрушительным тенденциям в исторической науке.

Ключевые слова: С. В. Тютюкин, П. В. Волобуев, воспоминания, «Отечественная история».

Со Станиславом Васильевичем Тютюкиным я познакомился в середине 1990-х годов. Встреч наших было не так уж много, поэтому написанное ниже – мои личные, достаточно субъективные ощущения и оценки, без претензий на широкие обобщения и выводы. Не буду касаться научной деятельности и взглядов С. В. Тютюкина; они и без того широко известны и высоко оценены.

Познакомился я с этим человеком вначале заочно, сотрудничая с журналом «Отечественная история», где он был главным редактором и где состоялась публикация нескольких моих статей. В процессе этого сотрудничества я начал принимать участие в заседаниях научно-тематического Совета «История социальных реформ и революций в России». До своей кончины в сентябре 1997 года им руководил академик П. В. Волобуев. Насколько я помню, его правой рукой в этом объединении был С. В. Тютюкин. В этот период, а также в 1997 – 1998 годах, когда после смерти Павла Васильевича он возглавлял Совет, запомнился мне Станислав Васильевич удивительной скромностью, деликатностью и доброжелательным отношением к людям, полным отсутствием начальственного или столичного апломба. Особое внимание уделял он нам, провинциалам, не забывая приглашать на сессии Совета, помогая освоиться в академической среде. Я часто ощущал эту деликатную, ненавязчивую опеку со стороны замечательного, интеллигентного, тонкого человека.

В редакционной работе эти качества дополнялись тактичной, но принципиальной требовательностью. Единственным критерием при этом выступала степень научности текста, предлагаемого редакции тем или иным историком. Никаких намеков на политизацию научной деятельности во взаимоотношениях журнала и авторов в это время не наблюдалось. Редакция «Отечественной истории» отклонила одну или две моих статьи, аргументировав свое решение. Это не обижало, поскольку аргументы были убедительные и справедливые. Зато по принятым к публикации статьям сотрудники журнала, в первую очередь его главный редактор, порой давали

¹⁰ Впервые опубликовано: Всегда оставался верен себе: сборник памяти доктора исторических наук Станислава Васильевича Тютюкина / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Институт российской истории РАН, 2021. Повторно печатается с уточнениями и дополнениями.

полезные советы, но в целом концепция автора и его позиция оставались неприкосновенными¹¹.

После реорганизации Совета в конце 90-х годов я ощутил себя несколько отрезанным от столичной научной жизни. Не знаю, как это было с другими провинциальными учеными-историками, но меня довольно быстро прекратили приглашать к работе форума, а со сменой редактора «Отечественной истории» я, похоже, и там стал персоной нон грата. Не думаю, что в это время я стал хуже писать и мыслить. Скорее, сыграло свою роль то обстоятельство, что в моих текстах недоставало столь модного с некоторых пор антикоммунистического компонента. Пришли иные времена, взошли иные имена...

В этом контексте произошедшие за последние десятилетия в государстве и обществе метаморфозы лишней раз позволили мне еще более полно оценить масштаб личности профессора С. В. Тютюкина, его человеческие качества и его роль в противостоянии разрушительным тенденциям в отечественной исторической науке. Он честно делал свое дело, и земной поклон ему за это.

¹¹ Действительно, В. И. Бакулин в период с 1997 по 2006 года опубликовал в «Отечественной истории» три статьи, одна из которых – «Между догмой, иллюзией и реальностью: меньшевизм в 1917 году» – тематически пересекалась со сферой непосредственных научных интересов С. В. Тютюкина. – [прим. И. С. Удальцова].

ЧЕЛОВЕК, ЗАЖИГАЮЩИЙ ИСКРЫ
(ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ С. В. ТЮТЮКИНЕ)¹²

Ерыгина В.И.

Белгородский институт развития образования, Белгород

В статье излагается многолетняя история знакомства и общения автора с С. В. Тютюкиным.

Ключевые слова: С. В. Тютюкин, меньшевизм, «Искра», воспоминания.

Мое знакомство с Станиславом Васильевичем Тютюкиным произошло в 1992 году, во время подготовки моей кандидатской диссертации. На долгие годы нас объединила тема исследования – политические партии. Надо отметить, что исследование истории партий, альтернативных большевикам, было тогда очень актуальным, новым и перспективным направлением в исторической науке. Ведь до начала 1990-х годов в основном изучалась история Коммунистической партии Советского Союза, другие же партии были преданы забвению, заклеены как оппортунистические, непролетарские.

Тема диссертации по истории меньшевизма была предложена мне преподавателями Харьковского государственного университета имени А. М. Горького, который я закончила в 1989 году. Переехав на свою родину, в Белгород, и поступив в аспирантуру в Белгородский государственный университет, я остро нуждалась в научном руководстве по теме. Да, формально руководитель у меня был, но мне нужен был глубокий специалист по истории меньшевизма, с которым я могла бы проконсультироваться и получить необходимую информацию по интересующей меня проблеме, узнать о перспективах исследования данной темы. Прочитав специальную литературу, я увидела, что существуют противоположные точки зрения, масса дореволюционных источников, но как все это систематизировать, в каком направлении двигаться и как сузить тему, я не знала.

Преподаватель из ХГУ посоветовал мне обратиться за консультацией к ученым из Москвы, которые уже давно занимаются изучением истории политических партий. Первым ученым-историком, с которым мне удалось встретиться в Москве, в Институте марксизма-ленинизма, был доктор исторических наук Валентин Валентинович Шелохаев. Узнав, что я хотела бы заниматься историей меньшевизма, он сразу же рекомендовал мне обратиться к Станиславу Васильевичу Тютюкину, главному научному сотруднику Института российской истории РАН.

Перед первым звонком Станиславу Васильевичу у меня были опасения, что он в силу своей занятости откажет мне в консультации, не станет отвечать на мои вопросы и встречаться со мной. Но все мои сомнения рассеялись сразу после начала разговора.

¹² Впервые опубликовано: Всегда оставался верен себе: сборник памяти доктора исторических наук Станислава Васильевича Тютюкина / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Институт российской истории РАН, 2021. Повторно печатается с уточнениями и дополнениями.

Станислав Васильевич сразу очень по-деловому и приветливо ответил на мои вопросы и назначил мне встречу в Институте.

Я до сих пор, спустя 28 лет, помню нашу первую встречу, которая определила перспективы моей научной деятельности. Наша беседа проходила в коридоре Института на кожаном диване, куда предложил сесть Станислав Васильевич. И отныне именно на этом месте продолжались наши дальнейшие встречи, обсуждались проблемные вопросы, содержание диссертации. Даже само место общения сняло психологический барьер, который бы препятствовал выстраиванию доверительных отношений между известным ученым, мэтром исторической науки и начинающим исследователем. Сразу же, при первом разговоре со Станиславом Васильевичем меня поразили его простота в общении, отсутствие какого-либо снобизма и высокомерия. Ряд его качеств сразу же вызвали у меня симпатию: это и скромность, и сдержанность, и правильность и академичность речи, и интерес к теме и к собеседнику, и искреннее желание оказать мне помощь в написании диссертации, которая, по его мнению, будет способствовать новому осмыслению феномена меньшевизма и дальнейшему развитию исторической науки в этом малоисследованном направлении.

В 1990-е годы, сразу после краха коммунистического режима, в связи с открытием доступа ко многим источникам, которые ранее были запрещены или недоступны для исследователей, стали появляться новые научные работы. Благодаря Станиславу Васильевичу мне удалось узнать о существовании многих архивных фондов и библиотек; тем самым он открыл для меня новый неизведанный мир науки, в который я с большим интересом погрузилась. Моему старшему наставнику удалось зажечь во мне искорку интереса к теме, и отныне он умело направлял мой научный поиск и помогал мне четко организовать исследовательскую работу с учетом моего постоянного проживания в Белгороде и периодических поездок в Москву для консультаций и поиска необходимых для диссертации материалов.

Именно Станислав Васильевич предложил мне исследовать историю меньшевистской газеты «Искра», по которой в отечественной историографии к тому времени еще не было качественных специальных работ. Написанное же по этому вопросу до начала 1990-х гг. не столько проясняло, сколько запутывало и искажало истинное состояние дел в РСДРП после раскола на II съезде российской социал-демократии. «Правомерность обращения к меньшевистской «Искре», которая по примеру своей предшественницы – «Искры» ленинской – выступила в качестве генератора и транслятора главных идей меньшевизма, организационного центра новой фракции и связующего звена между меньшевистскими руководителями за границей и партийными организациями в самой России, не подлежит сомнению. Конечно, в наши дни роль печати в деле партийного строительства уже не так велика, как раньше, но в царской России начала XX века эта роль была чрезвычайно значительна и не подлежит переоценке», – так Станислав Васильевич обосновал актуальность моей темы. Он говорил о том, что «многие идеи меньшевиков (насильственная революция, установление диктатуры пролетариата, решительный антикапиталистический настрой) уже явно потеряли сегодня свою привлекательность для тех, кто объявляет себя

сторонниками социал-демократии, но идеи народовластия, коллективизма, социальной справедливости, общественной самодеятельности, уважения к человеческой личности и строгого соблюдения нравственных нормативов, которые всегда были сильной стороной меньшевизма, актуальны и сегодня». Да, действительно, тема моей диссертации явно выходила за чисто академические рамки. Я думаю, что самого С. В. Тютюкина в истории меньшевизма привлекала именно нравственная сторона их политической деятельности, моральные устои его лидеров, потому что он сам был высоконравственным человеком.

«Влюбленность» в идеалы меньшевиков объединяла нас. Я тоже прониклась сочувствием к меньшевикам, желанием представить их взгляды максимально полно и объективно. Мне казалось, что меньшевики были незаслуженно забыты, очернены в угоду правящей партии большевиков. Поэтому надо было, наконец, восстановить справедливость, отдать должное их вкладу в дело преобразования общественно-политического строя России, развития политической мысли и восстановления прав трудящихся. Работа была «густо заселена» интереснейшими и, к сожалению, в большинстве своём забытыми людьми, участвовавшими в свое время в меньшевистском движении. Я сосредоточила свое внимание на тех личностях, которым не слишком повезло в историографии, но роль которых в процессе формирования меньшевистской фракции РСДРП была очень значительной (Ф. И. Дан, А. Н. Потресов, В. Н. Крохмаль, Л. А. Тарасевич, В. В. Розанов, М. С. Макодзюб, Л. М. Хинчук, И. Б. Басовский и др.). Да, может быть, в ходе работы над исследованием я встала на позиции меньшевизма, идеализировала его идеологию, симпатизировала его руководителям. Но я считаю, что в целом благодаря нашим совместным усилиям была восстановлена объективная картина событий конца 1903 – начала 1905 гг., когда создавалась и функционировала меньшевистская «Икра». Даже в самой теме диссертации было какое-то роковое совпадение с моей личной жизнью, так как я с детства жила в доме, на первом этаже которого располагался книжный магазин с таким же названием: «Искра».

Тема исследования меня настолько заинтересовала, что я готова была перечитать всю посвящённую ей литературу, часами рыться в архивах и по крупицам собирать материал. Чтобы заново осмыслить сложный, часто хаотичный и противоречивый процесс рождения меньшевистского направления в РСДРП, я обратилась к архивным документам и материалам самой газеты «Искра», которую я читала в основном в библиотеке ИНИОН и конспектировала на отдельных листочках. Вспоминается один эпизод: когда появилась возможность ксерокопировать газету (раньше технические средства, а также ветхость самой бумаги не позволяли этого делать), я обратилась за советом к Станиславу Васильевичу – стоит ли мне предпочесть этот способ? Или по-прежнему переписывать статьи от руки? И он однозначно высказался за второй вариант, так как при конспектировании намного лучше запоминается текст. И я, последовав совету своего Учителя, продолжила переписывать и «Искру», и массу другого материала по диссертации для того, чтобы найти самое ценное, подобно В. В.

Маяковскому, который писал, что за годы трудов ради единственного слова изводил «тысячи тонн словесной руды» (стихотворение «Поэзия»).

Поражает широчайший кругозор, которым обладал Станислав Васильевич. Его познания в области источниковедения и историографии исследуемой темы были колоссальны. С присущим ему большим трудолюбием, огромным упорством и настойчивостью профессор Тютюкин не только сам добивался высоких результатов, но и требовал того же от меня как от своей ученицы. Для написания работы Станислав Васильевич порекомендовал мне обратиться к архивным документам, ведь историки, как правило, с большим доверием относятся к тем работам, которые основаны на достоверных источниках. И Станислав Васильевич не был исключением. Он сам много времени проводил в архивах, используя для работы не только архивные документы, но и опубликованные источники, которые там хранились. Следуя примеру своего Учителя, я основательно поработала в Российском Центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) и Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), собирая материал для диссертации.

Станислав Васильевич помог мне сориентироваться и в историографии вопроса. Собрав необходимые источники, я также изучила как отечественную, так и зарубежную литературу по теме.

В результате такой совместной работы у меня получился солидный список использованных источников и литературы, с помощью которого мне не только удалось раскрыть содержание деятельности меньшевистской «Искры», но и рассмотреть тот исторический фон, на котором эта деятельность происходила. Я подробно познакомилась с рабочим, крестьянским, студенческим, земским движением, русско-японской войной 1904 – 1905 гг., которые ускорили назревание первой в истории России демократической революции.

Нельзя не отметить не только большое трудолюбие Станислава Васильевича, но и его организованность, пунктуальность, внимательность. Он очень быстро проверял все части работы, которые я ему передавала, при этом не оставляя непрочитанным ни одного слова. Он всегда корректировал текст, исправлял все ошибки, что было особенно ценно для начинающего исследователя. Как профессиональный историк, он прекрасно разобрался в сложных хитросплетениях меньшевистской идеологии, систематизировал и проанализировал взгляды меньшевиков на процесс создания политической партии, соотношение стихийности и сознательности в рабочем движении, роль партийной интеллигенции в распространении социал-демократических идей и приобщении к ним рядовых рабочих, принцип демократического централизма и т. д. Поэтому для меня были особенно ценны указания С. В. Тютюкина и его оценка моего вклада в объективную историю российской социал-демократии накануне революции 1905-1907 гг., которая, по его словам, была «очень нужна нам сегодня». Он положительно оценил и предпринятый мною анализ роли «Искры» в ходе размежевания большевиков и меньшевиков в местных организациях РСДРП в России и оформлении самостоятельных меньшевистских групп. Несомненным достоинством моей работы С. В. Тютюкин

считал объективность в оценках как меньшевиков, так и большевиков, умение видеть сильные и слабые стороны обоих этих течений. По его мнению, ряд выводов из работы мог бы иметь и определенное прикладное значение в процессе строительства современных политических партий социалистической ориентации.

К сожалению, в ходе написания кандидатской диссертации мне удалось сделать не все из рекомендованного С. В. Тютюкиным. Так, он советовал мне посетить Дом Плеханова НРБ в Санкт-Петербурге – для того, чтобы еще и там собрать необходимый материал для работы. Но в силу разных причин мне так и не удалось этого сделать, хотя до сих пор сохранилось желание побывать там. Ведь Г. В. Плеханов – это одна из ключевых фигур российской социал-демократии, основатель марксизма в России, его идеолог и пламенный революционер. К тому же и С. В. Тютюкин относился к Плеханову с особым уважением и теплотой, посвятив ему ряд своих работ.

Мне нужно было более подробно рассмотреть конфликт членов редакции «Искры» с Л. Д. Троцким, его причины и результат, лишний раз свидетельствующий о том, что обстановка в меньшевистской «Искре» даже после разрыва с большевиками мало напоминала идиллию. Станислав Васильевич нацеливал меня на то, чтобы я больше внимания уделила личным отношениям между редакторами и авторами «Искры». И он был прав, так как личные знакомства и связи играют порой ключевую роль в истории – так же, как и мое знакомство с С. В. Тютюкиным сыграло огромную роль в моей жизни.

Еще одно пожелание было высказано мне Станиславом Васильевичем уже на заключительном этапе подготовки диссертации: речь шла о проведении сравнительного анализа ленинской «Искры» и «Искры» меньшевистской, а также о сравнении формирования меньшевистской фракции РСДРП с аналогичным процессом у большевиков. Для осуществления этого пожелания необходимо было использовать опубликованную переписку В. И. Ленина с местными социал-демократическими организациями большевистской ориентации.

И наконец, уже в день защиты кандидатской диссертации, Станислав Васильевич пожелал мне не останавливаться на достигнутом, а двигаться вперед и защитить диссертацию докторскую. Однако пока его пожелание так и не исполнено.

Защитив кандидатскую диссертацию летом 1995 года, я начала работать преподавателем на юридическом факультете Белгородского государственного педагогического института (сейчас это Белгородский государственный национальный исследовательский университет). И несмотря на то, что я преподавала блок историко-правовых дисциплин, все равно мне пришлось переквалифицироваться из «чистого» историка в историка права. Затем я сдала кандидатский экзамен по теории государства и права, стала доцентом кафедры теории и истории государства и права. В 2005 году я получила второе высшее образование по специальности «юриспруденция», и решила с 2006 года начать работу над докторской диссертацией по праву. Мою инициативу сразу же поддержал С. В. Тютюкин. Он прямо загорелся этой идеей, выражал готовность мне помогать – например, в качестве редактора.

На протяжении всех 24 лет, прошедших после защиты кандидатской диссертации, я продолжала поддерживать отношения со Станиславом Васильевичем, который всегда и во всем меня поддерживал, вселял уверенность и надежду. Я звонила ему по самым разным вопросам, чтобы получить мудрый совет, и никогда не было такого случая, чтобы Станислав Васильевич не дал мне полного, рассудительного ответа. Он всегда находил время на разговоры и встречи со мной, делился своими знаниями и опытом.

Станислав Васильевич всегда подробно расспрашивал меня о работе, о моих научных планах, о детях. О себе он рассказывал немного, хотя я и узнавала о состоянии его здоровья, здоровья его супруги, о сыне и внуках. Он делился со мной и своими научными планами. В частности, рассказывал о написании своей последней монографии, посвящённой А. Ф. Керенскому. Меня удивило, как быстро и плодотворно он работал над книгой. По его словам, он писал каждый день не менее пяти страниц, строго по расписанию – книгу надо было сдать в печать в августе 2012 года по договору с Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ). По моей просьбе эта монография была подарена мне с автографом. Как и все работы Станислава Васильевича, она блестяще написана прекрасным научным языком с множеством выразительных эпитетов и сравнений. Поражают точные сопоставления Керенского с современными политическими деятелями Егором Гайдаром и Сергеем Кириенко как с самыми молодыми премьер-министрами. Таким образом, Станислав Васильевич «перебрасывает мостик» из прошлого в настоящее, актуализируя тему исследования. Интерес вызывает все написанное Тютюкиным, даже затекстовые сноски и подстрочные примечания. Особенно привлекает внимание критический анализ роли личности в истории, пересечения судеб Керенского и Ленина – двух противников, чья деятельность имела трагические последствия для российского народа, бывшего для них лишь плацдармом политических экспериментов.

В очередной раз писательское мастерство, талант корректора, внимательность Станислава Васильевича Тютюкина проявились в 2013 году, когда я обратилась к нему с просьбой прочитать подготовленную мною монографию «Политические партии как институт парламентаризма (из истории политико-правовой мысли России конца XIX – начала XX вв.)» перед тем, как она будет отправлена в печать. Всего за пару дней он не только прочитал и отредактировал текст моей работы, но и дал весьма ценные советы по ее структуре и содержанию. Прислушавшись к его советам, я добавила информацию о тех малоизвестных авторах, чьи взгляды раскрываются на страницах работы, а также специальную главу об историографии и источниках. Электронная версия монографии размещена в Интернете на сайте РГНФ.

Таким образом, на протяжении всей нашей долгой дружбы со стороны С. В. Тютюкина чувствовалась безусловная поддержка и вдохновляющая вера в мои силы. Он был для меня стимулом в работе, так как всегда подбадривал, торопил меня и ждал моих творческих успехов.

Также стоит отметить скромность этого удивительного человека. Мне хотелось отблагодарить его за помощь, теплое отношение ко мне. Поначалу я дарила ему

небольшие подарки или сувениры ко дню рождения или к праздникам, просто как знак уважения. Но однажды он очень строго мне сказал, чтобы я больше этого не делала, так как он чувствует себя неловко.

О его скромности говорит и тот факт, что он не любил фотографироваться. Я помню, что с трудом уговорила его в начале 2005 года сделать фото на память. Он согласился, но при этом совершенно не позировал, а лишь приподнял голову, сидя за письменным столом, заваленным бумагами, серьезно глядя в объектив фотоаппарата. И на данный момент у меня сохранились всего две фотографии с его изображением.

Станислав Васильевич был очень порядочным, сдержанным человеком. Всё в нем – голос, манера говорить и стиль одежды – подчеркивало его исключительную интеллигентность, высокую культуру. Ему чужды были какие-либо меркантильные интересы, мещанство. Его помыслы были в основном о науке, которой он беззаветно служил. Высшими ценностями для него были нравственные принципы: честность, искренность, порядочность, ответственность, уважительное отношение к людям, оптимизм.

В память о Станиславе Васильевиче у меня хранятся его книги с автографами, мои работы, исправленные его рукой, а также единственное письмо от 4 октября 2007 года. В нем он благодарит меня за память и сообщает, что не занимается больше журналом, где после его ухода царит какой-то хаос. Он сообщает также о том, что до конца 2007 года должен написать раздел о России XIX – начала XX вв. для нового издания «Всемирной истории». В конце письма Станислав Васильевич с неизменной симпатией желает мне всех возможных благ, успехов в работе и подготовке диссертации и счастья в семейной жизни.

Я помню наш с ним последний разговор, состоявшийся 31 декабря 2018 года. Голос его был как всегда бодр, он был искренне рад моему поздравлению с наступающим Новым годом. Станислав Васильевич пожелал мне творческого прорыва и завершения докторской диссертации. Его слова я помню до сих пор: «Веру я не потерял. Я жду, что наступит момент, когда Вы позвоните и скажете, что все готово» – он имел в виду защиту докторской диссертации. Я, конечно, сожалею, что не смогла его порадовать при жизни, но попытаюсь максимально приложить свои силы, чтобы все-таки оправдать его надежды.

Я счастлива, что была знакома с таким замечательным человеком, как Станислав Васильевич Тютюкин, который был моим Учителем на протяжении половины моей жизни. Он был и остается для меня образцом человека с безупречной репутацией, мужской выдержкой, благородным достоинством и блестящим талантом, а кроме того – мастером слова и выдающимся ученым. Я не забывала о нем никогда, его слова прочно врезались в мою память. Завершить мои воспоминания о Станиславе Васильевиче Тютюкине мне бы хотелось словами глубокой благодарности за ту помощь и поддержку, которые он оказывал мне на протяжении многих лет, за доброту и душевность, которыми он щедро со мной делился. И сейчас я с грустью вспоминаю о нем, так как мне его очень не хватает. Я лично потеряла одновременно и друга, и собеседника, и Учителя, и наставника, и прекрасного Человека! Его уход –

невосполнимая потеря не только для исторической науки и его семьи, но и для всех, кто его знал. Да, физически его нет с нами больше, но Станислав Васильевич продолжает жить в своих книгах, которые я бережно храню и перечитываю, в воспоминаниях и мыслях о нем. В моем сердце он зажег искру, которая согревает мне душу, дает мне силы для работы и освещает путь. Светлая память о нем навсегда сохранится в моем сердце!

Список литературы

1. Тютюкин С. В. *Первая российская революция и Г. В. Плеханов: из истории идейной борьбы в рабочем движении России в 1905 – 1907 гг.* – М.: Наука, 1981. – 334 с.;
2. Тютюкин С. В. *Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста.* – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 376 с.

ИСТОРИК ЭПОХИ КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА

Икэда Ёсиро

Токийский университет, Токио

В статье приводятся воспоминания автора о встречах с выдающимся советским и российским историком Станиславом Васильевичем Тютюкиным (1935 – 2019).

Ключевые слова: С. В. Тютюкин, Г. В. Плеханов, ИРИ РАН, историческая наука, воспоминания, коренной перелом.

Узнав о смерти Станислава Васильевича Тютюкина, я испытал глубокую печаль. Мне вспомнились те дни, когда я встречался с ним довольно часто в нашем Институте российской истории РАН. Я был стажёром Института с сентября 1998 г. по октябрь 2000 г. под научным руководством Владимира Прохоровича Булдакова. Международный отдел Института причислил меня к секции Андрея Константиновича Соколова. Каждый вторник я посещал здание по адресу улица Дмитрия Ульянова, 19, участвовал в заседаниях, беседовал с коллегами. Среди них был и Станислав Васильевич. Обычно он спокойно сидел на стуле в углу комнаты секции. Мне были симпатичны и его аккуратный внешний облик, и его внутренняя порядочность.

Имя Тютюкина было широко известное среди японских историков, и я лично хорошо знал его работы о Г. В. Плеханове [2, 3, 4], однако поначалу стеснялся с ним разговаривать. Лишь летом 1999 г., когда наш Институт организовал в Музее современной истории конференцию к 200-летнему юбилею А. С. Пушкина, я смог познакомиться с профессором Тютюкиным по-настоящему. После научной части конференции все участники перешли в прекрасный банкетный зал Английского клуба, который был открыт специально для нас. Станислав Васильевич стоял возле стены, когда я подошел к нему с приветствием. Я сказал, что давным-давно его уважаю, потому что заниматься исследованием такой сложной фигуры, как Плеханов, бывший, как известно, противником Октябрьской революции, невозможно без большого гражданского мужества. Станислав Васильевич тепло принял мои слова.

Особенно приятно вспомнить наше путешествие в Уфу в июне 2000 г. Там проходила международная научная конференция «Право, насилие, культура в России: региональный аспект (первая четверть XX века)», материалы которой были впоследствии изданы в одноимённом сборнике. Владимир Прохорович любезно (он всегда относился ко мне очень добродушно) пригласил меня принять участие в этой конференции и вместе отправиться в Башкирию. В нашей компании был и Станислав Васильевич. В вагоне поезда мы разговаривали с ним о книге И. Х. Урилова про Юлия Мартова, которую Станислав Васильевич оценил высоко, и о других вещах. В ходе конференции (она состоялась в Уфимском государственном нефтяном техническом университете) он тщательно прокомментировал каждый доклад, всегда искренне стремясь помочь докладчикам, особенно аспирантам, улучшить свои работы. Хорошо

помню, как он подчеркнул важность точных определений таких понятий, как, например, «элита».

Отдельным пунктом в программе конференции была беседа Станислава Васильевича как главного редактора журнала «Отечественная история» с местными читателями. Профессор Тютюкин выразил глубокое уважение к ученым из региональных университетов, сказав, что хорошо понимает их трудное положение. Он пообещал раскрыть «закулисные» стороны работы главного редактора крупного академического журнала. Действительно, Станислав Васильевич довольно подробно описал свою профессиональную деятельность, особенно подготовку «круглых столов». Он также отметил, что на страницах «Отечественной истории» часто выходят материалы о Великой Отечественной войне, поскольку эта тема значима для многих читателей журнала. Все с большим вниманием слушали его содержательную речь. Мне тоже она показалась очень интересной и полезной.

Несколько лет назад я прочитал монографию «Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905 – 1917 гг.)» [1], которая стала последней книгой Станислава Васильевича. Мне показалась особенно ценной та часть этого исследования, в которой автор подчёркивает значимость предпринятых Керенским попыток создания широкого политического блока в годы Первой Мировой войны, ставших прелюдией к его деятельности после Февральской революции.

В течение всей своей научной жизни Станислав Васильевич последовательно размышлял о том, что должен делать человек в период коренного перелома истории. Этот вопрос остаётся весьма актуальным и сегодня. И ответ на этот вопрос мы можем найти в трудах Станислава Васильевича, выполненных на исключительно высоком академическом уровне и с большой нравственной честностью. Я убеждён в том, что его труды и впредь будут очень полезны нам при размышлениях о человеке и обществе в эпоху больших преобразований.

Список литературы

1. Тютюкин С. В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905 – 1917 гг.) // М.: РОССПЭН, 2012. – 309 с.
2. Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста // М.: РОССПЭН, 1997. – 375 с.
3. Тютюкин С. В. Первая российская революция и Г. В. Плеханов (из истории идейной борьбы в рабочем движении России в 1905 – 1907 годах) // М.: Наука, 1981. – 333 с.
4. Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов и В. И. Ленин: штрихи к политическим портретам // VIII Плехановские чтения. Россия в 1912 – 1922 гг.: период социально-политического слома и национальной консолидации. Материалы к конференции. – СПб.: РНБ, 2008. – С. 33 – 39.

**САМОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА.
ПАМЯТИ СТАНИСЛАВА ВАСИЛЬЕВИЧА ТЮТЮКИНА¹³**

Иоффе Г. З.

г. Монреаль

В статье на основе личных воспоминаний воссоздаётся образ выдающегося отечественного историка С. В. Тютюкина.

Ключевые слова: С. В. Тютюкин, воспоминания, дружба, П. В. Волобуев, И. И. Минц, ИРИ РАН, «Отечественная история».

Наша дружба со Станиславом Васильевичем Тютюкиным, на мой взгляд, имела особый характер. Начавшись в Москве примерно в середине 1960-х годов, она, как говорится, преодолела моря и земли и не исчезла, не потерялись в далеких «капиталистических джунглях», как это произошло в некоторых других случаях. Но расскажу все по порядку. Придется начать с себя.

Я пришел на работу в Институт истории СССР (в дальнейшем – Институт российской истории) в 1968 году. Направили меня в Научный совет по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции», которым тогда руководил «главный историк Октября» академик И. И. Минц. Этот Совет административно был мало связан с другими подразделениями Института, но проблемно близкие Институту темы или дискуссии мы, члены Совета, старались не упускать. Я навещал соседний сектор капитализма, когда там шли споры вокруг книги «Война, мир, революция и идейная борьба в рабочем движении России в 1914 – 1917 гг.». Автором книги был еще молодой научный сотрудник с ласковым именем Станислав Тютюкин. Его и назначили «мальчиком для битья». Против него выступали затвердившиеся в догматизме профессор Е. Черменский из МГУ и ученый при полковничьих погонах и с пугающей фамилией Е. Ерыкалов. Казалось, наш Тютюкин будет легко прихлопнут и смят. Казалось, ему не останется ничего, кроме как признать свои ошибки и «покаяться» – ведь обвинения, выдвигаемые против него, имели идеологический характер, а за такое, мягко говоря, в те времена по головке не гладили. Тютюкин, как утверждали профессор с полковником, ставил под сомнение «жизнеспособность гегемонии пролетариата в годы войны». Мало того, он ещё и сомневался в том, что «социал-предатели», то есть меньшевики и эсеры, старались отравить рабочую массу «ядом шовинизма». А вообще-то, по уверению оппонентов, в книге Тютюкина содержалась «нечёткая, противоречивая и в ряде случаев ошибочная трактовка теории, стратегии и тактики большевистской партии по отдельным проблемам войны, мира и революции».

На меня Станислав Тютюкин произвел впечатление стойким поведением. Большими карими глазами он смотрел на своих критиков, и во взгляде его сквозил

¹³ Впервые опубликовано: Всегда оставался верен себе: сборник памяти доктора исторических наук Станислава Васильевича Тютюкина / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Институт российской истории РАН, 2021. Повторно печатается с уточнениями и дополнениями.

вопрос: говорят ли они то, что на самом деле думают? Или их речи диктует закореневшая в головах «идеологическая норма»? Его ответная речь была настолько четкой, словно каждое произнесенное слово он сперва записал в голове.

Давно это было, и я теперь точно не помню, чем закончилась для молодого тогда Станислава Тютюкина «идеологическая головомойка». Времена были уже не столь крутыми. Впрочем, несколько позже с поста директора Института был снят член-корреспондент АН СССР П. В. Волобуев – за возглавление так называемого «нового направления», согласно которому российская экономика ко времени социалистической революции еще не достигла уровня капитализма, а являлась многоукладной. Волобуева «спустили» в Институт науки и техники рядовым научным сотрудником. Вместо него директорствовать стал Семен Спиридонович Хромов, которому дали кличку «Хромосема». В родной Институт Волобуев вернулся, кажется, с Перестройкой. Он сменил И. И. Минца в Научном совете по истории Октября и сразу вовлек в его работу Станислава Тютюкина.

Совет расширил свою деятельность, установил связи с зарубежными историками русских революций, стал проводить совместные с ними симпозиумы и семинары. На один из таких семинаров, проходивший в Вене, поехали мы втроем: Волобуев, Тютюкин и я. Нас со Станиславом поселили в одной комнате студенческого общежития, и мы в свободное время говорили об Институте, коллегах-историках, исторических проблемах и о многом другом. Станислав, который до сей поры представлялся мне человеком, «застегнутым на все пуговицы», оказался открытым, доступным к самым разным темам, веселым и даже «юморным». Во многом мы с ним сходились, а после Вены сблизились.

На обратном пути, в самолете, я стал свидетелем разговора между Тютюкиным и нашим шефом Волобуевым, разговора, открывшего мне душевные свойства Станислава Васильевича.

– Станислав Васильевич, – вдруг заговорил Волобуев, – мы намерены создать Международную комиссию по истории революций, и я хочу рекомендовать вас ее ученым секретарем.

На спор с кем угодно и на что угодно могу пойти, что из любого десятка людей только один отклонил бы это весьма лестное предложение. Другие девять ухватились бы за него руками и ногами. Ведь оно прямо-таки распахивало двери зарубежных поездок – сверхзаманчивых для подавляющего большинства. И я был искренне удивлен, услышав ответ Тютюкина:

– Спасибо, Павел Васильевич, но лучше пригласите кого-нибудь из более молодых... Мое поколение мало контактировало с иностранцами.

Карьеризм и стремление к обогащению были совершенно чужды этому историку. Звездой, которая вела его и большинство его поколения, была правда. Редкое поколение. Будет ли еще такое?

Перестройка внесла много сумятицы и неразберихи. Началась эмиграция, хотя, надо сказать, из нашего Института уезжать собрались немногие. Увы, среди них оказался и я. Не хотел ехать, но поддался давлению дочери и ее слишком напористого

мужа. Перед самым отъездом директор Института А. Н. Сахаров сообщил мне, что был план назначить Тютюкина главным редактором журнала «Отечественная история», а меня – его заместителем. Если бы я знал об этом раньше, я бы скорее всего отказался от эмиграции: работать со Станиславом Васильевичем было бы одним удовольствием. Мой отъезд мог оказаться просто губительной ошибкой, если бы не добрые душа и руки Станислава Васильевича Тютюкина, который больше десяти лет занимал пост главного редактора «Отечественной истории». Позволю себе усомниться в том, что какой-либо другой редактор так широко открыл бы двери своего журнала для «беженца» вроде меня. Другой, но не Станислав Тютюкин – прямой, достойный и независимый человек¹⁴. Благодаря ему я не чувствовал, не ощущал своей оторванности от Родины, Института, друзей. Все годы он присылал мне свои многочисленные работы, всегда – интересные и актуальные.

Вспоминается история с так называемым «Политическим завещанием Плеханова». Оно вдруг появилось в популярной «Независимой газете» в конце 1990-х годов. Раньше о нём никто не слышал. Потребовалась эрудиция Станислава Тютюкина – плехановеда и его коллег, чтобы разоблачить эту фальшивку, целью которой было «обосновать» якобы плехановскими взглядами все то, что совершалось тогда в стране по наметкам «архитектора Перестройки» А. Н. Яковлева. Тютюкин показал, что Плеханов никогда не был «певцом капитализма». Во все времена он был борцом с социальной несправедливостью, великим патриотом.

Но не только книжно-статейная связь существовала между Станиславом Тютюкиным и мною. Мы установили и прямую телефонную связь. Раз в месяц, в строго определенный день я слышал в телефонной трубке четкий голос Станислава Васильевича. Так было в течение многих лет. О, если бы всегда так было...

¹⁴ Действительно, в 1995 – 2007 годах, когда С. В. Тютюкин занимал пост главного редактора «Отечественной истории», в журнале вышел целый ряд научных трудов Г. З. Иоффе, среди которых была и рецензия на книгу Станислава Васильевича «Меньшевизм. Страницы истории». Кроме того, любопытным фактом их общей биографии можно назвать написанную в соавторстве статью для журнала «Наука и жизнь» под лаконичным названием «Меньшевики». – [прим. И. С. Удальцова].

**«РАЗВИВАЯ ИДЕИ И ДУХ ПРОСВЕЩЕНИЯ, ГУМАНИЗМА И
ПРОГРЕССА»: С. В. ТЮТЮКИН И ДОМ ПЛЕХАНОВА РНБ**

Пушкарёва И. М.

Институт российской истории РАН, Москва

Статья посвящена воспоминаниям автора о знакомстве со Станиславом Васильевичем Тютюкиным, а также его роли в осмыслении творческого наследия Г. В. Плеханова и творческим связям с Домом Плеханова РНБ.

Ключевые слова: С. В. Тютюкин, Г. В. Плеханов, Дом Плеханова.

«Воспоминания длиною в жизнь» – так называется моя статья в сборнике «Всегда оставался верен себе» [2], посвящённом памяти замечательного учёного, историка-«плехановеда» (и не только) с мировым именем Станислава Васильевича Тютюкина.

На моих глазах прошли более шестидесяти лет академической жизни Станислава Васильевича, начиная с его появления в 1958 г. в Институте истории (тогда – АН СССР, ныне – Институте российской истории РАН). Я готовилась к защите кандидатской диссертации, а он после окончания университета только начал работать научно-техническим сотрудником, приступив к сверке машинописных копий с текстами архивных документов для коллективных трудов. С этого тогда начинали многие крупные впоследствии учёные, причём не только в России. Затем в его биографии последовали аспирантура и защита в 1967 году кандидатской диссертации, а в 1985 – не менее блестящая защита докторской, посвящённой Г. В. Плеханову. Начиная с шестидесятых годов мы со Станиславом Васильевичем работали над коллективными трудами по истории революций в России. О подробностях этой работы и о том, в какой атмосфере нам приходилось трудиться, я подробно рассказала в упомянутой статье.

Сегодня же мне прежде всего хотелось бы поблагодарить замечательных организаторов международной конференции «История и культура: прошлое, настоящее, будущее» за их работу по подготовке сегодняшней онлайн-встречи в сложных условиях пандемии, за их вклад в сохранение памяти о Станиславе Васильевиче Тютюкине. Хорошо зная его удивительную скромность, всегда неизменную – вне зависимости от занимаемых им должностей, могу представить, как бы он был смущён таким вниманием к своей персоне. И всё же жаль, что он не услышит сказанного о нём за последние два года, как и того, что будет сказано сегодня: талантливые люди особенно нуждаются в хороших и тёплых словах.

Станислав Васильевич был «на голову выше своего окружения» [1, с. 35] – так считает его коллега, известный автор фундаментальных трудов В. П. Булдаков. А это уже говорит о многом. Другие вспоминают его так: «Обаяние высокого и мощного интеллекта великолепно образованного, воспитанного и принципиального человека – вот, пожалуй, главная черта, которая врезалась в память от общения с С. В. Тютюкиным» [4, с. 9].

Девиз Дома Плеханова – «Развивая идеи и дух Просвещения, гуманизма и прогресса» – очень хорошо определяет глубинную суть личности Станислава Васильевича, замечательным образом соответствует его облику и деятельности, равно как деятельности и личности Плеханова – одного из культурнейших людей своего времени, подлинного интеллигента, просветителя, мыслителя. Обращение Станислава Васильевича к наследию Г. В. Плеханова было как никогда актуально в семидесятые годы. Начав работать над посвящённым «отцу русского марксизма» монографическим исследованием, он, несмотря на огромную занятость, стремился «урвать» неделю-другую для поездки в Ленинград, где в Доме Плеханова его ждала огромная библиотека и тысячи страниц архивных документов. Он стал едва ли не самым активным их пользователем, регулярно участвовал в организуемых Домом Плеханова научных конференциях и «круглых столах», гордился полученной в 2007 году медалью «Г. В. Плеханов».

Станислав Васильевич оказался в числе преемников лучших представителей послевоенного поколения, среди которых было много фронтовиков. За пять лет обучения на истфаке МГУ он воспринял от них уважительное отношение к истории, любовь к России, гордость за её роль в спасении мира от фашизма. У тех, кто являлся для него примером, сохранялись черты, которые кажутся сегодня невероятными и даже мифическими в контексте политической обстановкой того времени, с характерными для неё политическими обвинениями и разгромной критикой. Это – неизменные целеустремлённость и работоспособность, верность принципам, высокий профессионализм, неугасаемый романтизм и вера в будущее. Как и послевоенное поколение, Станислав Васильевич включился в переосмысление сути исторического процесса, непреложных догм советской историографии. Это отразилось и в исследованиях наследия Плеханова.

Первая посвящённая Плеханову монография Станислава Васильевича, «Первая российская революция и Г. В. Плеханов» [7] (20 п. л.), появилась в 1981 году, вторая, «Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста» [6] (25 п. л.), – в 1997, а в 2010 увидели свет подобранные им 30 п. л. «Избранных трудов Г. В. Плеханова» [5]. Нынешний директор ИРИ РАН Ю. А. Петров, работавший в своё время под началом Станислава Васильевича как главного редактора журнала «Российская история», вспоминает: «Когда был получен неограниченный доступ к архивным материалам, Станислав Васильевич стал активным инициатором переосмысления и воссоздания объективной картины всей истории российской социал-демократии. В мировой историографии существуют сегодня десятки книг о Плеханове, но нет равных исследованиям С. В. Тютюкина по глубине и насыщенности информации о жизни и значительности образа Плеханова. Отвергая конъюнктурно-наносное, они подчеркивает величие Плеханова, как политического деятеля, идущего «впереди истории, не отрываясь от неё» [4].

Станислав Васильевич был, что называется, «природным» историком. Стремление к славе, карьеризм, обогащение за счёт публикаций (а исторические научные труды щедро оплачивались советским государством) были ему глубоко чужды. Работал он легко, быстро и плодотворно, но не гнался за числом своих работ и

даже не имел собственноручно составленного общего их списка. Он был составлен лишь для вышедшего в этом году мемориального сборника. В список входят более тридцати монографий и коллективных трудов, в которых Станислав Васильевич выступает не только как автор и соавтор, но зачастую и как редактор – а редактором он был блестящим. Все труды Станислава Васильевича отличаются научной глубиной, вдумчивой постановкой проблем, новыми и актуальными подходами к ним. Он потрясающе освоил сложнейший участок политической истории – историю КПСС, связанную с тремя российскими революциями. При этом он всегда оставался верен себе, своим убеждениям. «Звездой, которая вела его, – вспоминает Г. З. Иоффе, – была правда» [3, с. 44]. «Истина была его главным нравственным императивом – и в науке, и в повседневной жизни, и в жизни духовной» [8, с. 99], – пишет внук Станислава Васильевича Иван Удальцов (факультет Международной журналистики МГИМО).

Станислав Васильевич создавал труды, рассчитанные не только на узкий круг специалистов, но и на широкую общественность. Просто, ясно и строго логично излагал он сложные коллизии отечественной и мировой истории и роль в них выдающихся личностей. Эти труды встречаются в библиотеках мира на восьми языках, включая арабский. И сам будучи носителем нескольких иностранных языков, Станислав Васильевич прекрасно знал не только отечественную, но и зарубежную историографию и опирался на неё при оценке статей для журнала «Отечественная история» (ныне – «Российская история»), где плодотворно трудился более десяти лет. Выход очередного номера журнала, отличавшегося и содержанием, и замечательным литературным языком, всегда становился событием в научном сообществе.

Полностью общественное лицо Станислава Васильевича, его неизменно патриотическая позиция раскрывались в устных выступлениях – докладах и дискуссиях. Независимо от того, была ли это международная научная конференция или небольшая рабочая аудитория, его речь всегда отличалась собранностью, внутренним благородством, прямоотой, живостью ума, убедительностью формы и содержания. Всегда она вызывала подъём творческих сил.

Станислав Васильевич сделал максимум для того, чтобы выдающаяся личность Г. В. Плеханова осталась для потомков образцом великого патриота и борца с социальной несправедливостью. Читаем в монографии 1997 года: «В сложные времена Плеханов, живя на Западе, оставался с россиянами, болел душой за Россию. <...> Он хотел видеть Россию не страной рабов и не страной-жандармом, а великим государством подлинно свободных, образованных и уважаемых в мире людей» [6, с. 375]. Те же мысли Станислав Васильевич подчёркивал в своей педагогической деятельности на посту профессора кафедры истории ИППУ МГУ, как преподаватель гуманитарных дисциплин, как автор статей в общественно-политических газетах и журналах. Чем больше будет проходить времени, тем заметнее будет ощущаться в науке, в нашем обществе и, конечно, в Доме Плеханова отсутствие таких историков, каким был Станислав Васильевич Тютюкин. Сегодня он был бы особенно нужен нам в Институте истории, где готовится к печати новое, двадцатитомное издание истории России...

Список литературы

1. Булдаков В. П. *Быть историком... (Вспоминая С. В. Тютюкина)* // *Всегда оставался верен себе: сборник памяти доктора исторических наук Станислава Васильевича Тютюкина / отв. ред. Ю. А. Петров.* – М.: Институт российской истории РАН, 2021. – С. 35 – 42.
2. *Всегда оставался верен себе: сборник памяти доктора исторических наук Станислава Васильевича Тютюкина / отв. ред. Ю. А. Петров.* М.: Институт российской истории РАН, 2021. 354 с.
3. Иоффе Г. З. *Самостояние человека. Памяти Станислава Васильевича Тютюкина* // *Всегда оставался верен себе: сборник памяти доктора исторических наук Станислава Васильевича Тютюкина / отв. ред. Ю. А. Петров.* – М.: Институт российской истории РАН, 2021. – С. 43 – 45.
4. Петров Ю. А. *К читателю* // *Всегда оставался верен себе: сборник памяти доктора исторических наук Станислава Васильевича Тютюкина / отв. ред. Ю. А. Петров.* – М.: Институт российской истории РАН, 2021. – С. 6 – 10.
5. Плеханов Г. В. *Избранные труды / сост. С. В. Тютюкин.* – М.: РОССПЭН, 2010. – 552 с.
6. Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. *Судьба русского марксиста* // М.: РОССПЭН, 1997. – 375 с.
7. Тютюкин С. В. *Первая российская революция и Г. В. Плеханов (из истории идейной борьбы в рабочем движении России в 1905 – 1907 годах)* // М.: Наука, 1981. – 333 с.
8. Удальцов И. С. *Станислав Васильевич Тютюкин. Несколько штрихов к портрету* // *Всегда оставался верен себе: сборник памяти доктора исторических наук Станислава Васильевича Тютюкина / отв. ред. Ю. А. Петров.* – М.: Институт российской истории РАН, 2021. – С. 95 – 100.

ДОКЛАДЫ

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В КИЕВСКОЙ РУСИ

Солоха А.А., Коровин А.А.

*Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
Краснодар*

В статье рассмотрено образование Киевской Руси. Раскрыт политический строй древнерусского государства. Изучены полномочия князя, который осуществлял правление при помощи дружины. Рассмотрена новая форма государственного управления, народное собрание – вече, играющее важную политическую функцию.

Ключевые слова: Киевская Русь, Древнерусское государство, князь, крещение, христианство, дружина.

The article considers the formation of Kievan Rus. The political system of the ancient Russian state is revealed. The powers of the prince, who ruled with the help of a squad, were studied. A new form of public administration, the People's Assembly – veche, which plays an important political function, is considered.

Keywords: Kievan Rus, Old Russian state, prince, baptism, Christianity, squad.

Киевская Русь была образована восточными славянами в IX в. и являлась одним из крупнейших государств Европы того времени.

Механизм управления Киевской Руси был задан существовавшей формой правления, т.е. структурой органов власти, способом их формирования, а также распределением компетенции между ними.

Во главе Древнерусского государства стоял великий князь киевский, который опирался на дружину и совет старейшин. Управление на местах осуществляли его наместники и волостели. Ему принадлежала высшая хозяйственно-административная, военная и судебная власть.

Великий князь киевский правил при помощи дружины, которая делилась на старшую и младшую. Младшая дружина (отроки и детские) осуществляли полномочия мелких служащих во дворце князя. Совместно со старшей дружиной (бояре, мужи) он принимал решения о сборе дани, походах. Отношения между князем и дружинниками носили вассальный характер. Бояре должны были служить князю. Дружина содержалась князем на его средства. В дружинной организации сложилась десятичная система управления, которая впоследствии распространилась на города и общины.

В XI–XII вв. появляется новый орган государственного управления – съезды (снема). Возникновение новой формы управления стало результатом усиления местных феодалов. На таких съездах решались вопросы войны и мира, разделения земель, улаживались конфликты.

В Древнерусском государстве окончательно формируется дворцово-вотчинная система управления. При этой системе выделяются центры управления - боярская вотчина и княжеский дворец [2].

Важную государственную функцию в Киевской Руси играло народное собрание – вече. На нем решались вопросы налогообложения, обороны города, избирались князья. Совет являлся исполнительным органом народного собрания, который состоял из городской знати и старейшин. В большинство городов вече собиралось редко. А по мере феодализации общества оно утрачивает свое значение.

Крестьяне-общинники составляли основную массу населения в Киевской Руси. Государство было заинтересовано в поддержании порядков крестьянской общины. Община выполняла деятельность по перераспределению наделов земли, занималась разрешением споров между общинниками, разыскивала преступников. Действовали принципы демократии и коллективного землевладения так как общинное самоуправление возглавлялось выборным старостой.

Деятельность князей была направлена на объединение восточных славян в единое государство, централизацию власти и укрепление международного авторитета Киевской Руси. Первые важнейшие преобразования были связаны с деятельностью княгини Ольги, которая провела налоговую реформу. Она хотела ввести христианство в качестве государственной религии, но из-за противодействия ее сына Святослава ей это не удалось.

В 988 г. происходит крещение Руси, которое становится важным и переломным моментом. Происходит смена духовных и нравственных приоритетов. На смену язычества приходит вера, требующая ограничений, строгого выполнения нравственно-духовных принципов. Православие укрепило Киевскую Русь, способствовало росту международного значения государства, сыграло огромную роль в развитии духовности и культуры.

При правлении Ярослава Мудрого (1019–1054 гг.) Киевская Русь превращается в могучую державу. Во время его правления началась работа по кодификации норм обычного права, результатом которой стало появление свода законов – Русской Правды [1].

Владимир Мономах, ставший князем в 1113 г. пытался бороться против распада Киевской Руси. Он обсуждал вопрос, как сохранить Древнерусское государство. На некоторый период времени у него получилось сохранить единство государства, которое впоследствии распалось на самостоятельные княжества.

Таким образом, древнерусское государство – раннефеодальная монархия, которая характеризовалась рядом отличительных черт:

1. Сохранение десятичной системы и народного собрания;
2. Одновременным существованием десятичной и дворцово-вотчинной систем управления;
3. Централизацией власти в руках князя.

Список литературы

1. Томсинов В. А. *История русской политической и правовой мысли. X-XVIII века: научное издание* / В. А. Томсинов. - Москва: Издательство "Зерцало", 2014. - 256 с.
2. Исаев И. А. *История государства и права России* / И. А. Исаев. – 4-е изд., стер. – Москва: Норма: ИНФРАМ, 2020. — 800 с.
3. Черный В. Д. *Древнерусское искусство* / В. Д. Черный. – Москва: ИНФРА-М, 2019. – 656 с.

ВОСПИТАТЕЛИ ИМПЕРАТОРСКОГО УЧИЛИЩА ПРАВОВЕДЕНИЯ В 1835-1848 ГГ.

Шишкина М.С.

независимый исследователь, Орёл

В работе дана характеристика состава воспитателей Императорского училища правоведения в 1835-1848 гг. Осуществлен анализ их сословной принадлежности, образовательного ценза, опыта педагогической деятельности. Автор приходит к выводу, что строгий отбор кандидатов позволял отбирать лучших из них, обеспечивал престижность воспитательской деятельности и предотвращал текучесть кадров.

Ключевые слова: Императорское училище правоведения, правоведы, воспитатели, кадровая политика.

This article describes the teaching staff of the Imperial School of Jurisprudence in 1835-1848. The analysis of their class affiliation, educational qualification, experience of pedagogical activity is carried out. The author comes to the conclusion that strict selection of candidates allowed selecting the best of them, ensured the prestige of educational activities and prevented staff turnover.

Keywords: Imperial School of Jurisprudence, jurists, educators, personnel policy.

Императорское училище правоведения, учрежденное в 1835 г., являлось закрытым образовательным учреждением, поэтому руководство уделяло большое внимание воспитательной работе. Как и в других аналогичных учебных заведениях, воспитатели должны были находиться рядом со своими учениками круглосуточно.

В первые годы существования Училища правоведения были заложены основы воспитательной работы. Устав училища, принятый в 1835 г., содержал требования к кандидатам на должность воспитателей: они должны были отличаться безукоризненным поведением, знать русский язык и как минимум один иностранный [1, с. 664]. Обязанности воспитателей были обширными: от наблюдения за внешним видом правоведов до контроля за их поведением на учебных занятиях.

За каждым из семи классов был закреплен воспитатель, который нес ответственность за своих учеников вплоть до их выпуска из училища. В течение первых 13 лет существования училища (1835–1848 гг.) должности классных воспитателей занимали 11 человек. Из них 3 имели университетское образование, что в то время было редкостью среди лиц, занимавшихся воспитанием (так, в кадетских корпусах подавляющее большинство ротных офицеров не имели даже среднего образования). Е. И. Кайпш сдал экзамен на домашнего наставника с правом преподавания римского права, политической экономии, российского уголовного права, истории российского законодательства, российской и всеобщей истории, т. е. обладал весьма разносторонними познаниями в области юриспруденции. А. С. Андреев был инженером-кораблестроителем, окончившим училище корабельной архитектуры. Еще

3 воспитателя (и в их числе выпускник Дворянского полка Г.-Ф. Я. Деринг) имели опыт армейской службы и в силу этого обладали навыками внушения своим подопечным представлений о порядке и дисциплине.

Подавляющая часть воспитателей имела дворянское происхождение (лишь 2 были выходцами из купеческой среды). По своей национальной принадлежности почти все первые воспитатели, за исключением А. С. Андреева, были иностранцами (французами или немцами; И. А. Бушман был англичанином). Многие из воспитателей-иностранцев слабо владели русским языком несмотря на отмеченное выше требование устава.

Большинство воспитателей обладали опытом работы в престижных закрытых учебных заведениях. Некоторые воспитатели являлись учителями детей императорской фамилии. Так, П. П. Гельмерсен занимался юридическими науками с сыновьями Николая I Николаем и Михаилом [4, с. 115], а И. И. Берар обучал французскому языку дочерей великого князя Михаила Павловича Марию, Елизавету и Екатерину [2, л. 110]. Е. И. Кайпш являлся домашним наставником у камергера князя М. Н. Голицына.

Из всех воспитателей наибольшей любовью правоведов пользовались Е. И. Кайпш и А. С. Андреев. Кайпш любил приглашать в выходные дни воспитанников к себе домой, они ценили его уважение и обращение на «вы» [3, с. 38]. Андреева часто посещали правоведы во время его дежурств по классу. Воспитатель часто рассказывал им об идеи вечного двигателя, занимательно освещал различные вопросы из физики и математики.

Нередко воспитатели помимо своих основных обязанностей также вели в училище разные неюридические предметы, как правило это были иностранные языки и география. Руководство училища считало, что носители языка смогут лучше донести до учеников содержание предмета. Однако, несмотря на указание в уставе учебного заведения на необходимость знания русского языка, многие воспитатели плохо говорили на нем, что неизбежно сказывалось на качестве преподавания.

В среднем воспитатели находились на этой должности от 6 до 10 лет. Текущее было невелика вследствие престижности воспитательной службы, достаточно высокого оклада денежного содержания и возможности совмещения обязанностей воспитателя с преподаванием. Несколько дольше других (14 лет) обязанности воспитателя исполняли А. С. Андреев и П. В. Томсен. Абсолютным рекордсменом по работе в должности воспитателя стал К. Л. Шнеринг, который проработал в этом статусе в училище 43 года.

Таким образом, можно сделать вывод, что в первые годы существования Императорского училища правоведения удалось сформировать корпорацию воспитателей, обладавшую достаточно высоким для той эпохи образовательным цензом, солидным послужным списком, опытом преподавания как в военных, так и в гражданских учебных заведениях. О строгом отборе воспитателей первого поколения правоведов говорит то, что среди них находились лица, удостоенные чести быть преподавателями детей императора Николая I и великого князя Михаила Павловича.

Престиж воспитательской службы в Училище правоведения predetermined низкую текучесть наставников правоведов, которая, в свою очередь, стала необходимой предпосылкой создания целостного образовательного пространства заведения.

Список литературы

1. Высочайше утвержденный Устав Императорского училища правоведения. 29 мая 1835 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. X. Отд. 1-е. N 8185.
2. РГИА Ф. 1348. Оп. 4 1841. Д. 290.
3. Тютчев И.А. В Училище правоведения. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1885.
4. Шайдуров В.В. Георгий Петрович Гельмерсен: ученый, педагог, администратор // Известия высших учебных заведений. Горный журнал - 2014. № 3.

ПРОБЛЕМЫ БЫТА СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Чаньчова П.В., Дейнега М.В.

Дальневосточный институт управления РАНХиГС СПО, Хабаровск

В настоящей статье рассматриваются основные проблемы быта советских граждан в период после окончания Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Отечественная война, жизнь, экономика, голод, восстановление.

Из воспоминаний журналиста Б. Галина: «В армии мы часто говорили о том, что будет после войны, как мы будем жить на другой день после победы, – и чем ближе было окончание войны, тем больше мы об этом думали, и многое нам рисовалось в радужном свете. Мы не всегда представляли себе размер разрушений, масштабы работ, которые придется провести, чтобы залечить нанесенные немцами раны».

После окончания войны людям приходилось искать жильё и пищу, также нужно было одеться, наладить быт, дать образование детям и найти работу. Согласно статистике, в 1940 жилищный Фонд составлял 167,2 млн.кв.м., в 1945 его объём уменьшился до 158,3 млн. кв.м.

Статистические данные о потреблении продукции в 1940 году были следующими: овощи 3,0 млн.т., скот и птица 2165 тыс.т., молочные продукты 6453 тыс.т., яйца 2679 млн.шт., картофель 8,5 млн.т., плоды и ягоды 2,71 млн.т., после войны в 1945 году потребление продукции снизилось: овощи 1,8 млн.т., скот и птица 1270 тыс.т., молочные продукты 2924 тыс.т., яйца 1145 млн.шт., картофель 4,5 млн.т., плоды и ягоды 1,21 млн.т.

Граждан очень волновал жилищный кризис. Жилья на всех не хватало. Жили по пять, по восемь, по шестнадцать семей с детьми на коммунальную квартиру. Не было большинства необходимых удобств: воды, газа, света, канализации. Готовили на керосиновых лампах и грелись от них же. Из посуды были только алюминиевые кружки, кастрюли и чугунные сковородки. Некоторые сохранили фарфор и столовое серебро и берегли его “на черный день”. Из-за того, что средств отопления жилья было мало, их приобретали по необходимости, либо экономили. Стирали в прачечных или в домашних условиях саморучно, используя тазы, мыться ходили в баню. По возможности пытались организовать собственное личное пространство, отгораживаясь от соседей по коммунальной квартире тряпками или кусками обоев. Как правило, в комнатах стояло отхожее мест, либо все санитарные удобства были на улице, возле дома.

Не менее важной была проблема обеспечения продовольственной безопасности страны. После войны были введены специальные карточки, которые выдавали, в период дефицита продуктов питания. На карточку получали в день несколько грамм хлеба, масла, сахара, рыбу, крупу, макароны. На каждого человека в месяц выдавалось: мясопродукты-600г., жиры-800г., сахар-600г., картофель 5000г., яйца-15шт., овощи-

2000г., сухие фрукты-500г. В 1945 году появилась лимитная книжка, порядок пользования был таков: лимитные талоны дают право на скидку 35%, лимитные талоны открываются на сумму скидки, округляемую до 5 рублей, при получении новой лимитной книжки, старая с истекшим сроком действия подлежит обязательному возврату, лимитная книжка без указания фамилии владельца и печати организации, выдавшей ее, не действительна. В конце 1947 года провели денежную реформу, и карточки отменили.

Война принесла ущерб здоровью советских людей и всей системы здравоохранения в целом. Фашисты разрушили больше тысячи больниц и поликлиник, власти пытались восстановить их. Уже в 1946 г. сеть медицинских институтов, существовавшая до войны, была полностью восстановлена, а в следующем году расширена. Они искали лучших врачей или обучали людей, которые хотели помогать больным. По мимо людей, которым была нужна помощь приходили и те, кто просто хотел проверить свое здоровье. Почти все медицинские институты расширили свою материальную базу, построили новые учебные корпуса, клиники, студенческие общежития. В целях повышения квалификации врачей медицинские институты начали с 1945 г. переходить на 6-летний срок обучения.

После войны инвалиды боевых действий наполнили улицы городов. Было множество ветеранов войны с нарушенной психикой. С ними работали военные психологи, это люди, которые хотели помочь избавиться от страха, психологических травм и научить жить в обществе. Врач узнает своего пациента, составляет его психологический портрет и вырабатывает индивидуальную линию лечения. Примером успешной адаптации инвалидов после войны может стать летчик Алексей Маресьев, по истории которого была написана «Повесть о настоящем человеке», всю жизнь был очень активен и боролся за права инвалидов. Он один из немногих, кто прошел медкомиссию после ампутации и стал летать с протезами. После войны Маресьев очень много ездил, стал почетным гражданином многих городов. Он стал живым доказательством того, что обстоятельства можно преодолеть. Так же показателен пример Зиновия Гердта, которому осколком снаряда зацепило ногу, и медики были уверены: «Конечность придется ампутировать». 12 операций позволили сохранить ногу известному артисту. Однако, он признается, что одна его нога короче другой на 9 сантиметров.

Во время войны было уничтожено порядка 30% культурного наследия стран Советского Союза. В 1945 году по заказу партии были созданы романы «Кавалер Красной звезды» Бабаевского и «Белая берёза» Бубённова, кроме того появлялась проза о «другой войне». Среди них особенно выделяются повести Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда» и Пановой «Спутники». В 1946 году вышло «Постановление о журналах Звезда и Ленинград», осудившее творчество Ахматовой и Зощенко, которые были исключены из Союза писателей. 14 августа 1946 года: вышел запрет на публикацию произведений ряда писателей: Зощенко, Ахматовой. 4 сентября 1946 года: Появление запрета на кинофильмы Лукова. 10 февраля 1948 года: «Об упаднических явлениях в советской музыке»

Такому же партийному контролю подверглись театр и кино. По мнению руководства, среди репертуара классические произведения должны были присутствовать только в небольшом количестве. Внимание следовало уделять особенностям духа времени, усилению борьбы за коммунизм. Не следовало делать упор на постановку зарубежных произведений, не идеализировать прежнюю историю. Не выставлять жизнь царей, ханов и вельмож в красочном стиле. В целях борьбы с такого рода проявлениями был специально создан еженедельник «Культура и жизнь». В его задачу входило выявление негативных тенденций развития искусства и требование исключения пьес, которые противоречат духу времени.

Изучая историю страны в послевоенные годы можно сказать, что война стала тяжелым испытанием и большим потрясением для советского народа. Война надолго перевернула весь уклад и ход жизни большинства населения страны.

Список литературы

1. *История Украинской ССР в десяти томах. Том восьмой. 4. Восстановление сельского хозяйства* URL: <https://history.wikireading.ru/373138>
2. *Справка ЦСУ СССР Л.М. Кагановичу о состоянии городского жилищного фонда в 1940-1952 гг.* - URL: <https://su-maloetazhki.livejournal.com/38439.html>
3. *Санитарное и медицинское обслуживание населения в СССР после Великой Отечественной войны* - URL: <https://www.winstein.org/publ/36-1-0-3259>
4. *Боханов А.Н. / История России. XX век, § 4. Жизнь после войны: ожидания и реальность* - URL: <https://history.wikireading.ru/111534>
5. *Короткова М. / Повседневная жизнь победителей: Быт советских людей в послевоенное время (1945–1955)* - URL: <https://coollib.com/b/336879/read>
6. *Сельское хозяйство. Проект исторические материалы СССР / Народное хозяйство СССР в 1960 году (Статистический ежегодник)* - URL: <https://istmat.info/node/398>

**ЛЕГКАЯ И ПИЩЕВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ КУЗБАССА
В 1941–1945 ГГ. ПО МАТЕРИАЛАМ ГАКО (ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АРХИВ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Маркова К.Ю.

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

В статье на основе архивных данных Государственного архива Кемеровской области дается краткий анализ состояния отраслей легкой и пищевой промышленности Кузбасса во время Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.).

Ключевые слова: легкая промышленность, пищевая промышленность, промышленные отрасли Кузбасса, сельское хозяйство, период Великой Отечественной войны, архив.

The article on the basis of archival data of the state archive of the Kemerovo region gives a brief analysis of the state of light and food industries of Kuzbass during the great Patriotic war (1941-1945).

Keywords: light industry, food industry, industrial branches of Kuzbass, agriculture, the period of the great Patriotic war, art-khiv.

Великая Отечественная война навсегда останется в памяти нашего народа. Она унесла колоссальное число жизней и потребовала огромное количество ресурсов от страны. Особое значение имела деятельность тыла. Каждый регион играл важную роль в обеспечении фронта и достижении победы. Свою лепту внёс и угольный Кузбасс. Среди основных направлений деятельности развитие продовольственной базы и сельского хозяйства Кузбасса было немаловажным. В исследованиях авторы чаще всего подробно освещают развитие промышленной сферы Кузбасса в годы ВОВ, деятельность эвакуированных предприятий и населения; производство боеприпасов и вооружения. Легкая промышленность Кузбасса в 1941–1945 гг. представлена в исторической литературе менее подробно. Этот сектор, несмотря на минимальную величину в народном хозяйстве индустриального Кузбасса, имел важное значение в поддержке фронта. В конце 1941 г. фашистскими захватчиками была оккупирована часть территории Советского Союза, дававшая около 40 % всего зерна страны, 38 % крупного рогатого скота и 60 % поголовья свиней [1, с. 137]. В результате, основная роль в обеспечении государства продовольствием была отведена восточным районам страны, в том числе и Кузбассу. Численность населения постоянно снижалась, в результате, площадь обрабатываемой земли возрастала. Три четверти трудоспособного населения Кузбасса составляли женщины. Из обращения работниц Кемеровского коксохимического завода Кузбасса: «У многих из нас ушли на фронт мужья, сыновья, братья. Они ушли защищать нашу жизнь, нашу свободу, наше счастье. Обуреваемые желанием помочь нашей родной Красной армии в этой борьбе, мы решили все, как один, выйти на трудовой фронт. [...] Мы призываем всех женщин – домохозяйек последовать нашему примеру. Выходите на работу, овладевайте техникой!

Овладевайте санитарным делом! Куйте победу над врагом в тылу!» (Опубликовано газетой «Кузбасс» 1 июля 1941 года. Перепечатано в газете «Вперед» 17 января 1975 года) [2]. Помимо женщин, активное участие в работе вынуждены были принимать дети, пожилые люди и инвалиды, вернувшиеся с фронта. Архивные данные подтверждают факт активного участия молодежи в сельскохозяйственных работах, легкой и пищевой промышленности Кузбасса. По решению Кемеровского областного Совета депутатов трудящихся «О мобилизации школьников на сельскохозяйственные работы» в целях оказания помощи колхозам и совхозам в прополке и уборке урожая из городов области было мобилизовано 13030 школьников 6–9 классов сроком с 20-го июня по 25 августа 1944 года с распределением их по районам. Продолжительность рабочего дня для школьников устанавливалась в зависимости от возраста от 6 до 8 часов [3].

Несмотря на повышение обязательного минимума трудодней в год (апрель 1942 г.), увеличение рабочего дня/смены [4], люди старались перевыполнять нормы. Об этом свидетельствует, к примеру, письмо сотрудников Мариинского завода технического спирта И. В. Сталину: *«Мы, рабочие, работницы, инженерно-технические работники и служащие Мариинского завода технического спирта, собрались на митинг, посвященный вручению заводу переходящего Красного Знамени ВЦСПС и Наркомпищепрома СССР шлем Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, свой горячий, идущий от всего сердца, большевистский привет![...] Наш коллектив неустанно работает для того, чтобы дать стране и Красной Армии необходимой продукции в таком количестве, которое перекрывает государственные планы и с этой задачей мы справились – выполнили план в июне месяце на 110,7 % при хорошем качестве. [...]»* [5].

Военное время ужесточило условия сельского труда. Основная часть необходимой для работы техники была отправлена на фронт, оставшиеся трактора требовали ремонта, не хватало минеральных удобрений. Все выше перечисленные трудности вели к сокращению посевных площадей, падению урожайности и снижению хлебозаготовок. С уборкой, обмолотом и особенно хранением и сдачей хлеба государству Кемеровской областью, по данным архивных документов, дело обстояло не лучшим образом. В письме секретаря Кемеровского обкома партии С. Б. Задионченко говорится, что уборку урожая 1942 г. большинство районов провели несвоевременно, допустили большие потери зерна, картофеля и овощей [6].

В архивных документах содержится мало сведений о состоянии отраслей легкой и пищевой промышленности Кузбасса в военное время. С уверенностью можно сказать, что в Кузбассе в военные годы разводили крупный рогатый скот [7; 8], производили маслоделательную продукцию [9], спиртоводочную, хлебобулочные изделия (батон, французская булка, калач московский, пирожки и т.д.) [10]. Кузбасс в годы войны принимал активное участие в ремонте теплых вещей для солдат Красной Армии, плановых стирках, в производстве лыж, валенок и рукавиц [11; 12; 13].

Исходя из представленного материала, можно заключить, что война потребовала от советского народа невероятных усилий, показала мужество и героизм советского

человека. Кузбасс наряду с другими регионами помогал обеспечить фронт зерном, картофелем, мясом и другими продуктами. Заслуги Кузбасса в военные годы (1941–1945 гг.) являются частью истории нашего Отечества.

Список литературы:

1. *История Кузбасса: учеб. Пособие / В.П. Литовченко, Г.А. Макурина, В.А. Мирошник; Кемеровский технологический институт пищевой промышленности. – Кемерово, 2010. – 212 с.*

2. ГАКО. Ф. Р – 212. – Оп.9. – Д.53. – Л.14.

3. ГАКО. Ф. Р – 790. – Оп. 1. – Д.27. – Л.256.

4. ГАКО. Ф. Р – 311. – Оп.3. – Д.2. – Л.33.

5. ГАКО. Ф. Р – 201. – Оп.1. – Д.15. – Л.16

6. ГАКО. Ф. П – 75. – Оп.1. – Д.9. – Л.71–78

7. ГАКО. Ф. Р – 909. – Оп.1. – Д.2. – Л.156

8. ГАКО. Ф. Р – 448. – Оп.1. – Д.6. Л.103.

9. ГАКО. Ф. Р – 448. – Оп.1. – Д.1. – Л.52.

10. ГАКО. Ф. Р – 951. – Оп.1. – Д.1. – Л.375.

11. ГАКО. Ф. П – 75. – Оп.1. – Д.11. – Л.101–104

12. ГАКО. Ф. Р – 18. – Оп.5. – Д.13. – Л.225

13. ГАКО. Ф. П – 75. – Оп.1. – Д.21. – Л.196.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ОБ АДМИРАЛЕ Ф.Ф. УШАКОВЕ В ПЕРИОД СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО ПОХОДА: ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИИ

Сорогин А.В., Никулина А.С.

Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева, Вольск

В статье исследуется необходимость сохранения исторической памяти об адмирале Ф.Ф. Ушакове.

Ключевые слова: историческая память, адмирал Ф.Ф. Ушаков, Средиземноморский поход, Ионические острова.

The article explores the need to preserve the historical memory of Admiral F.F. Ushakov.

Key words: historical memory, Admiral F.F. Ushakov, Mediterranean campaign, Ionian Islands.

В соответствии с пунктом 3 статьи 44 Конституции Российской Федерации (с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 г.) каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. 4 июля 2020 г. вступила в силу статья 67.1 Конституции РФ. В соответствии с пунктом 3 Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды [5].

Сегодня на федеральном уровне особое внимание уделяется формированию и развитию в общественном сознании исторической памяти, проводится активная работа в этом направлении [1].

Главное предназначение исторической памяти служит целям «переформатирования исторического прошлого с целью придания нужного вектора развития настоящему» [8].

Историческая память является связующим элементом между нами и такими легендарными личностями, как адмирал Ф.Ф. Ушаков, преданно служившими на благо нашего Отечества и далеко за его пределами. К сожалению, все заслуги прославленного адмирала перед Россией были забыты, как только он ушел в отставку и уехал из столицы. О нем не вспоминало даже военно-морское ведомство. А ведь именно Ушаков вложил больше всего сил в создание и становление боеспособного Черноморского флота. Адмирал Ф.Ф. Ушаков закончил свой жизненный путь в октябре 1817 года в своем имении. Похоронили его в монастыре недалеко от Темникова.

Таким образом, актуальность статьи обусловлена необходимостью сохранения исторической памяти о великом флотоводце нашей страны Ф.Ф. Ушакове в условиях увеличения временного разрыва, отделяющего нас от исторических событий XVIII века. Значимость работы усиливается в связи с тем обстоятельством, что в греческих архивных документах наблюдаются фальсификации со стороны Великобритании

направленные на преуменьшение роли Ф.Ф. Ушакова в освобождении Греции от завоевателей.

Последние исследования историков (А.М. Вайлов [2], В.Н. Ганичев [3], Ф.В. Носов [6], В.Д. Овчинников [7], А.М. Станиславская [9], Г.П. Шторм [10] и др.), а также личные контакты авторов с кандидатом исторических наук, руководителем центра греческих исследований им. В. Х. Кондараки И. В. Мосхури [4], Президентом русско-греческого общества острова Корфу Т.Ю. Мальковой, экскурсоводом Н.А. Князевой из Филиала ЦВММ «Музей Черноморского Флота», преподавателем с острова Закинфа Н.Б. Гордиенко, православными гидами с Корфу Н.В. Вороновой и Еленой Азовой позволили установить объективный образ Ф.Ф. Ушакова как умелого организатора флотской службы, новатора тактики морских битв. Оказавшись в период Ионической кампании в центре сложнейшего узла европейской политики, Ф.Ф. Ушаков поднялся до уровня государственного политического деятеля, показав себя истинным патриотом России. Жизненный путь Ушакова интересен тем, что в эпоху всеобщего фаворитизма он достиг вершины успеха только упорным трудом, личным мужеством, флотоводческим талантом, беззаветным служением Родине.

Жизнь и боевая служба Федора Федоровича Ушакова оказались теснейшим образом связаны с важнейшими политическими событиями в жизни России конца XVIII века, потому что Ф.Ф. Ушаков является одним из создателей Черноморского флота, а с 1790 года – его командующим. Общеизвестно, что из 43 морских сражений флотоводец не проиграл ни одного. Только благодаря его крупнейшим победам над турецким флотом Россия смогла установить прочный мир в Крыму. Именно адмирал Ушаков успешно провел Средиземноморский поход русских кораблей во время войны против Франции, освободил захваченные наполеоновскими войсками Ионические острова. Вспоминая события освобождения Ионических островов в ходе Средиземноморской кампании Ф.Ф. Ушакова, принципиально важно не забывать, что в борьбе против французского ига сплотились народы России и Греции, крепла дружба русских и греков. Современная позиция греков и русских, проживающих в Греции, в отношении политической и дипломатической деятельности Ф.Ф. Ушакова в условиях российско-греческого взаимодействия, должна быть основана на исторической правде о событиях XVIII века.

Последовательное решение поставленных в исследовании задач позволило сделать следующие выводы. Внешняя политика России по отношению к независимой в будущем Греции начала вырабатываться в XVIII веке благодаря Ф.Ф. Ушакову. Оказавшись в период Средиземного похода на оккупированных французами Ионических островах, Ф.Ф. Ушаков зарекомендовал себя мудрым и в то же время решительным политиком и дипломатом. Освободив греческий народ от гнета, он содействовал созданию независимого греческого государства. Он положил начало основным принципам межгосударственных отношений: стремлению к дружбе, взаимному доверию, уважению народного мнения.

Список литературы:

1. Балдицына Е.И. Историческая память личности как залог обеспечения стабильности общества // *Общество: философия, история, культура*. – 2018. – № 4. – С. 9–11.
2. Вайлов А.М. Ушаков и Нельсон: два адмирала в эпоху наполеоновских войн. – М.: Родина, 2021. – 352 с.
3. Ганичев В.Н. Адмирал Ушаков. Флотоводец и святой. – 2-е изд. Испр. И доп. – М.: Издательство ИТРК, 2017. – 528 с.
4. Греки в истории Севастополя: Монография. Ч. 1 / И.В. Мосхури. – Севастополь: Стрижак-Пресс, 2005. – 595 с.
5. Конституция РФ с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 г. (+ сравнительная таблица изменений). Редакция 2021 г. – Москва: Эксмо, 2021. – 96 с.
6. Носов Ф.В. Адмирал Ф.Ф. Ушаков. – Ленинград: Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, 1955. – 35 с.
7. Овчинников В.Д. Адмирал Ф.Ф. Ушаков: влияние деятельности на строительство отечественного флота и развитие военно-морского искусства (вторая половина XVIII – начало XIX в.): автореф. дис. ...д-ра исторических наук: 07.00.02; Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации. – Москва, 2015. – 51 с.
8. Рагозина Т.Э. Историческая память как аберрация исторического сознания // *Формы культуры и противоречия современного общества: материалы международной научной конференции. Сер. «Социально-гуманитарные исследования ученых Донбасса»*. – Донецк, 2019. – С. 21–28.
9. Станиславская А.М. Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции, 1798-1800 гг. – М.: Наука, 1983. – 302 с.
10. Шторм Г. П. Ф.Ф. Ушаков. – М.: Военное издательство Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, 1947. – 363 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАНЫ ВЫСШИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Гребенкин А.Н.

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, Орел

В статье дана характеристика охранных мероприятий, связанных с обеспечением безопасности высших должностных лиц Российской империи в конце XIX – начале XX в. Рассмотрена охрана мест жительства Председателя Совета Министров, министров внутренних дел и народного просвещения, трасс их проезда и мест временного пребывания. Прослежены причины, позволившие совершить успешные покушения на В. К. Плеве и П. А. Столыпина. Сделан вывод о том, что в целом охрана высших должностных лиц Российской империи была организована неудовлетворительно ввиду недостатка опыта, нехватки средств и стремления тратить все ресурсы на охрану императора и членов его семьи.

Ключевые слова: Российская империя, государственная охрана, высшие должностные лица, теракт, П. А. Столыпин, В. К. Плеве.

This article describes the security measures related to the security of senior officials of the Russian Empire in the late XIX - early XX century. The protection of the places of residence of the Chairman of the Council of Ministers, Ministers of Internal Affairs and Public Education, their travel routes and places of temporary stay was considered. The reasons that made it possible to make successful attempts on V. K. Plehve and P. A. Stolypin are traced. It is concluded that, in general, the protection of senior officials of the Russian Empire was organized unsatisfactorily due to lack of experience, lack of funds and the desire to spend all resources on protecting the emperor and his family members.

Keywords: Russian Empire, state security, senior officials, terrorist attack, P. A. Stolypin, V. K. Plehve.

Охрана Его Императорского Величества, созданная в августе 1881 г., была предназначена исключительно для обеспечения безопасности Александра III и членов его семьи. Между тем высшие сановники имели не меньше оснований для беспокойства за свою жизнь, чем «гатчинский узник». Поскольку привлекать к своей охране личный состав Охраны Е. И. В., Главный начальник которой подчинялся непосредственно императору, было невозможно, в качестве источника людских ресурсов использовалась Охранная агентура при Отделении по охранению общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге, созданная в 1883 г. «в видах обеспечения безопасности высочайших их императорских величеств и государя наследника-цесаревича проездов по столице» и состоявшая приблизительно из 200 агентов. Пользуясь своим служебным положением, министр внутренних дел граф Д. А. Толстой откомандировал 8 агентов для несения службы по его охране и проведения агентурных мероприятий в тех местах, которые он посещал. В 1890-е гг., когда

наступило затишье, участие Охранной команды в обеспечении безопасности министра внутренних дел прекратилось само собой.

Охрана высших сановников стала воссоздаваться в 1902 г., после убийства министра внутренних дел Д. С. Сипягина. К числу охраняемых лиц были отнесены министр внутренних дел, его товарищ, директор Департамента полиции МВД, министры финансов, юстиции, обер-прокурор Святейшего Синода, санкт-петербургский градоначальник, начальник Главного управления почт и телеграфов и начальник Канцелярии Е. И. В. по принятию прошений. Поначалу охрана осуществлялась силами 15 агентов Охранной агентуры, в 1903 г. переименованной в Охранную команду. Однако эскалация эсеровского террора быстро привела к ее усилению. Так, за охрану министра внутренних дел В. К. Плеве в 1902-1904 гг. отвечал особый отряд, состоявший из 10-15 жандармских унтер-офицеров во главе с А. С. Скандраковым. Плеве носил под одеждой тонкий бронежилет и пользовался «блиндированной» (т. е. бронированной. – А. Г.) каретой, однако привлечение большого количества полицейских чинов к его охране во время выездов позволяло эсерам безошибочно определить не только маршрут, но и время проезда: «Весь его путь, как по волшебству, принимал какой-то театральный вид. От низшего полицейского чина до полицейского высшего ранга, умноженных во много раз, все в блестящих новеньких мундирах, все вытягивались в струнку, одергивая мундиры, поправляя шашки, точно готовясь к смотру, охорашиваясь, а главное и самое заметное, все они поворачивали, как по команде, головы в ту сторону, откуда должен был ехать Плеве» [4, с. 60-61]. Полицейские шпалеры не спасли жизнь министру: 15 июля 1904 г. Плеве был убит Е. С. Созоновым, бросившим бомбу в его карету. Поэтому его преемник П. Н. Дурново старался не увеличивать без нужды числа сотрудников своей охраны и часто ездил по столице в одиночку.

С 1906 г., после создания Охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту, Охранная команда в составе 236 штатных и 20 прикомандированных сотрудников стала сосредоточилась на обеспечении личной охраны высокопоставленных лиц [5, с. 364].

Охрану П. А. Столыпина, который с 1906 г. занимал должности Председателя Совета Министров и министра внутренних дел, обеспечивал сводный отряд численностью около 100 человек, в который входили чины Охранной команды, агенты наружного наблюдения Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге, а также городские санкт-петербургской полиции. Начальником отряда был К. К. Десбах. Вместе с еще несколькими офицерами Отдельного корпуса жандармов он образовывал группу хорошо подготовленных «прикрепленных», на которую Председатель Совета Министров вполне мог полагаться. Когда Столыпин отправлялся в Зимний дворец, то вокруг дворца выставлялись посты (на Дворцовой площади и Дворцовой набережной) таким образом, что совершить покушение на премьер-министра было невозможно. Член боевой организации эсеров В. Попова вспоминала: «Перед моими глазами и теперь ясно встает, как я медленно выхожу из-под арки на Морской и пересекаю площадь направо

к Миллионной, стараясь придать себе возможно беспечный вид. Ни на момент я не выпускаю из глаз подъезда Зимнего дворца. Сыщики реют по площади и буквально пожирают глазами каждого прохожего. На площади, к первому подъезду от Адмиралтейства, подана карета, стоит плотно-плотно у дверей под аркой; кучер обращен лицом к Адмиралтейству. Если даже смотреть сбоку, то нельзя видеть, кто в нее входит. В сторону к Миллионной, за решетчатыми воротами, внутри дворцового двора, стоит закрытый черный автомобиль... Он подан тоже к самому подъезду. Ворота вдруг распахиваются, и автомобиль несется по площади под арку на Морскую. В то же время я успеваю заметить, как сыщик на площади, со стороны Адмиралтейства, быстро вынимает из кармана что-то ярко-белое, вроде платка, один момент держит в руке, и карета так же быстро отрывается от подъезда и несется вслед за автомобилем. Схватить взглядом, кто находится внутри за стеклом, нет возможности. Столыпин проехал – это несомненно, но где же он был, в автомобиле или в карете?» [6, с. 60]

Елагиноостровский дворец, где Председатель Совета министров обычно проводил лето, тщательно охранялся: «Район Собственного сада и прилегающих корпусов был обнесен колючей проволокой. Ограждались также берега Средней и Большой Невки со стороны воды. Вдоль всей ограды располагались посты полиции и охраны. Охрана осуществлялась силами общей полиции, речной полиции, Дворцовой полиции, а также Собственного Его Императорского Величества сводного полка. Посты охраны находились по берегам Средней и Большой Невки, по берегам Северных прудов, у каждого корпуса. Во дворце и вокруг дворца насчитывалось 6 постов полиции. В ночное время территория охранялась отрядами конной полиции и казаками, причем их маршруты пролегали и вдоль ограды Собственного сада и по Масляному лугу. Помимо дворцовой охраны и наружной полиции места эти были наводнены агентами тайной полиции» [1]. Перечень постов от Охранной команды на Елагинском острове по состоянию на апрель 1909 г. выглядел следующим образом: пост № 4 снаружи по террасе дворца – 2 человека, пропускной пост № 6 (суточный) – 3 человека, пропускной пост № 7 (суточный) – 3 человека, пост № 8 у ворот к оранжерее – 3 человека, пост № 12 вдоль внутреннего забора дворца – 4 человека, пост № 14 на пристани – 4 человека и 2 добавочных в ночное время, пост № 16 у ворот Елагинского моста за забором – 4 человека, пост без номера у кухни – 4 человека, пост у дальнего переезда на Старой деревне – 2 человека, пост у директора канцелярии министра внутренних дел – 1 человек. Общее количество чинов Охранной команды, задействованных в охране Столыпина, составляло 10 человек. Схема охраны непрерывно совершенствовалась. Например, в ноябре 1909 г. у Симеоновского моста по обеим сторонам Симеоновской улицы были выставлены два агента под видом торговцев табачными изделиями. Им были выданы патенты на торговлю табаком.

Дача главы правительства, расположенная на Аптекарском острове, тщательно охранялась столичной полицией и Охранной командой. Эсеры-максималисты, переодетые жандармами, 12 августа 1906 г. предприняли попытку уничтожить Столыпина на даче с помощью бомб. Жизнь премьер-министра была спасена благодаря бдительности его адъютанта генерал-майора А. Н. Замятнина, который вел в приемной

запись посетителей, и находившихся у входа швейцаров. Адъютант и швейцары обратили внимание на то, что, хотя 2 недели назад в форму жандармов внесли некоторые изменения, на прибывших были каски старого образца. Кроме того, подозрение вызвали их портфели, в каждом из которых лежало по шестикилограммовой бомбе. Замятин и швейцары бросились к подозрительным посетителям, чтобы задержать их. Поэтому злоумышленникам пришлось бросить портфели с бомбами к дверям, которые вели из приемной во внутренние помещения. Взрыв лишил жизни 27 человек и нанес тяжкие увечья еще 33, из которых многие впоследствии скончались. Общее количество пострадавших превысило 100 человек. П. А. Столыпин, который занимался в кабинете, остался невредим. Его дети, находившиеся в момент покушения на балконе дачи, получили серьезные травмы, причем дочь Наталья, у которой были сложные переломы костей обеих ног, стала инвалидом.

Тщательной охране подлежали и маршруты передвижения Председателя Совета Министров. Так, при следовании П. А. Столыпина с Николаевского вокзала на Елагин остров улицы, по которым он ехал, контролировались Охранной командой. Если Столыпин отправлялся на паровом катере в Петергоф, его охраняла речная полиция и агенты Охранной команды. Охрана, разумеется, сопровождала премьера и на отдыхе. В марте 1909 г., когда Столыпин поехал в Ялту, его сопровождали старший агент Охранной команды И. Гаврилов и 20 постовых агентов [9, л. 88].

Эсерам удалось убить Столыпина 1 сентября 1911 г. в Киеве благодаря тому, что исполнитель теракта, Д. Г. Богров, был агентом охраны. Агенты Киевского охранного отделения, среди которых находился и Богров, совместно с агентами Санкт-Петербургской охранной команды и Центрального отряда Охранной команды принимали участие в охране как дома генерал-губернатора, в котором проживал Столыпин, так и мест его временного пребывания. В доме генерал-губернатора были выставлены 2 внутренних поста (суточный двухсменный в парадном подъезде, на котором агенты несли службу в форме курьеров, и дневной двухсменный в нижнем коридоре у кухни). В саду размещались три суточных трехсменных поста: у ворот, выходящих на черный двор со стороны Левашевской улицы, у калитки со стороны усадьбы Броцкого и у забора черного двора, в саду около угла Институтской улицы и усадьбы Броцкого. Ночью постовые двух садовых постов дежурили у окон комнат, занимаемых Столыпиным, а третий обходил сад. Еще 2 суточных трехсменных поста агентов размещались снаружи: по Институтской улице от Левашевской улицы до Садовой улицы и по Левашевской улице у дома генерал-губернатора. В саду напротив дома генерал-губернатора должен был размещаться городской [2, л. 50].

В партере Киевского драматического театра чинам охраны, в том числе и Д. Г. Богрову, было отведено 36 мест начиная с 12-го ряда. Поскольку в Киеве в то время присутствовал Николай II и члены его семьи, охране Столыпина, который к тому же тогда находился в опале, не уделялось должного внимания. Киевский губернатор А. Ф. Гирс вспоминал, что после приезда императора в театр «охранявшая министра охрана, в том числе и агент, стоявший у фотографического аппарата (это был Богров. – А. Г.),

сошла со своих мест и окружила государя, его семью, министров и свиту» [3, с. 60-307]. Следует отметить и то, что вследствие стечения обстоятельств Столыпин взял с собой в Киев наименее опытного из своих «прикрепленных» – ротмистра Есаулова. В антракте Богров подошел к главе правительства и дважды выстрелил в него из браунинга. Теоретически Есаулов, чье место в театре находилось неподалеку от кресла Столыпина, мог бы задержать террориста. Но в момент покушения «прикрепленного» не было в зрительном зале – премьер-министр послал его подготовить автомобиль к подаче.

Преемник П. А. Столыпина, В. Н. Коковцов, сразу же после своего вступления в должность был взят под охрану. Расписание постов было составлено в конце 1911 г. У главного подъезда министерства финансов, размещавшегося в здании Главного штаба, выставлялся двусменный пост, на котором агенты Охранной команды несли службу в форме швейцаров. У двери на парадной лестнице находился суточный трехсменный пост. Агенты, заступавшие на него, были облачены в форму курьеров. Аналогичный пост был у входа в приемную через канцелярию. В приемной комнате по субботам в часы приема поочередно дежурили 3 агента в форме курьеров. У первых ворот находился дневной двухсменный пост. Агент, стоявший на нем, был переодет дворником. Такой же пост, только трехсменный суточный, был и у вторых ворот. Кроме того, «дворники» в две смены стояли у ворот на Морскую улицу. Суточные трехсменные посты размещались на черной лестнице у входа на кухню на втором этаже и под аркой по дворе. На углу Мойки и Калинкина переулка (на самом деле, очевидно, имелся в виду Кирпичный переулок) стоял агент, переодетый газетчиком. Два человека держали под контролем набережную реки Мойки от здания министерства до Полицейского моста и сам Полицейский мост. Еще 2 агента отвечали за четную сторону Мойки от Кирпичного переулка до Певческого моста, Певческий мост и угол Дворцовой площади. В общей сложности в охране В. Н. Коковцова было задействовано 30 человек.

В марте 1913 г. было утверждено «Положение об охране господина председателя Совета Министров и господина министра внутренних дел в Санкт-Петербурге и вне последнего». Обеспечение безопасности премьер-министра в столице возлагалось на санкт-петербургского градоначальника, а в прочих местах – на губернаторов или градоначальников. Непосредственной организацией охранных мероприятий в Санкт-Петербурге занимался начальник Санкт-Петербургского охранного отделения, вне столицы – особо назначенный офицер, именованный начальником охраны. В апреле 1914 г. была утверждена «Ведомость постов Охранной команды Санкт-Петербургского охранного отделения, выставляемых летом для охраны г. председателя Совета Министров и г. министра внутренних дел на Елагином острове». Дача Председателя Совета Министров охранялась 2 старшими агентами, а также 3 агентами, занимавшими суточный наружный трехсменный пост. Охрана дачи министра внутренних дел выглядела гораздо солиднее: 2 старших агента, 2 швейцара, 2 курьера, 10 постов (пропускной суточный у главных ворот, пропускной суточный у калитки возле Елагина моста, дневной на главной пристани, суточный на валу у шлюза, суточный у

деревянного забора напротив перевоза из Старой Деревни, пропускной дневной на главной дороге у шлагбаума, пропускной суточный у дачи генерала Сперанского, дневной на дороге у круглого здания, суточный у дачи министра и дневной для обслуживания катеров в форме матросов), а также 2 агента с велосипедами [7, л. 2].

Аналогичным образом обеспечивалась и охрана министров. Например, в Санкт-Петербурге дом министра юстиции И. Г. Щегловитова (Екатерининская улица, д. 1) охранялся следующим образом: суточный пост у подъезда с Итальянской улицы (4 человека), дневной пост на углу Садовой и Итальянской улиц (2 человека), дневной пост у ворот по Екатерининской улице (2 человека) и дневной пост на углах Екатерининской улицы и Невского проспекта (2 человека). В июле 1908 г. для охраны И. Г. Щегловитова, который отправился отдыхать в Ливадию, были командированы 20 агентов Охранной команды. Первая партия агентов в составе 15 человек во главе с Е. Павловым прибыла в Ялту заблаговременно 6 июля в распоряжение помощника начальника Севастопольского жандармского управления ротмистра Отдельного корпуса жандармов М. Н. Попова, а остальные (в т. ч. и старший агент С. М. Швецов) приехали 9 июля. На месте агенты были распределены следующим образом: 13 человек – в Ливадии, 5 – в Ялте и 2 – в Алушке. При этом агенты, находившиеся в Ливадии, несли постовую службу «днем у дома 4 человека, 2 человека в смену, ночью 8 человек по 4 человека в смену» [8, л. 10 – 10 об.]. В 9 часов утра, когда Щегловитов ехал купаться, его сопровождали 4 человека. В 7 часов вечера министр отправлялся на послеобеденную прогулку под охраной 3-4 агентов. Иногда до обеда, в промежутке между 3 и 6 часами, Щегловитов осматривал местные достопримечательности. В этих случаях агенты командировались заблаговременно для охраны как места посещения, так и пути следования. Агенты, размещенные в Ялте и Алушке, занимались «наблюдением», т. е. агентурно-розыскной деятельностью. Первоначально решением вопросов, связанных с охраной, занимался начальник Таврического губернского жандармского управления генерал-майор А. В. Герасимов, однако вскоре он уехал на Кавказ, поэтому старший агент Швецов получал указания непосредственно от министра, который «...очень любезно отвечает и указывает время выхода и выезда и то место, куда намерены поехать» [8, л. 10 об.]. Большую роль в организации охранных мероприятий играл ротмистр Попов, который, в частности, просил И. Г. Щегловитова на некоторое время отказаться от поездок в Ялту и в целом в те места, куда дорога вела через Ялту, а в особенности в Алушку. 12 июля по распоряжению Попова посты были перераспределены: 8 человек были посланы в Ливадию для несения постовой службы, 2 – в Алушку в качестве филеров, а 5 – остались в Ялте. Охрана министра юстиции в Крыму силами чинов Охранной команды продолжалась вплоть до 6 сентября, когда он выехал из Севастополя в Санкт-Петербург курьерским поездом.

Осенью 1908 г. ввиду того, что министр народного просвещения А. Н. Шварц получил анонимное письмо с угрозами в свой адрес, была организована его квартиры в доме № 10 по Каменноостровскому проспекту: у подъезда – 2 человека, у черного хода – суточный пост (ночью постовые патрулировали территорию вокруг дома) – 4 человека, дежурившие по 5 часов, у дома № 12 – дневной пост в составе 3 человек (с 7

часов утра до 1 часа ночи, по 6 часов каждый) и на дороге от дома № 10 до Александровского парка – 2 человека с 11 часов утра до 11 часов вечера по 6 часов.

В апреле 1910 г. ввиду поступившей в Департамент полиции МВД информации о готовившемся покушении на А. Н. Шварца охрана министра народного просвещения силами Охранной команды Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге возобновилась. Было установлено 5 постов – 2 суточных и 3 дневных (с 8 часов утра до 12 часов ночи либо до возвращения Шварца в квартиру), службу на которых несли 12 агентов. Суточные трехсменные посты выставлялись у парадного подъезда и черного хода. Первый дневной пост в парадном подъезде занимали поочередно 2 старших агента, которые должны были следить за людьми, входившими в подъезд. Еще два дневных двухсменных поста осуществляли контроль за тем, что происходило на Каменноостровском проспекте на отрезке от Большой Ружейной улицы до Кронверкского проспекта. Кроме того, во время следования министра на службу агенты размещались на постах на Троицкой площади, Троицком мосту и Чернышевской площади. Аналогичные наряды выставлялись и во время поездок Шварца по Санкт-Петербургу. Внутри здания Министерства народного просвещения находились 4 агента, переодетые курьерами, и старший агент в гражданской одежде.

В 1912 г. для охраны 9 высших чиновников Великого княжества Финляндского была создана Охранная команда в составе 30 вольнонаемных агентов и 5 филеров унтер-офицерского звания при Финляндском жандармском управлении. Политическая полиция к охране высших сановников не привлекалась.

Таким образом, охрана высших сановников Российской империи, которая стала создаваться еще в 1880-е гг., обрела более-менее четкие контуры только в начале XX в. Ее оформление стало ответом на вызов террористов. Отрабатывать схемы охраны и уточнять правила несения постовой и агентурной службы приходилось в условиях ожесточенного противостояния боевикам, методом проб и ошибок. Поскольку обособленные подразделения, которые отвечали бы за охрану Председателя Совета Министров, министров и других руководителей высшего звена, так и не были созданы, обеспечение безопасности членов правительства в значительной степени зависело от полицейских формирований императорской охраны, работавших на пределе своих возможностей. Отсутствие необходимого опыта, организационная несамостоятельность, вполне объяснимое стремление руководителей охранных подразделений тратить почти все ресурсы на охрану императоров в ущерб охране министров не позволили сформировать полноценную систему обеспечения безопасности чиновников высшего звена. Этим объясняется то, что они очень часто становились жертвами индивидуального террора.

Список литературы

1. Байрамова, В. Ф. П. А. Столыпин и Елагин остров: опыт реконструкции / В. Ф. Байрамова. URL: <http://opentextnn.ru/space/gardens/bajramova-v-f-p-a-stolypin-i-elagin-ostrov-opyt-rekonstrukcii/> (дата обращения: 15.10.2021)

2. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 97. – Оп. 3. – Д. 90. – Ч. 1.
3. Гирс, А. Смерть Столыпина. Из воспоминаний бывшего Киевского губернатора. / А. Гирс // Литература русского зарубежья : Антология. – Т. 2. – М. : Книга, 1991. – С. 305-310.
4. Ивановская, П. С. В боевой организации : воспоминания / П. С. Ивановская. – М. : Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. – 191 с.
5. На страже главной цитадели России : к 100-летию Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации / [В. И. Жилиев, Д. А. Клочков, И. И. Кондратьев, О. Г. Леонов, Т. Д. Панова; сост. Д. А. Клочков]. – М. : Русские витязи, 2018. – 920 с.
6. Попова, В. Динамитные мастерские 1906-1907 гг. и провокатор Азеф / В. Попова // Каторга и ссылка. – 1927. – № 5(34). – С. 47-64.
7. Российский государственный исторический архив. – Ф. 508. – Оп. 1. – Д. 2781.
8. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). – Ф. 1696. – Оп. 2. – Д. 31.
9. ЦГИА СПб. – Ф. 1696. – Оп. 2. – Д. 39.

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ ШЛЯХТЯНКИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В XVI ВЕКЕ

Лапина Н.П.

независимый исследователь

В статье рассматривается положение женщины-шляхтянки в Великом княжестве Литовском в XVI веке на примере жизни княжны Елизаветы (Гальшки) Острожской.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Литовские Статуты, шляхтянка, XVI век.

Эту статью мне хотелось бы посвятить памяти выдающегося ученого, редактора, педагога, энциклопедиста [5, с. 83 – 92], доктора исторических наук, профессора Станислава Васильевича Тютюкина, внесшего огромный вклад в развитие российской и мировой исторической науки [3, с. 230 – 234; 4, с. 73 – 77; 6, с. 6 – 10].

Величайшим достижением в области систематизации права в Великом княжестве Литовском было принятие в XVI веке трех Литовских Статутов – сводов законов, которые регламентировали деятельность правительства и населения. О Статуте, принятом на заседаниях сейма в 1529 году, читаем: «Значение Статута как кодекса государственного, уголовного и гражданского права ВКЛ [Великого княжества Литовского – прим. Н. Л.] трудно переоценить. Не удивительно, что современники сравнивали его принятие с введением христианства» [13, с. 189]. И это при том, что многие города с XVI века имели магдебургское право, да и раньше жили согласно самобытному русскому праву.

В данном случае нас интересует положение в то время женщины-шляхтянки, а также ее способность реализовать декларированные Статутом права.

Историк Орест Левицкий утверждал, что «...южнорусская женщина XVI в. пользовалась широкою свободою и независимостью, почти не уступая в полноте своих гражданских прав мужчине. Не знала она ни теремного затвора, ни монастырского заключения, ни той горькой домоостроевской неволи и порабощения, какие выпали на долю ее сестры – великороссиянки» [9, с. 193]. Однако нельзя и переоценивать степень свободы женщин того времени в Великом княжестве Литовском: «Сфера женской деятельности, определяемая традициями с одной стороны и Статутами – с другой, была чрезвычайно широка, хоть и оставалась в рамках жизненных сценариев, определенных патриархатом. Чрезвычайная широта этих рамок диктовалась реалиями времени, когда мужчина, занятый войной или службой, зачастую не мог исполнять свои функции главы семьи и хозяина» [2, с. 154].

В соответствии со Статутом Великого княжества Литовского 1629 года девушки могли вступать в брак с 15-летнего возраста [14, с. 58], позднее – с 13 лет [1, с. 548]. Свадьбы совершались, как правило, по взаимному согласию между женихом и невестой. Разумеется, свобода волеизъявления брачующихся была весьма относительной: «Брачные контракты и различные жалобы свидетельствуют, что не

только девушки и женщины-вдовы, но и сыновья вступали в брак с разрешения родителей или родственников» [7, с. 77].

Письменные источники (как завещания, договоры, змовные и розпустные листы, так и записи судебных разбирательств) свидетельствуют о денежно-материальном основании многих браков того времени.

В этом отношении показательной является драматическая история жизни княжны Гальшки (Елизаветы) Острожской (1539 – 1582). Род князей Острожских, некоронованных королей Волыни, выделялся знатностью и богатством даже на фоне таких влиятельных магнатов, как Вишневецкие, Радзивиллы, Чарторыйские и Сангушки.

Гальшка Острожская была красавицей и богатейшей наследницей не только Литвы, но и Польши. «Акт введения во владение Острожской волостью Беаты и Гальшки Острожских (6 февраля 1542 г.)» [10, с. 17 – 29] свидетельствует об огромном количестве имений этих женщин, матери-вдовы Беаты и полусироты-дочери Елизаветы. Разумеется, управляла всем имуществом мать, Беата Острожская-Костелецкая, в ее интересах было оставаться опекуной как можно дольше.

Опасаясь перехода имущества таких богатых магнатов в руки неугодных владельцев, сейм в Вильно в 1551 году принял «Устав и постановление относительно выдачи замуж девиц после смерти отца», согласно которому решение о замужестве принималось не только матерью, но и многочисленными опекунами девушки [8, с. 53]. У Гальшки Острожской такими опекунами, кроме ее матери Беаты, стали сам король Сигизмунд Август и ее дядя Константин-Василий Острожский. Интерес к приданому девицы проявляли и князья, и магнаты, и крупные военные деятели. Наконец рука Гальшки была обещана черкасскому и каневскому старосте князю Дмитрию Сангушко, но внезапно ее мать переменяла решение. Тогда жених и Василий Острожский взяли Острог штурмом и, несмотря на протест княгини Беаты, обвенчали молодых. Острожский летописец свидетельствует: «Года 1550. <...> Того же года Дмитр Сангушко дочку княжну Острожскую Ильину с Острога унес» [11, с. 378].

Магнатские междоусобицы, произвол шляхтичей, грабежи, насилие были в те времена распространенным явлением, многочисленные жалобы на них поступали во все правительственные инстанции. Мать Гальшки пожаловалась королю на самоуправство, и тот назначил суд в небольшом городке Кнышине (1554 г.). Приговор был суров: как похититель девушки князь Сангушко лишался чести, имения и жизни.

Однако привести приговор в исполнение было затруднительно, постольку осужденный «банита» (т.е. человек лишенный всех прав и объявленный вне закона) бежал с молодой женой за границу, во владения австрийского императора Фердинанда. Там его догнали и, в нарушение местных законов, убили шляхтичи, претендовавшие на руку Гальшки, среди которых были Мартын Зборовский и братья Гурки. Девушку возвратили матери Беате Острожской, и она стала объектом принуждения со стороны польского короля, который вынудил её к новому браку, на этот раз – с ненавистным ей графом Лукашем Гуркой. Последний занимал на тот момент важный пост ленчицкого воеводы. Обманув невесту, без согласия ее матери король Сигизмунд Август и епископ

Анджей Чарнковский провели венчание в дворцовом костеле в Кракове, вскоре после которого обе женщины (мать и дочь) сбежали во Львов и спрятались в доминиканском монастыре. Там Беата организовала еще один брак дочери (при живом муже) – с князем Семеном Слуцким. Законный супруг Гальшки Лукаш Гурка взял монастырь в осаду (1559 г.), разместив пушки прямо на львовских улицах, возвратил себе непокорную жену и заточил ее в башню в своем имении Шамотулы.

Лишь после смерти мужа (1573 г.) Гальшка возвратилась в Острог, где передала свое имущество дяде [8, с. 34 – 77]. Таким образом ее дядя Константин-Василий Острожский в конце XVI столетия «приобрел огромную личную империю, включавшую 40 замков, 1000 городов и 13 000 сел» [12, с. 104].

Интересный момент: католичка Гальшка (видимо, под влиянием православного дяди) пожертвовала значительную сумму денег на основание в Остроге православного монастыря, больницы и академии.

Как видим, решающую роль в судьбе княжны Гальшки Острожской сыграло не наличие прав, определенных законами того времени, а невозможность ими воспользоваться в связи с разгульной вольностью мужчин-шляхтичей и политикой короля и сейма относительно владельцев огромных магнатских имений. Хотя согласно Литовскому Статуту женщина всегда состояла в опеке (до замужества опекунами являлись родители, в браке – супруг, во вдовстве – опекуны-родственники), формально ее гражданская правоспособность ограничивалась мало – Статут признавал за нею имущественные права, охранял ее жизнь, честь и личную неприкосновенность. Однако на практике реализация прав женщины-шляхтянки была далекой от закрепленных Литовскими Статутами норм.

Список литературы

1. *История Украинской ССР: В 10 т. / Гл. редкол.: Ю. Ю. Кондуфор (гл. ред.) и др. – Т. 2: Развитие феодализма. Нарастание антифеодальной борьбы (1917-1920) / [В. А. Голубицкий, В. В. Грабовецкий, А. И. Дей и др.]; Редкол.: И. С. Слабеев (отв. ред.) и др. Киев: Наукова думка, 1982. 591 с.*

2. *Пелипенко Т. И. Положение шляхтянок в обществе Великого княжества Литовского в раннее Новое время // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2012. Вып. 4. С. 152 – 157.*

3. *Редакция журнала «Российская история». Станислав Васильевич Тютюкин (1935-2019) // Российская история. 2020. № 1. с. 230 – 234.*

4. *Удальцов И. С. Памяти профессора Станислава Васильевича Тютюкина // Педагогические чтения: Ежегодник. Волгоград, 2020. С. 73 – 77.*

5. *Удальцов И. С. С. В. Тютюкин как автор энциклопедических статей // Историческая наука: наследие и перспективы развития. Волгоград, 2020. С. 83 – 92.*

6. *Удальцов И. С. Станислав Тютюкин: в поисках истины. К 85-летию со дня рождения и в связи с годовщиной смерти // Историческая наука: наследие и перспективы развития. Волгоград, 2020. С. 6 – 10.*

7. *Ворончук І. Гродські і земські книги Волині як джерело до історії української шляхетської родини в XVI-XVII ст. // Наукові записки Національного університету*

«Острозька академія». Серія «Історичні науки». Острог: Видавництво Національного університету «Острозька академія», 2019. Вип. 28. 162 с. – С. 69 – 80.

8. Ковальський М. Етюди з історії Острога. Нариси. Острог, Острозька Академія, 1998. 288 с.

9. Левицький О. Сім'я і побут українців у XVI ст. // *На переломі: друга половина XV – перша половина XVI ст.* К.: Україна, 1994. С. 190 – 255.

10. *Описи Острожчини другої половини XVI – першої половини XVII століття / Упор. В. Атаманенко. Київ – Острог – Нью-Йорк, 2004. 383 с.*

11. *Острозький літописець // Між двох вогнів: Друга половина XVI – перша половина XVII ст.* К.: Україна, 1996. С. 376 – 393.

12. Плохій С. Брама Європи. Харків: Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля», 2016. 496 с.

13. Русина О. В. Україна під татарами і Литвою. К.: Видавничий дім «Альтенативи», 1998. 320 с.

14. *Статут Великого князівства Литовського 1529 року. Статути Великого князівства Литовського: у 3-х т. Одеса, 2002. Т. I. 464 с.*

«АТМАН ПОДОБЕН ОКЕАНУ». О КАТЕГОРИЯХ УПОРСТВА И ТЕРПЕНИЯ В ТЕКСТЕ КАТХОПАНИШАД

Пикалов Д.В., Гончаров А.С., Седова А.Ю.

Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь

Настоящая статья посвящена изучению философских основ в текстах Упанишад. В ходе исследования мы анализируем основы четвертого раздела религиозного канона, выделяя категории «упорства» и «терпения».

Ключевые слова: индуизм, буддизм, Упанишады, текст, религиозный канон, упорство, терпение.

This article is devoted to the study of the philosophical foundations in the texts of the Upanishads. In the course of the study, we analyze the foundations of the fourth section of the religious canon, highlighting the categories of «perseverance» and «patience»

Key words: Hinduism, Buddhism, Upanishads, text, religious canon, perseverance, patience.

В становлении буддизма значительную роль сыграла древнеиндийская религиозная философия, в частности, авторитетные тексты Упанишад. По своей сути Упанишады являлись трактатами религиозно-философского характера, дополнением к тексту Вед. В Упанишадах дается описание природы бога, основ правильной медитации, а также обсуждается философия великих учителей Древности [3].

Считается, что в Упанишадах приведено логическое завершение текста Вед, поэтому их часто называют «Веданта» («Конец Вед»). Описывая «Атман» («Высшее “Я”»), авторы Упанишад стремятся дать характеристику безличному Брахману и четырем Ведам – гимнам, воспевающим древнеиндийских богов – дэвов [4].

В настоящее время имеется список из 108 Упанишад, которые принято относить к официальному религиозному канону мукхья. В Упанишадах содержатся основы древнеиндийской философии – концепции о вселенском духе и вселенской воле. Центром данных концепций является Атман, служащий источником сил для «ищущего». Духовный путь начинается вместе с поиском Атмана, своей сакральной самости. В этом ключе особое место среди текстов Упанишад занимает «Катхопанишад» (четвертый раздел религиозного канона) [5].

Текст Катхопанишад (или «Катха-упанишады»), написанный в V-VI вв. до н. э. испытал значительное влияние буддийских идей. В этой Упанишаде представлена дуалистическая философия, воспевающая вселенский дух и самость, общину как способ духовного обогащения и крайний индивидуализм. Центральным событием Катхопанишад является встреча мудреца Начикеты с Ямой, богом смерти [1].

В ходе обсуждения духовных проблем человека, Яма затронул два качества, которые могут помочь избежать «истинной» смерти, назвав «упорство» и «терпение». Перерождение, со слов бога смерти, возможно, когда человек лишается страха смерти

и занимается аскетизмом. Йога как способ контроля является центром аскетической практики [1].

Итак, началом духовного пути человека должно являться стремление развить в себе два качества – упорство и терпение. Из содержания Катхопанишад можно почерпнуть, что упорство приставляет собой первейшее аскетическое чувство, жгучее желание закалить себя в суровых испытаниях, будь то самоумерщвление голодом, или прямое столкновение с силами природного характера. Упорство выражается только в достижении цели, намеренном преодолении разного рода препятствий. Упорный человек сам ищет себе испытания, так как они формируют волю и стойкость. Яма называет терпение добродетелью, это второе качество, открывающееся после упорства, которое отражает готовность перенести боль, потери и разочарование. Фактически, разочарование является скрытым основанием возникновения терпения. Начикета принимает терпение как обет, накладывающий ряд ограничений на аскета. Во-первых, это спокойное, сдержанное отношение к мирским скорбям. Во-вторых, это ответственность, непоколебимость, выполнение долгов и обещаний. Начикета считает, что «Атман подобен океану», охватить его можно лишь с помощью упорства и терпения [1]. Можно сказать, что именно упорство и терпение позволяют человеку познать свой Атман. Сравнивая это положение с учением Будды Гаутамы, мы наблюдаем ряд сходств: аскетическое основание учений; отречение и самоотверженность как факторы духовного роста; отказ от «прежнего себя» ради обретения истинной самости, то есть, Атмана [2].

Таким образом, отправной точкой познания Атмана является аскетизм. Согласно содержанию Катхопанишад, аскетизм формируется на основе упорства и терпения, которые понимаются как высшая степень самоотречения, проявляющегося в преодолении жизненных трудностей и невзгод, включая намеренное столкновение с ними.

Список литературы:

1. *Бхагаван Шри Сатья Саи Баба. Упанишады. Практика постижения истинной реальности / Бхагаван Шри Сатья Саи Баба [пер. с англ. О. Киртичниковой]. – 5-е изд. – М.: Свет, 2018. – 112 с.*
2. *Гончаров А.С. Проблема совершенного человека в традиционном буддизме // В сборнике: Инновационные решения социальных, экономических и технологических проблем современного общества. Сборник научных статей по итогам круглого стола со всероссийским и международным участием. Москва, 2021. С. 117-118.*
3. *Маддджхима-никая. Часть I / [пер. с англ. SV]. – М.: Ганга, 2020. – 656 с. – (Палийский канон).*
4. *Маддджхима-никая. Часть II: Срединные пятьдесят наставлений / [пер. с англ. SV]. – М.: Ганга, 2020. – 592 с. – (Палийский канон).*
5. *Черданцева И.В. Учение об Атмане как сущности человека в философии упанишад // В сборнике: Философские дескрипты. Мельников А.Н., Черданцева И.В. сборник научных статей. под редакцией А.Н. Мельникова. Барнаул, 2014. С. 145-161.*

БУДДИЙСКИЙ ПРОЗЕЛИТИЗМ ИМПЕРАТОРА АШОКИ

Пикалов Д.В., Гончаров А.С., Седова А.Ю.

Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь

Настоящая статья посвящена изучению распространения буддизма в империи Маурьев в период правления Ашоки. В ходе исследования мы анализируем рост общин и покровительство буддизму как фактор его становления в качестве мировой религии.

Ключевые слова: Ашока, буддизм, религия, община, пещера, эдикт, учение.

This article is devoted to the study of the spread of Buddhism in the Mauryan Empire during the reign of Ashoka. As a research, we analyze the growth of the community and patronage of Buddhism as a factor in its formation in the world religion.

Key words: Ashoka, Buddhism, religion, community, cave, edict, teaching.

Император Ашока – правитель империи Маурьев 273–232 гг. до н. э. Он известен в современной исторической науке благодаря успешным военным походами в земли народов Южной Азии с их последующим объединением в единую империю. Другим важным достижением Ашоки является буддийский прозелитизм. Ашока был великим покровителем буддизма и, как считает исследователь буддийских учений С.Ю. Лепехов, для превращения буддизма в мировую религию сделал больше, чем кто-либо из правителей Древности. Исторические сведения о духовном пути принца Ашоки содержатся в различных источниках, среди которых можно выделить Наскальные эдикты Ашоки, Упанишады и Мадджхиму-никая (Палийский канон). В агиографической традиции путь Ашоки повторяет путь Сиддхартхи Гаутамы – от встречи с болью и смертью, поиска себя через аскетизм – до просветления и восхождения [2].

Ашока был сыном Биндусары и внуком Чандрагупты. В детстве Ашока не увлекался религией, а единственным занятием, к которому у него лежало сердце, была охота. В молодости Ашока стал известным охотником, изучив повадки многих зверей и птиц. Ашока не был внешне красив, но никто не мог превзойти его в доблести, храбрости и любви к авантюрам. Кроме того, у Ашоки рано проявилось стремление к организации и управлению. Заметив это, отец назначил его наместником Аванти [5].

Прибыв в Удджайн, столицу Аванти, Ашока заслужил доверие народа, показал себя заботливым правителем. Подавив восстания, разгоревшиеся в окрестностях, Ашока занялся объединением всей Южной Азии. Из Наскальных эдиктов можно узнать, что многие народы не стали противостоять Ашоке, а добровольно присоединились к империи Маурьев. Нередки были торжественные приемы в честь императора, которые не подстраивались специально его ближайшим окружением, что обычно бывает, когда правитель крупного государства начинает завоевывать соседей. Калинга оказала Ашоке упорное сопротивление, но и эту область император смог захватить, не пролив крови сверх меры [5].

Агиографическая традиция считает, что Ашока пришел к буддизму, увидев множество трупов, страданий и разрушений. Вместе с формированием границ обновленной империи, Ашока раскаялся и осознал необходимость духовного восстановления после нанесенного ущерба. В это время буддизм существовал в виде секты бродячих монахов, разрозненных буддийских общин (сангх). Ашока не раз выслушивал рассказы буддистов о сущности мира и месте человека в нем, но принял буддизм не сразу. Вначале он стал светским последователем буддизма (упасака), затем погрузившись в ортодоксальные учения, сам признал себя просвещенным императором [3].

В начале своего правления Ашока не уделял внимания буддийской общине, но постепенно, в период ознакомления с жизнью монахов, стал вкладывать государственные средства в популяризацию буддизма и его распространение на территории империи Маурьев. Этическая сторона буддизма привлекала последователей во всей Южной Азии. Особое значение приобрела политика дхармавиджайи, согласно которой Ашока стремился актуализировать дхарму – комплекс норм поведения в буддизме. По некоторым источникам Ашока получил инициацию от Упагупта, по другим – сам пробыв странствующим монахом. Центром своей философии Ашока сделал принцип «ненасилие – величайшая добродетель» [1].

Оказывая буддийской общине свое покровительство, Ашока не желал превращения буддизма в государственную религию. Его целью было распространение буддизма во всех известных ему землях. В Наскальных эдиктах Ашока выступает за совместную деятельность сект. Исходя из содержания эдиктов, можно предположить, что Ашока дарил дома и жилые пещеры адживикам (противникам буддизма), но также покровительствовал джайнам (отступникам). Это наталкивает на мысль о том, что Ашока отделял религиозную власть от государственной. В конце правления Ашока решил укрепить общины в империи, начал гонения против адживиков и джайнов. Согласно агиографической традиции, в период правления императора Ашоки в Паталипутре собирался Третий буддийский собор [4].

Список литературы:

1. Гончаров А.С. Проблема совершенного человека в традиционном буддизме // В сборнике: *Инновационные решения социальных, экономических и технологических проблем современного общества. Сборник научных статей по итогам круглого стола со всероссийским и международным участием.* Москва, 2021. С. 117-118.
2. Лепехов С.Ю. Святые буддийской цивилизации // *Наука из первых рук.* 2007. № 4 (16). С. 102-117.
3. *Маддджхима-никая. Часть I / [пер. с англ. SV]. – М.: Ганга, 2020. – 656 с. – (Палийский канон).*
4. *Маддджхима-никая. Часть II: Средние пятьдесят наставлений / [пер. с англ. SV]. – М.: Ганга, 2020. – 592 с. – (Палийский канон).*
5. Яйленко В.П. Дельфийские максимы и формирование учения Ашоки о дхарме // *Проблемы истории, филологии, культуры.* 2004. № 14. С. 609-622.

ИСТОРИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ ПУТЕМ ЕЁ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПУБЛИЧНУЮ ИСТОРИЮ. НОВЫЙ ВИД ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Ильин И.А.

Псковский государственный университет, Псков

В статье исследуется влияние исторической фальсификации на формирование общественного сознания. Прослеживается путем проведения анализа общественный запрос на обладание историческим знанием.

Ключевые слова: история, фальсификация истории, общество.

The idea of the article is to study the influence of historical falsification on the formation of public consciousness. Trace through analysis the public demand for the possession of historical knowledge.

Key words: history, falsification of history, society.

В наше время вопрос использования истории как инструмента для формирования определенной точки зрения и осознания обществом себя как некоего единого и неразрывно связанного целого стоит остро. Линия, выстраиваемая историко-публицистическими работами, формирует модели сознания и мировосприятия как отдельно взятых индивидов, так и больших социальных масс, будь то народы или этнические группы.

Речь идет не только о классической фальсификации исторических событий путем смены курса изучения и подачи сухой научной информации. Под фальсификацией мы понимаем сознательное искажение исторических событий в определенных, конкретных целях, но и о новых инструментах реализации такой фальсифицированной истории путем использования массового медиапространства и даже массовых публичных мероприятий, таких как возведение и открытие новых исторически значимых памятников. Такой подход помогает влиять на восприятие исторического времени и понять её как особую, неразрывную связь реальности с прошлым общества.

Необходимым компонентом определения исторического времени является перцептивно-ментальное время, характеризующее функционирование психики и сознания субъекта, обладающего способностью вычленять и переживать историю как особую реальность. Перцептивно-ментальная форма и делает возможным существование исторического времени, поскольку, только будучи пропущенными через горнило человеческого духа (психики, внутреннего мира, «я»), отдельные события и явления социальной действительности приобретают статус исторических.

[4]

У любого большого государства имеются определенные инструменты для подготовки и реализации исторической информации с целью её воздействия на

публичные массы для формирования четкого взгляда на основы исторической целостности и продолжения движения по заданному историческому вектору движения социально объединенных масс.

Исходя из этого, можно составить приблизительный перечень инструментов воздействия на формирование исторического понимания и мышления:

1. Формирование программ обучения (для средней школы, старшей школы и ВУЗов). Экспертное сообщество не имеет четкой позиции в вопросах перспектив развития сферы учебного книгоиздания. Часть экспертов поддерживает сохранение вариативности учебников истории для школы, другая часть настаивает на целесообразности введения единого учебника истории. [2]

2. Научные труды. Из-за сложности расшифровки и недоступности полного понимания широкими массами информации, содержащейся в научных трудах, которые зачастую можно трактовать по-разному как из-за высокого порога вхождения, так и по причине высокого уровня бюрократизма в научной среде. Зачастую научные труды используются широкими массами лишь в контексте, вырывая какие-либо части из научного текста.

3. СМИ. Средства массовой информации широко известный поставщик доступной информации, охватывающий наибольшую аудиторию. Несмотря на падение авторитетности современных СМИ, общество до сих пор хорошо воспринимает информацию, полученную из них. Соответственно, несмотря на один из главных принципов работы СМИ – транслировать только правдивую и проверенную информацию, часто возникают ситуации, когда в СМИ транслируется чья-то достаточно субъективная точка зрения на то или иное историческое событие, либо, из-за недостатка квалификации каких-либо приглашенных экспертов, возникает дезинформация относительно того или иного исторического события.

4. Интернет. Постоянное использование интернета, где информация зачастую предоставлена недостоверно, является отличным источником фальсификации истории. Так же сильно влияние отдельно взятых названных экспертов, которые берут на себя смелость давать комментарии и оценочные суждения историческим событиям.

5. Художественные произведения. Один из самых мощных инструментов формирования исторического мышления у общественности. Используется почти всеми странами мира из-за простоты подачи и красочности, такая подача истории усваивается людьми лучше всего.

Формирование нужного восприятия обществом исторических событий и закрепление их путем параллельного сравнения настоящего и прошлого, это важнейший фактор определения здоровья и функционирования общества, как единого организма.

Фальсификация, при помощи которой политические и властные элиты сознательно и целенаправленно формируют желательные для себя образы исторического прошлого, выступает в качестве мощного оружия в борьбе за контроль

над настоящим и обладание будущим. Другими словами, фальсификации истории – это инструмент реальной политики.[1]

Историческая параллель помогает создать базис, на котором основывается цент столкновения между народами и цивилизациями, создание образов и деление на мы – другие. Основывая свои действия и подкрепляя их исторической памятью народа и его предназначения в истории всего человечества.

Для понимания сути проблемы следует разобраться в причинах возникновения фальсификации истории. В.Ю. Балабушевич в своей научной статье «Фальсификация истории (опыт философского осмысления)» приводит следующие пункты в качестве причин возникновения фальсификации истории:

- онтологические: вариативность исторического развития, бытие исторического знания в качестве интерпретационного конструкта;
- гносеологические: исключительная сложность процесса социального познания вообще и исторического познания в частности;
- социальные: разобщённость человечества; несовпадение, а часто и противоречивость коренных интересов различных классов, слоёв, социальных групп; борьба за их реализацию, ведущаяся в различных формах;
- психологические: продукты функционирования индивидуального, группового и общественного сознания на его чувственно-эмоциональном уровне в виде эмоций, чувств, настроений, переживаний, отражающих специфику социального бытия;
- политические: непрекращающаяся борьба за завоевание, удержание, укрепление и использование политической власти; заинтересованность политических элит в повышении уровня «управляемости» общества и его отдельных сегментов;
- идеологические: идеологизированный характер отношений в современном обществе; влияние идеологизированного сознания и идеологического мышления на формирование определенного видения (понимания) людьми своего исторического прошлого [1]

Использование исторических знаний в современных политических и государственных реалиях сегодняшнего мира вынуждают государства формировать образ исторического мышления и мировосприятия широкими массами. Разрыв между научными подходами восприятия истории и тем, как это делается медийным пространством ошеломительно. Стоит только обратить внимание на количество аудитории медийных личностей, которые так или иначе затрагивают формирование у своих слушателей или зрителей исторического понимания, можно прийти к удручающим выводам.

В таблице 1 проведен анализ охвата аудитории непрофессиональных историков и историков любителей, вещающих для русскоязычного населения на русском языке в видеохостинге YouTube.

Исходя из проведенного анализа можно сделать вывод, что каналы любителей имеют намного большее количество аудитории, чем аналогичные медиаплощадки профессиональных историков, например: История. РФ (90,8 тыс. подписчиков),

Алексей Гончаров (8, 09 тыс. подписчиков), Российское военно-историческое общество (7,1 тыс. подписчиков), Александр Дугин (11,6 тыс. подписчиков).

Таблица 1.

Наименование каналов, блогов	Размер аудитории	Общее количество просмотров
Александр Невзоров	1,16 млн.	289 919 430
История.Интересно!	788 тыс.	92 436 570
Клим Жуков	369 тыс.	37 231 589
Redroom	567 тыс.	73 227 550
Архивариус	231 тыс.	8 447 252
Антропогенез.РУ	370 тыс.	44 570 503
Labelsmart	555 тыс.	62 543 609

В настоящее время, как в общем-то и любое другое, изучение и осмысление истории массами будет делом государственной важности. Однако, легитимное право государства на влияние народа, проживающего в нем, путем изменения интерпретаций и акцентов в истории, с появлением интернета усложнилась. Тем более, глобализация и вседоступность информации из разных источников сегодня повсеместно приводит к глобальной подмене не только трактовок и значений, но и к изменению точных исторических дат, событий. Возможен даже такой вариант, что мнение квалифицированных специалистов не будет услышано народными массами. Вопросы морали, правоты и правды будут забыты в угол. Сегодня не лидеры интеллектуальной элиты двигают и просвещают массы, а выбранные массами лидеры ведут их туда, куда эти толпы хотят. Сам народ выбирает для них такое определение, как «лидеры мнений»

Понятие «фальсификация истории» обществом, а подчас и преподавателями истории, воспринимается в узком, однозначном смысле как «переписывание истории». Этот элементарный подход не является продуктивным для понимания феномена фальсификации истории, выяснения целей, мотивов и механизмов фальсификации истории, основных направлений попыток фальсификации истории России XX – начала XXI века. [2]

Например, политические веяния в США крайне сильно затронули не только политику и социальную сторону жизни американцев, но и все мирную историю. На базе мировой монополии западного кинематографа история подменяется на всех доступных уровнях и под влиянием так называемой «новой этики» изменяется формирование её понимания. Свою вольность интерпретаций создают художественные материалы, основанные на исторических событиях. Конечно, это не говорит о том, что авторы художественных работ считают исторически достоверным свои материалы, но и не доказывают обратное. Человеческий мозг, не обременённый научными знаниями, впитывает и воспринимает информацию как достоверную. Для

наглядности рассмотрим примеры явной исторической подмены в художественных фильмах Запада за последние три года:

- Сериал «Чернобыль», телеканал НВО. Тут прослеживается вольная трактовка фактов и конкретные оценочные суждения действий Советского Союза. Четкая связь с новым веянием русофобства на Западе.

- «Падение Трои» от ВВС, где Ахиллес стал чернокожим. Была изменена культура древних эллинов, сюда же можно отнести и сериал «Анна Болейн», в котором решили вообще не ограничиваться в вольных трактовках и своем видении истории.

Конечно, рассмотренные примеры всего лишь одни из многих, и в том же российском кинематографе таких примеров можно найти не меньше десятка, эти факты и должны исчерпывающе доказывать важность сохранения исторического знания и того, как вольная трактовка истории влияет на общественное сознание и восприятие как прошлого, так и действительности. Все это ведет к тому, что на сегодня проблемы истории имеют не только научный интерес в определенных кругах, но и вполне практический. Сама история превратилась из точной и весьма лаконичной науки в сложное сочетание политических и социальных инструментов. Возможность манипуляций с трактовками истории и её базой развязывает руки властям для реализации своих идей и целей. Понимание и восприятие человеком себя в истории, соотношение себя с великим народом, великой целью, крайне важно государствам. Общее дело, которое берет свои начала еще в глубокой древности, преемственность действий и ожиданий людей этих действий.

Второе условие понимания – целевое. Его можно сформулировать так: обычно человек понимает только то, что соответствует его внутренним установкам, прогнозам, если что-то не соответствует его ожиданиям, то первой реакцией бывает непонимание. Чем необычнее, неожиданнее событие, тем больше требуется усилий, чтобы понять его. И если мы ждем от человека одного, а он говорит на совсем другую тему, мы не сразу понимаем его. Понять это можно, речь идет о том, что на первый момент бывает не понятно. Понимание – это компонент мышления, который направлен не на получение новых знаний, а на их осмысление, а также этот компонент мышления необходим человеку для того, чтобы познавать окружающий мир. Понимание не является отличным от мышления самостоятельным процессом. Понимание обеспечивает установление связи раскрываемых новых свойств объекта познания с уже известными субъекту, формирование смысла новых свойств объекта и определение их места и роли в структуре мыслительной деятельности. Для понимания нового материала, незнакомых фактов, событий человек всегда должен решить определенную мыслительную задачу, так как формирование понимания нового происходит в процессе мыслительной деятельности и оказывается ее результатом. Когда же субъекту нужно понять уже известное событие или явление, то понимание совершается без актуального участия мышления – это понимание-вспоминание. Любая форма данного феномена при повторном обращении субъекта к породившей ее познавательной ситуации превращается в понимание-вспоминание. [6]

Список литературы

1. Балабушевич В.Ю. Фальсификация истории (опыт философского осмысления): статья в журнале – научная статья // Балабушевич В.Ю. Мир науки, культуры и образования. 2012. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/falsifikatsiya-istorii-opyt-filosofskogo-osmysleniya>.
2. Вяземский Е.Е. Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование теоретические практические аспекты: статья в журнале – научная статья// Е.Е. Вяземский – Проблемы современного образования. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-falsifikatsii-istorii-rossii-i-obschee-istoricheskoe-obrazovanie-teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty/viewer>
3. Демин И.В. Семиотическая интерпретация исторического познания в концепции Ю.М. Лотмана: статья в журнале- научная статья // Демин И.В. Философия и культура. 2017. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/semioticheskaya-interpretatsiya-istoricheskogo-poznaniya-v-kontseptsii-yu-m-lotmana>.
4. Корягина. Е.А. К проблеме определения исторического времени: статья в журнале- научная статья// Корягина Е.А - вестник Башкирскогго университета. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-opredeleniya-istoricheskogo-vremeni/viewer>.
5. Краснухина Е.К. Историчность понимания и понимание истории: статья в журнале – научная статья // Краснухина Е.К. Приволжский научный вестник, 2015. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istorichnost-ponimaniya-i-ponimanie-istorii>
6. Петренко Н.А. Понимание: история и современность: статья в журнале – научная статья Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-istoriya-i-sovremennost>.
7. Шамаев А.М. Ложная интерпретация исторических фактов как угроза национальной безопасности российской федерации: статья в журнале – научная статья// Шамаев А.М. Историческая и социально-образовательная мысль, 2018 г. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lozhnaya-interpretatsiya-istoricheskikh-faktov-kak-ugroza-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii>.

Т.Г. МАСАРИК О ВОЗМОЖНОМ ВЛИЯНИИ РОССИИ НА РЕШЕНИЕ ЧЕШСКОГО ВОПРОСА

Пекари О.В.

Самарский национальный исследовательский университет, Самара

Известный чешский ученый и политик Т.Г. Масарик выступил со своим достаточно дискуссионным видением сущности и возможных путей решения так называемого чешского вопроса. Важным элементом его рассуждений по этой проблеме стало изучение российской тематики вообще и возможного влияния России на чешскую политику и культуру в частности

Ключевые слова: Т.Г. Масарик, чешский вопрос, чешская политическая программа, русофильство.

Первый президент независимой Чехословакии Томаш Гарриг Масарик (1850-1937) попал в орбиту чешской политики в 1880-е гг., получив должность профессора Пражского университета и переехав в Прагу.

Будучи прежде всего ученым, к решению волновавших тогда пражское общество чешского и славянского вопросов Масарик подошел на основе той концепции общественного развития и тех методологических принципов исследования общества, которых он придерживался. Он рассматривал развитие современного ему общества как результат столкновения двух тенденций - католической и протестантской. При этом развитие чешского, русского и других славянских народов представлялось ему частью общеевропейского процесса, со всеми свойственными этому процессу особенностями и проблемами. Чешский и славянский вопросы для Масарика являлись прежде всего вопросами «философскими и культурно-религиозными»[1, s.24], и для их решения нужно было обратиться к исследованию философских и литературных систем, прежде всего русской и польской литературы[4, s.1]. Таким образом, неизбежной частью размышлений над «чешским вопросом» для Масарика стало изучение России, особенно русской литературы, философии, общественной мысли.

Результатом этих размышлений стали книги и статьи, в которых Масарик, анализируя особенности развития русской мысли, обращался к чешскому вопросу («Славянофильство Ивана Васильевича Киреевского» в 1893), а изучая возможности решения чешского вопроса, использовал среди прочего российский материал («Чешский вопрос» и «Наш современный кризис» в 1895 г., «Ян Гус» и «Карел Гавличек» в 1896 г.).

Анализ названных выше произведений Масарика, посвященных развитию духовных течений в Чехии и становлению чешской политической программы, показывает, что он видел в России деспотическое государство, и этот деспотизм выступал главной причиной того, что остальные славяне должны с осторожностью относиться к идее российского политического влияния и видеть в Российской империи скорее противника, чем союзника в борьбе за политическую и национальную свободу.

Тему российского политического деспотизма Масарик продолжил в своих газетных выступлениях. В статье «Студенческие беспорядки в России» он подчеркивал, что именно деспотизм являлся причиной роста политизированности и оппозиционности российского общества: «российский студент ежедневно ощущает воздействие реакционного режима; это же воздействие ощущают печать и литература - они, если не принадлежат к лагерю полиции и правительства, стоят рядом со студенчеством... Любое общество не станет мириться с принципами деспотизма, тем менее - общество европейское, христианское, и в России литература, несмотря на светскую и церковную цензуру, несмотря на полицию, тюрьмы и Сибирь, взяла на себя политическое руководство народом»[5, s.1].

Мы видим, что в работах Масарика 90-х гг. XIX - начала XX вв. Россия предстает государством, которое в силу деспотичности своего режима не может стать для чехов желанным политическим союзником. Уже в 1910 г., развивая ту же идею в венском парламенте, он отмечал, что России необходимо ввести конституцию, изменить свою национальную политику и стать великой державой не только в географическом, но и в культурном отношении[2, s.143]. То есть в решении чешского вопроса надежды можно было связывать лишь с демократически трансформированной Россией. Впрочем, Масарик высказывал сильные сомнения в том, что сама Россия стремилась к политическому союзу с чехами. Он не был уверен, что православной России нужны 6 - 10 миллионов католиков, которые, скорее всего, объединятся с поляками. К тому же политические взоры России, по его убеждению, были устремлены в Азию и на Балканы[3, s.233].

Однако невозможность и нежелательность политического союза с Российской империей не означали для Масарика отсутствие необходимости внимательного изучения российского материала. Ведь чешский вопрос никогда не был для него лишь политическим. Это одновременно была для Масарика философская, культурная и религиозная проблема. И именно с этих точек зрения российский опыт представлялся чрезвычайно интересным и полезным.

Список литературы:

1. *Hromádka J. Dostojevskij a Masaryk. Praha, 1931. – 63 s.*
2. *Karola J. Rusky aspekt v Masarykově koncepci České otázky // Sto let Masarykovy České otázky. Praha, 1997. – S. 140 – 148.*
3. *Masaryk T.G. Naše nynější krize. // Masaryk T.G. Česká otázka. Naše nynější krize. Praha, 1990. – 352 s.*
4. *Masaryk T.G. Slavjanofilství Ivana Vasiljeviče Kirějevského. Praha, 1893. – 110 s.*
5. *Masaryk T.G. Studentske nepokoje v Rusku // Čas. 1901. Č. 98.*

**T.G MASARIK ON POSSIBLE RUSSIAN INFLUENCE ON THE SOLUTION
OF THE CZECH QUESTION**

Peckarsh O.V.

Samara National Research University, Samara

T.G. Masaryk, famous Czech scientist and politician, made his rather controversial view of the essence and possible ways of solving the so-called Czech question. An important element of his reasonings on this issue was the study of Russian subjects in general and of the possible influence of Russia on Czech politics and Czech culture in particular.

Key words: T.G. Masaryk, the Czech question, the Czech political program, Russophilia.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ МАШИНЕ: НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ РОМАНА Е. И. ЗАМЯТИНА «МЫ»

Удальцов И.С.

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва*

В статье кратко рассматриваются некоторые социально-политические и философские проблемы, затронутые Е. И. Замятиным в синтетическом по своей жанровой природе романе «Мы».

Ключевые слова: Е. И. Замятин, «Мы», Машина, антиутопия, Человекобог, Богочеловек, фантазия.

Одной из важнейших, ключевых тем как русской, так и мировой литературы XX века является тема Машины в самом широком значении этого слова – Машины как средства искусственного изменения мироздания, Машины как инструмента человеческого своеволия, Машины как альтернативы естественному (божественному) миропорядку. Конечно, тема эта возникла вследствие длительного процесса развития общественно-философской мысли, неизменно находящего отражение в произведениях литературы, однако именно в прошлом столетии, на фоне форсированного технического прогресса и мировоззренческого кризиса, охватившего христианский мир, важной частью которого является Россия, из отвлечённой философской абстракции Машина превратилась в явление объективной реальности. Если XIX век был, в основном, веком утопий – религиозных, коммунистических, национальных – то следующий за ним XX («настоящий», а не «календарный») стал эпохой претворения этих утопий в жизнь и, как следствие, эпохой их закономерного превращения в дистопии, антиутопии, инфернальные пародии на самих себя. На смену разнообразным видениям и проектам идеального будущего (от Одоевского до Чернышевского, от Сен-Симона до Уильяма Морриса) пришли картины совсем иного, античеловеческого грядущего. Среди последних совершенное особое место занимает великий (хотя, может быть, и не по форме) роман Евгения Ивановича Замятина «Мы».

Точное время создания этой небольшой по объёму книги неизвестно: сам писатель в автобиографических заметках называл разные даты – от 1917 до 1921 года. Но, так или иначе, к концу 1921 роман был уже написан и даже несколько раз прочитан Замятиным вслух [1, с. 187]. Время написания – период уже не зарождения, но ещё только рождения советского строя, самое начало «настоящего XX века» – определяет облик и специфику романа, его отличие от прочих великих антиутопий минувшего столетия. В отличие от «1984» Дж. Оруэлла (1949) или, скажем, «Приглашения на казнь» В. В. Набокова (1935), «Мы» – это книга-предвидение, а не книга-иллюстрация (пусть и гротескно-утрированная), образ грядущего, а не констатация настоящего (пусть, опять же, и абсурдно-гипертрофированная). Тот факт, что Замятину в «Мы» удалось предугадать (или, если оперировать математической терминологией, рассчитать) многие события и явления, воплотившиеся в жизнь десять, двадцать, а то

и сто лет спустя¹⁵, действительно вынуждает, как справедливо пишет В. А. Недзвецкий, рассматривать роман в контексте «отвлечённых общественных конструкций», восходящих «через Н. Чернышевского (четвертый сон Веры Павловны в «Что делать?») и Фурье, Э. Кабэ, Т. Кампанеллу и Ф. Бэкона <...> к идеальному античному полису Платона («Государство»)» [3, с. 23], а не беллетризованных (пусть и исключительно талантливо) памфлетов, коими являются сочинения и Оруэлла¹⁶ (в особенности «Animal Farm» – «Скотское хозяйство»), и Олдоса Хаксли, и многих других, менее прославленных «антиутопистов». Чрезвычайно важна для понимания книги Замятина и традиция русского философского (прежде всего – «достоевского») романа – ведь именно «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского служат в «Мы» одним из основных источников идейного разнообразия.

Итак, социально-политическая проблематика в романе Замятина не является центральной в силу своей «умозрительности» (термин В. А. Недзвецкого), хотя и ей находится на страницах книги место, ведь, согласно Т. Т. Давыдовой, «Мы» – «синтетическое» в жанровом отношении произведение: оно соединило в себе особенности антиутопии, а также философского, социально-политического, любовно-психологического, авантюрного и фантастического романа» [1, с. 191]. Однако по-настоящему великим текстом «Мы» делают те философские вопросы, которые изящно и лаконично формулирует Замятин в повествовании, ведущемся от первого лица – как дневник Д-503, одного из нумеров (граждан) Единого Государства, последнего оплота «машинной» цивилизации, оставшегося на Земле после разрушительной Двухсотлетней войны. Действительно, Единое Государство, Часовая Скрижаль, Машина Благодетеля и прочее – это образы обобщённо-универсальные, а не сиюминутно-политические. Мастерски оперируя этими образами, Замятин создаёт математически выверенное философское высказывание о свободе – о свободе как личной, так и общественной, которые, в сущности, неразделимы. Ведь в обществе, построенном по принципу Машины¹⁷, в обществе, долженствующем, теоретически, стать торжеством человеческого (человекобожественного, а не богочеловеческого) начала – в таком обществе свободным быть не может никто, ни один человек – ни простой рабочий, ни высокопоставленный инженер, каким является Д-503, ни могущественные Хранители, ни даже сам Благодетель. Вспомним ключевую, хотя и не кульминационную¹⁸ сцену романа – разговор Д-503 с Благодетелем. (Любопытно, что

¹⁵ Так, например, его великое пророчество о человечестве, живущем в стеклянных домах, всегда на виду, осуществляется непосредственно сейчас, в век вездесущих видеокамер, геолокации, биометрии и спутниковой съёмки – с той только разницей, что никаких розовых занавесок в действительности не существует.

¹⁶ Кстати, сам Дж. Оруэлл это вполне осознавал (как признавал он, в отличие от О. Хаксли, и влияние Замятина на собственное творчество). Он писал в рецензии на «Мы»: «Вполне вероятно, однако, что Замятин вовсе и не думал избрать советский режим главной мишенью своей сатиры. Он писал ещё при жизни Ленина и не мог иметь в виду сталинскую диктатуру, а условия в России в 1923 году были явно не такие, чтобы кто-то взбунтовался, считая, что жизнь становится слишком спокойной и благоустроенной. Цель Замятина, видимо, не изобразить конкретную страну, а показать, чем нам грозит машинная цивилизация» [4, с. 117].

¹⁷ Не о таком ли обществе мечтали идеологи «регулярного государства», не имевшие, к счастью, в XVIII столетии средств для полного воплощения своих идей в жизнь?)

¹⁸ Смысловая кульминация романа наступает несколько позже – в подземной уборной, где сосед Д-503 объявляет ему о своём открытии – об открытии факта конечности вселенной. Эта сцена – великий успех Замятина: в нескольких абзацах ему удаётся полностью переменить масштаб повествования, показать – в сравнении с

такая сцена – встреча протагониста-бунтаря и представителя (или даже руководителя) Машины – есть и в «1984» (Уинстон Смит и О’Брайен) и в «Дивном новом мире» (Дикарь и Мустафа Монд)). «Передо мной сидел лысый, сократовски-лысый человек, и на лысине – мелкие капельки пота. Как всё просто. Как всё величественно-банально и до смешного просто». Мы видим, что и Благодетель, невзирая на свои «чугунные», «стопудовые» руки оказывается в конце концов всего лишь частью Машины, очередным её колёсиком. И, будучи её частью, остановить он её, конечно, не может. Всё, что ему остаётся – продолжать выполнять свою функцию (а именно такова задача и конечная цель Машины – превращение всякого человека в функцию, комплементарную единицу, в конечном счёте – в ничто) и искать этому рациональное объяснение (а может быть – оправдание?). Особенно любопытно, что в этих своих рассуждениях Благодетель, глава явно атеистического государства, сам выполняющий роль своеобразного квази-божества, оперирует по каким-то причинам христианской терминологией. Аргументами в его уравнении несвободы выступают не иксы и игреки, на которых зиждется богоборческий «ИНТЕГРАЛ», а Бог, рай и ангелы. Рассуждения же его удивительно близки к рассуждениям другого сторонника идеи Человекобога, другого великого борца со свободой – Великого Инквизитора.

Обращённый к Д-503 монолог Благодетеля можно условно разделить на две части. Первая часть – самооправдание. Благодетель, с некоторой даже гордостью признающий себя палачом, пытается доказать, что именно палач и есть главный человеколюбец, совершающий свою якобы необходимую работу вопреки человечности. И, более того, что и Бог есть – палач, а потому и всякий палач – божественен: «А сам христианский, милосерднейший Бог, медленно сжигающий на адском огне всех непокорных, – разве он не палач? И разве сожжённых христианами на кострах меньше, чем сожжённых христиан? А всё-таки – поймите это, всё-таки этого Бога веками славили, как Бога любви. Абсурд? Нет, наоборот: написанный кровью патент на неискоренимое благоразумие человека <...> истинная алгебраическая любовь к человечеству – непременно бесчеловечна, и неприменный признак истины – её жестокость» [2, с. 355].

Вторая часть его монолога – рассуждение о свободе, несовместимой со счастьем, о счастье – как об отсутствии свободы, как о рабстве: «Я спрашиваю: о чём люди – с самых пелёнок – молились, мечтали, мучились? О том, чтобы кто-нибудь раз навсегда сказал им, что такое счастье, – и потом приковал их к этому счастью на цепь... Что же другое мы теперь делаем, как не это? Древняя мечта о рае... вспомните: в раю уже не знают желаний, не знают жалости, не знают любви, там – блаженные, с оперированной фантазией (только потому и блаженные) – ангелы, рабы Божьи...» [2, с. 355].

Эти слова, слова гордые, самонадеянные и лживые¹⁹, вполне можно считать манифестом любой Машины, любой бесчеловечной и античеловечной системы, каких

проблемой поистине метафизической – всю незначительность проблем человеческих, средоточием которых является Единое Государство. Действительно, как можно говорить о бесконечности революции или, наоборот, о на все времена последней революции во вселенной, имеющей математический конец (а значит, и то самое «последнее число»)?

¹⁹ «В раю не знают любви» – это и есть, с точки зрения христианства, прямая ложь.

в истории человечества – и особенно в XX веке – было, к сожалению, более чем достаточно.

Роман Евгения Замятина «Мы» – роман великий и, что важно, роман если не универсальный, то обладающий очень широкой степенью «применимости» к реальной жизни. Та частная разновидность неистребимой тоталитарной Машины, которую утрированно запечатлел Дж. Оруэлл, человечеством уже преодолена, преодолена её форма (но не содержание), как преодолены, скажем, чума и охота на ведьм (в прямом смысле выражения). Возврата к ней уже не будет. Но сами принципы функционирования Машины, геометрически точно очерченные Замятиным, остаются актуальными и сегодня. И чтобы Благодетель не восторжествовал в очередной раз, чтобы судьба Д-503, равно как и большинства остальных номеров Единого Государства, так и осталась зловещим предостережением, каждый человек должен помнить, что в мире существует только одна вещь, с Машиной категорически не совместимая, одна вещь, бытие которой препятствует победе Машины. Эта вещь – душа. Живая, мыслящая и сомневающаяся душа человека, в которой живут фантазия и надежда (являющаяся, по сути, высшим проявлением фантазии).

Оберегая свою душу, человек тем самым оберегает весь мир.

Список литературы

1. Давыдова Т. Т. «Мы» Е. Замятина – роман-антиутопия // Е.И. Замятин: *Pro et contra. Личность и творчество Евгения Замятина в оценке отечественных и зарубежных исследователей.* – СПб.: Апостольский город – Невская перспектива, 2014 г. – С. 310 – 318.

2. Замятин Е. И. Мы // *Собрание сочинений. В 5 т. / Сост., подг. текста и коммент. Ст. С. Никоненко и А. Н. Тюрина* – М.: Русская книга, 2003. – Т. 2. – С. 211 – 368.

3. Нездвецкий В. А. Благо и благодетель в романе Е. Замятина «Мы» (О литературно-философских истоках произведения) // *Известия РАН. Серия литературы и языка.* – 1992. – Т. 51. № 5. – С. 20 – 29.

4. Оруэлл Дж. Рецензия на „МЫ” Е. И. Замятина // *Скотный Двор: Сказка. Эссе. Статьи. Рецензии.* – Изд. «Библиотека журнала „Иностранная литература”». – М., 1989. – С. 100 – 120.

ФИЛОСОФИЯ АНАРХИЗМА: КОНЦЕПЦИЯ АЛЕКСЕЯ БОРОВОГО

Тимонина П. Д.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург

В данной статье рассматриваются основные теоретические аспекты концепции анархизма, изложенные Алексеем Боровым в своем творчестве. Алексей Боровой – один из виднейших теоретиков постклассического периода развития анархизма. Автор представляет отношение анархиста к другим популярным направлениям анархистской мысли, критику их идеологий Боровым и воспроизведение собственной философско-теоретической концепции анархиста. Исследование, представленное в данной статье, опирается как на архивные источники, так и на опубликованные работы А. Борового.

Ключевые слова: постклассический анархизм, теория анархизма, философия анархизма, социально-политические учения.

Имена теоретиков постклассического периода развития анархистской мысли, который относится к началу XX века, гораздо менее известны, чем имена классиков анархизма – Бакунина, Кропоткина, Толстого. Тем не менее, теорию анархизма постклассического периода вряд ли можно назвать бедной на источники. Чего стоят только работы, принадлежащие Алексею Алексеевичу Боровому (1875–1935) – одному из виднейших теоретиков данного периода. Огромное количество архивных материалов, содержащих дневники, заметки, черновики статей и книг. Помимо этого, значительное количество работ, посвященных теории анархизма и его насущным проблемам, были опубликованы еще при жизни Борового. Все вместе они вносят неопределимый вклад в идеологию анархизма. Принимая во внимание тот факт, что идейная составляющая любого течения в государстве является частью его культуры, без изучения теории анархизма начала XX века невозможно получить полную картину развития российской культуры. Помимо этого, стоит отметить, что в настоящее время в исторической науке существует тенденция к переосмыслению прошлого путем исследования всего «небольшевистского», в особенности движений. Изучение анархистского движения в России в начале XX века может помочь взглянуть на прошлое под новым, не апеллирующим к большевизму углом. Таким образом, актуальность исследования творчества А. Борового определяется, во-первых, необходимостью закрыть лауну в истории развития русского анархизма, без которого невозможно увидеть полную картину развития отечественной культуры, во-вторых, возросшей значимостью исследований небольшевистских течений.

Итак, каковы же были взгляды А. Борового на анархизм? Для начала следует отметить, что для Борового есть анархизм. Он пишет, что анархизм – это «наиболее возвышенная и наиболее полно отвечающая на запросы «пытливого человеческого мысли» формула» [1; с. 32]. Наиболее возвышенная она потому, что центральной идеей анархизма является конечное освобождение личности. Наиболее полно она отвечает на

запросы общества в том смысле, что это единственная политическая форма, где не будет стоящей на стороне того или иного класса власти, так как анархизм, в отличие от либерализма (философии привилегированных классов) и социализма (философии пролетариата) свободен от экономических классовых интересов. Первоначально из всех течений анархизма Боровой выделяет индивидуалистический анархизм, называя его единственным последовательной и гармонично продуманной анархистской концепцией, сходясь здесь во взглядах с Дж. Маккэем [2; с. iv]. Однако, в последствии он обращается к анархо-синдикализму, в частности – по вопросу объединения общества. Несмотря на вышесказанное, анархизм не может знать совершенного конечного строя, который отвечает на все человеческие искания, иначе это - все тот же идеологический утопизм, за который Боровой критикует социализм и либерализм [3; с.8]. Анархическое общество как раз и навсегда установленный порядок невозможно, так как анархическое мировоззрение является динамическим [4; с. 41]. Следовательно, не существует конечных анархистских идеалов. Немного позже, в своей неопубликованной рукописи в одном из диалогов Боровой пытается представить иное понимание идеала. Он все также недостижим, но недостижим потому, что общество не обладает подобными возможностями, оно к этому еще не готово, ограничено своим формировавшимся столетия «рабским» менталитетом [5; л. 280 (об)]. Таким образом, анархистский идеал недостижим как конечное, «статичное» образование, и не достижим на практике в данный момент времени.

Проблема динамизма ведет к одной из центральных проблем творчества Борового, а именно – антиномии личности и общества. Он говорит о том, что личность – это центр анархического мировоззрения. Воспитанием свободной личности нужно заниматься еще с детства, со школьной скамьи. Именно поэтому Боровой с положительной стороны оценивает утопию Р. Блэчфорда, которая ставит вопросы воспитания индивидуальности ребенка во главу угла [6; с. ix]. Но личность немыслима без общества: история показывает, что человек – это всегда общественное существо [4; с. 18]. Однако достижение такой общественной формы, которая позволила бы полностью удовлетворить сознание личности невозможно, и гармония между ними никогда не будет достигнута [3; с.22].

Но если личность и общество фактически противоположны друг другу, то возникает вопрос: а возможно ли вообще анархическое общество?

Для начала следует отметить, что целью анархизма является конечное освобождение личности [1; с. 32]. Свобода же личности заключается в уничтожении социальных институтов, искусственно сковывающих личность в ее самоопределении. Однако внешнее регулирование является признаком социальной жизни, вне которой личность не может существовать. Но всякое регулирование есть организация, что противоречит анархистской свободе личности. Таким образом, необходимо искать такой формы сосуществования людей, которая, “...допуская сношения людей, отвергала бы всякую мысль о внешнем распорядке или регулировании” . Как этого достичь? История и опыт показывают, что все внешние организации – в основном экономические, т. е. создаются в хозяйственных целях. Поэтому надо найти такую

форму сосуществования, которая в хозяйственной деятельности не требовала бы внешнего регулирования [1; с.41].

Решение, которое предлагает Боровой, заключается в следующем: господствующее разделение труда предполагает внешнюю организацию, поэтому должна быть совершена такая революция, которая привела бы к обратному собиранию функций. Таким образом человек будет способен в одиночку произвести нужный продукт, т. е. он станет самостоятельной хозяйственной единицей [1; с. 50–55]. Профессионализм будет совершенно не нужен. Просвещенный дилетантизм (прообразом которого Боровой считает универсального человека Ренессанса) становится определяющей чертой нового общества [7; л. 142 (об.)–143].

Примечательно, что далее Боровой отмечает, что данная революция и переход к анархическому обществу невозможны без предшествующего им социального строя, хотя, по его же словам, ни капитализм с его хозяйственным индивидуализмом, ни социализм, где господствует примат коллектива не могут разрешить проблемы индивидуализма [7; л. 142 (об.)–143]. Однако, социализм все же неизбежен, но при этом необходим: в первую очередь как стадия технико-экономической подготовки, а также как стадия психологической подготовки. Наряду с этим Боровой критикует стремление анархистов к мгновенному, единовременному переходу к безгосударственному обществу. Переход к анархическому обществу должен произойти через переходные стадии, главной из которых является социализм. Свое современное общество Боровой считает неподготовленным к такому переходу [1; с. 59–62].

Среди анархического движения своего времени Боровой выделяет два направления: анархо-коммунизм и анархо-индивидуализм. Со своей стороны он критикует анархо-коммунизм за то, что они провозглашают свободу человека как идеал, однако предлагают организовывать общество в виде отдельных самостоятельных коммун, что противоречит сущности анархизма [1; с. 44]. Тем не менее, это не умаляет уважения Борового к Кропоткину и особенно к Бакунину, творчество которого он очень ценил и всячески подчеркивал его важность. Таким образом, он приходит к выводу, что анархо-коммунизм – это мощный этап в развитии не анархической, а социалистической мысли.

Индивидуалистический анархизм представляется ему более законченной формой, и представлен творчеством изначально Штирнера, в современном мире - Тэкера и Маккэя [1; с. 39–42] . Однако средства поддержания порядка в обществе анархо-индивидуализма, основанном на общественном договоре, кажутся ему ужасными. Стремясь защитить «любой ценой» права, установленные общей волей, анархо-индивидуалисты допускают любые средства, вплоть до смертной казни, а это значит, что нельзя говорить ни о какой свободе личности в обществе, где эту личность могут принести в жертву, даже если во имя священного договора. Таким образом, ни анархо-коммунизм, ни анархо-индивидуализм не могут разрешить проблему человеческого духа и удовлетворить его потребности [1; с. 45–46].

Что же касается анархо-синдикализма, то в работах Борового данный термин напрямую не фигурирует. Однако в «Революционном творчестве и парламенте...» он дает развернутую характеристику революционному синдикализму, который является идейной предтечей направления анархо-синдикализма. Он предлагает различать синдикализм как «новую школу» в социализме и синдикализм как революционное движение. Идейным ориентиром для Борового является Ж. Сорель, который, в свою очередь, в своем творчестве опирался на философию Бергсона. Орудием борьбы становится не парламент, в котором пролетариат уже успел разочароваться, а синдикаты, и именно образование синдикатов ведет к революции [8; с. 63]. В целом Боровой положительно характеризует революционный синдикализм, который, несмотря на свою социалистическую направленность, вписывается в концепцию автора о будущем обществе: синдикализм совершает революцию и устанавливает социалистическое общество, которое затем сделает возможным общество анархическое. Однако, он предостерегает от утопизма, и говорит, что будущее непредсказуемое, поэтому строить какие-либо социологические прогнозы не имеет смысла [8; с. 67]. Даже размышляя об организации анархистского общества, о котором говорилось выше, он отмечает, что это всего лишь его предположения, однако в любой момент обстоятельства могут измениться, и его прогнозы останутся нереализованными [1; с. 55]. Данная концепция присутствует еще в раннем творчестве Борового [9; с.41–42]. Здесь особенно проявляется параллель с идеями Бергсона – первоначально, - которые были подкреплены дальнейшим изучением теории революционного синдикализма Сореля.

Не обошел Боровой своим вниманием и вопрос о тактике анархизма как один из ключевых вопросов. В частности, рассуждает он о практической стороне террора. Он критикует последователей Бакунина, которые из его работ вынесли «идеализацию» террора, и говорит о том, что вопреки расхожему среди движения мнению, средство не оправдывает цель: только такое средство может быть употреблено, которое не противоречит идеям и целям анархизма [3; с. 106, с. 112]. Насилие может быть оправдано как акт личной защиты, самообороны, но форма и пределы насилия должны быть строго согласованы с идеологическими принципами анархизма. Насилие не может быть стихийным, так как теряется возможность контроля происходящих событий и, следовательно, личность перестает нести ответственность за них. Не может оно быть и организованным, так как организация всегда действует в интересах отдельных руководящих лиц. Террор может быть только делом личной совести и личной инициативы (например, мести). Террор не исходит из самой природы анархизма, и, являясь актом индивидуальной совести, в практической деятельности имеет ничтожное значение, и, как показывает исторический опыт, даже бесполезен на практике [3; с. 113–115]. Таким образом, Боровой признает, что террор имеет место быть, однако как практика личностная, а не практика всего движения в целом, так как в последнем случае она не несет никакой пользы.

Таким образом, можно отметить, что концепция анархизма Борового – это сложный комплекс идей, берущих свое начало из различных течений. С точки зрения

философии и метафизики, идеи Борового о личности и ее месте в обществе лежат в области индивидуализма, и этим характеризуются его ранние работы. После он приходит к некоторым принципам анархо-синдикализма, поэтому называть Борового анархо-индивидуалистом было бы, вероятно, не совсем правильно. Анархо-индивидуализм для Борового слишком «неразборчив» в своих методах регулирования правопорядка. Для Борового анархизм – это безгосударственное общество, где в центре всего стоит возможность свободного творчества и развития личности, экономически состоящее из самостоятельных экономических единиц. Переход к такому обществу без прохождения промежуточных стадий невозможен, и первой стадией является социализм. Поэтому достижение анархистского идеала в краткие сроки невозможно, так как общество еще к этому не готово.

Список литературы

1. Боровой А. А. *Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм.* М.: Н. В. Петров. 1917.
2. Маккэй Дж.Г. *Анархисты. Картины из жизни конца XIX столетия.* М.: 1906.
3. Боровой А. А. *Анархизм.* М.: *Революция и культура.* 1918.
4. Боровой А. А. *Личность и общество в анархистском мировоззрении.* М.: *Голос труда.* 1920.
5. РГАЛИ, Ф. 1023, Оп. 1, ед. хр. 108.
6. Блэчфорд Р. *Страна чудес: Фантаст. роман Роберта Блэчфорда.* М.: "Польза" В. Антик и К°, 1908.
7. РГАЛИ, Ф. 1023, Оп. 1, ед. хр. 173.
8. Боровой А. А. *Революционное творчество и парламент («Революционный синдикализм»).* М.: *Союз труда,* 1917.
9. Боровой А.А. *Революционное мирозерцание.* М.: *Логос,* 1907.

«ДВОЕВЕРИЕ»: К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ПОНЯТИЯ
Дроздов А.М. , Кондратьева А.Д., Клименко Л.П., Соболева Е.В.,
Строгецкий В.М.

*Нижегородская духовная семинария Нижегородской Епархии Русской
Православной Церкви (Московский Патриархат), Нижний Новгород*

В статье речь идет о генезисе и эволюции концепта «двоеверие» применительно к истории и культуре России.

Ключевые слова: двоеверие, история России, религия, язычество, христианство.

The article deals with the genesis and evolution of the concept of "dual faith" in relation to the history and culture of Russia.

Key words: dual faith, history of Russia, religion, paganism, Christianity.

В культурологическом словаре Ю.С. Степанова выделяются следующие значения термина «двоеверие»: «...плохое, шаткое состояние христианской веры в сознании человека, ... состояние близкое к ереси; принадлежность к двум религиям» [1. с. 455]. По мнению Ив Левин, термин «обозначает религиозную систему, в которой языческие верования и обряды сохраняются под наружным слоем христианства» [2. с. 12].

Итак, среди исследователей нет единого мнения в определении данного понятия. Одни учёные относят этот термин к «новообразованиям в результате взаимодействия двух абсолютно разных, однако жизнеспособных систем – язычества и христианства» [3. с. 263], либо к «стыковым состояниям разнонаправленных идеологий (мировоззрений)» [4. с. 96]. Появление термина «двоеверия» относится к эпохе средневековья. Данный термин встречается в проповедях этой эпохи и относится христианам, не оставивших своих языческих заблуждений: традиций и обрядов.

Появление самого термина происходит в церковной среде. Рассматривая гипотезу о греческом происхождении этого термина, советский и российский лингвист Ю.С.Степанов, проанализировав Греческий патристический словарь Г. Леймпа, пришел к выводу, что в нём отсутствуют такие слова, которые бы соответствовали русскому понятию «двоеверия» [1. с. 455]. «Термин «двоеверие», с теологической точки зрения, является невозможным, заключающим в себе логическое противоречие (наподобие, например, выражения «ложное истинное суждение») и в теологической литературе отсутствует» [1. с. 455]. Ив Левин пишет о том, что данный термин встречается в проповедях против христиан, которые и по крещении своем поклонялись языческим божествам [2. с. 13]. Леви считает, что термин «двоеверие» некоторые современные ученые относят лишь к некрещеным восточным славянам. Термин «двоеверие» появился на Руси в XI столетии. Впервые такое понятие употреблено в «Слове некоего христороубца и ревнителя по правой вере».

Оригинальное мнение о появлении этого термина высказал В.Я. Петрухин. Он приходит к выводу, что данный термин имел изначальное употребление в значении

христиан, которые не видели разницы между византийскими и римскими обрядами и, что он был заимствован из греческих текстов церковных норм и правил [5. с. 335].

С этим согласуется и утверждение Ю.С. Степанова, который ссылается на одно из правил Кормчей книги, запрещающее матерям носить своих детей к «фрязскому попу» для молитвы [5. с. 335]. Женщины, которые носили своих детей к латинским священникам на молитвы и прочие обряды, делали это из-за отсутствия в той местности православных священников. В XIX столетии термин «двоеверие» получил наименование «бытового православия» как в светской, так и в церковной среде.

Таким образом, термин «двоеверие» и связанное с ним историческое явление [6, 7, 8, 9, 10,11], имеет сложную и долгую историю, означая широкий спектр верований и практик.

Список источников

1. Степанов Ю. С. *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования.* – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

2. Левин Ив. *Двоеверие и народная религия в истории России.* Изд-во: Индрик, М., 2004.

3. Мильков В. В., Пилюгина Н. Б. *Христианство и язычество: проблема двоеверия. Введение христианства на Руси.* М., 1987.

4. Филиппов Г.Г. *К проблеме двоеверия. Историкографический анализ // Вестник Новгородского государственного университета.* 2004. № 27.

5. Петрухин В.Я. *Боги и бесы русского средневековья: род и рожаницы и проблема древнерусского двоеверия. // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология.* М., Индрик. – 2000. С. 315–343.

6. Ворохобов А.В., Мякинин А.Е., протоиерей, Горбатовский Н.Е., протоиерей. *Проблема двоеверия на Руси в отечественной историографии: анализ базовых концепций // Нива Господня. Вестник Пензенской духовной семинарии.* Пенза, 2019. Выпуск 3 (13) 2019. С. 20–28.

7. Ворохобов А.В. *Основы библейского понимания святости // Труды Нижегородской Духовной семинарии.* Нижний Новгород: Ридо, 2020. – Вып.18. – С. 7–34.

8. Ворохобов А.В. *Особенности и принципы русского национального самосознания // Дамаскин.* 2020. № 2 (52). – С. 10–15.

9. Уланов М. *Два лика "Святой Руси" // Дамаскин.* 2019. № 1 (47). – С. 4–9.

10. Уланов М. *Краткое обозрение канонических определений и уставных рекомендаций (включая исторические справки), регламентирующих участие мирян в принятии святых Христовых тайн // Труды Нижегородской Духовной семинарии.* 2011. № 9. – С. 71–97.

11. Уланов М.В. *Образ святости в критической философии И. Канта // Труды Нижегородской Духовной семинарии.* 2020. № 18. С. 487–499.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РУССКОГО НЕОЯЗЫЧЕСТВА

Абросимов М.А., Калугин З.С., Ланцов Д.В., Чернигин Я.В.

Нижегородская духовная семинария Нижегородской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат), Нижний Новгород

Статья посвящена рассмотрению неоязычества как религиозного и культурного феномена современности.

Ключевые слова: язычество, русское неоязычество, идеология, родноверие.

The article is devoted to the consideration of neo-paganism as a religious and cultural phenomenon of our time.

Key words: paganism, Russian neo-paganism, ideology, native faith.

После распада СССР на его территории распространилось множество религиозных течений, сект, которые раньше не могли действовать на территории СССР. Одним из таких движений является неоязычество как религиозное движение, количество последователей которого ежегодно возрастает. Неоязычество противопоставляет себя всем остальным религиям и в особенности христианству. В связи с тем, что сейчас есть своего рода мода на язычество в молодежной среде, исследования, направленные на изучения неоязычества как религиозного и культурного феномена, актуальны и востребованы [1, 2, 3].

Возникшее в конце 70-х годов и начавшее своё бурное развитие в начале 90-х годов XX века, русское неоязычество набирает всё большую популярность на постсоветском пространстве, особенно в России. Свою идеологию наши неоязычники заимствовали от русских националистов, которые считали, что Россия несёт особую миссию во всем мире. Неоязычники считают, что славянское язычество – это ключевой фактор формирования русского самосознания. Они убеждены, что человек древности был более зависим от природы, чем люди нынешнего времени, поэтому он поклонялся ей. С распространением христианства в русских землях, люди стали забывать о языческих представлениях о зависимости от природы.

По мнению неоязычников, человек должен вспомнить, насколько он зависим от природы. Нужно признать свою вину перед «великими богами» славянского мира, перестать потребительски относиться к природе. Если человечество не исполнит эти требования, то оно прекратит своё существование [4. с. 27]. Неоязычники считают, что только та религия, которая зародилась на территории, населённой исконными народами, способна привести их к процветанию. Христианство же как религия, возникшая в Палестине, является для них чужеродной. Более того, христианство, с их точки зрения, не только внутренне чуждо русскому народу, но и вредно для него, будучи религией эксплуататоров. Христианство делает людей рабами, тогда как язычество освобождает.

В неоязыческой философии языческое наследие наполнено неким сакральным или даже мессианским смыслом. Без возрождения языческой духовности не будет

возрождения России. Руководство страной необходимо поручить славянам, которые понимают истинные нужды людей [5, 6, 7].

Неоязычники подчеркивают связь славян с евразийскими народами, их культурами, обычаями и наречиями. Здесь концепция близости индоевропейских наречий, близости культов народов населяющих территорию Евразии перекликается с евразийцами [8, 9, 10]. Итак, что неоязычество – это новое религиозное движение, имеющее политический характер и предъявляющее претензии к авраамическим религиям.

Список источников

1. Ворохобов А.В., Мякинин А.Е., протоиерей, Горбатовский Н.Е., протоиерей. *Проблема двоеверия на Руси в отечественной историографии: анализ базовых концепций // Нива Господня. Вестник Пензенской духовной семинарии. Пенза, 2019. Выпуск 3 (13) 2019. С. 20–28.*

2. Ворохобов А.В. *Основы библейского понимания святости // Труды Нижегородской Духовной семинарии. Нижний Новгород: Ридо, 2020. – Вып.18. – С. 7–34.*

3. Ворохобов А.В. *Особенности и принципы русского национального самосознания // Дамаскин. 2020. № 2 (52). – С. 10–15.*

4. Сперанский Н. *Русское язычество и шаманизм. / Н.Н. Сперанский. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. – 607 с.*

5. Уланов М.В. *Образ святости в критической философии И. Канта // Труды Нижегородской Духовной семинарии. 2020. № 18. С. 487–499.*

6. Уланов М. *Краткое обозрение канонических определений и уставных рекомендаций (включая исторические справки), регламентирующих участие мирян в принятии святых Христовых тайн // Труды Нижегородской Духовной семинарии. 2011. № 9. – С. 71–97.*

7. Уланов М. *Два лика "Святой Руси" // Дамаскин. 2019. № 1 (47). – С. 4–9.*

8. Плаксин В.А. *Митрополит Николай (Кутепов) и духовные школы в 1950-1960-е гг. // Труды Нижегородской Духовной семинарии. – С. 305–315.*

9. Лопарев С.А., Плаксин В.А. *Русская Православная Церковь в первой четверти XX века // Актуальные вопросы церковного научного дискурса: история, современность, перспективы. Сборник материалов всероссийской студенческой научной конференции. 2020. – С. 141–147.*

10. Пешков А.А., Гуторов Ю.А. *Вопросы семьи и брака в отечественной религиозно-философской мысли (конца XIX — начала XX века // Труды Нижегородской Духовной семинарии. – Нижний Новгород: Ридо, 2019. – Вып.17. – С. 253–268.*

ФЕНОМЕНЫ ЯЗЫЧЕСТВА И НЕОЯЗЫЧЕСТВА: РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Ворохобов А.В.

*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы
Минина, Нижний Новгород*

В статье речь идет о проблеме определения терминов «язычество» и «неоязычество» в актуальном российском культурном контексте.

Ключевые слова: язычество, неоязычество, религия, культура, культ.

The article deals with the problem of defining the terms "paganism" and "neo-paganism" in the current Russian cultural context.

Key words: paganism, neo-paganism, religion, culture, cult.

Язычество – это комплекс верований, обрядов, мировоззренческих представлений разных народов, который появился до основания монотеистических религий. Неотъемлемая черта языческих культов – политеизм [1, 2, 3]. Термин «язычество» является незавершённым. Об этом писал в своих трудах академик Б. А. Рыбаков. Определенно ясно, что возникновение термина происходит в христианской среде и обозначает дохристианские верования. С точки зрения христианства, «Язычество – идолопоклонство, многобожие, политеизм, поклонением идолам, как мнимым божествам» [4, с. 850].

Говоря о язычестве или о неоязычестве, следует осознавать то, что существует три взгляда на эти явления: 1) взгляд ученых: религиоведов, сектоведов, историков и других представителей научного сообщества; 2) взгляд последователей языческой традиции на самих себя; 3) взгляд последователей монотеистических религий.

Если термин «язычество» является незавершённым, то с термином «неоязычество» дело обстоит иначе. У этого термина нет четко определённых границ. Многие группировки неоязычников отождествляют свою идеологию с нацией. Другие, напротив, считают, что реанимируют древнее славянское язычество, поэтому приставка «нео» является для них оскорбительной. Другие называют себя «славянами», а свою религиозную идеологию – «славянством».

Итак, русское неоязычество – это разнообразные движения, целью которых является воссоздание древнерусской религии, которая отвечала бы запросам современного общества. Одной их характерных черт этих движений является создание такой религии, которая была бы независима от иноземных влияний. Современный исследователь неоязычества историк В. А. Шнирельман считает, что «следует говорить не о возрождении религии, а о конструировании идеологической основы для новой социально-политической общности, более соответствующей условиям модернизации» [5. С. 12]. По мнению А. В. Гайдукова термин «неоязычество» обозначает прерывание древней славянской языческой традиции под влиянием христианизации, а также

смешение христианства с языческими обрядами [6]., что мы обозначим термином «двоеверие».

Итак, термин «язычество», хотя и не является четко определенным, но с уверенностью можно утверждать, что он означает дохристианские политеистические верования, основанные на почитании сил природы и идолов. Речь идет об истории бытования религиозных идей на территории нашей страны [7, 8, 9, 10, 11]. Неоязычество – это совокупность разнородных религиозных групп, которые пытаются реконструировать древнеславянское язычество.

Список источников

1. Ворохобов А.В., Мякинин А.Е., протоиерей, Горбатовский Н.Е., протоиерей. *Проблема двоеверия на Руси в отечественной историографии: анализ базовых концепций // Нива Господня. Вестник Пензенской духовной семинарии. Пенза, 2019. Выпуск 3 (13) 2019. С. 20–28.*

2. Ворохобов А.В. *Основы библейского понимания святости // Труды Нижегородской Духовной семинарии. Нижний Новгород: Ридо, 2020. – Вып.18. – С. 7–34.*

3. Ворохобов А.В. *Особенности и принципы русского национального самосознания // Дамаскин. 2020. № 2 (52). – С. 10–15.*

4. *Полный церковно-славянский словарь / сост. Григорий Дьяченко. М.: Отчий дом, 2004. – 1122 с.*

5. *Неоязычество на просторах Евразии / под ред. В. А. Шнирельмана. – М.: Библейско-богословский институт, 2001. – 177 с.*

6. Гайдуков А.В. *«Неоязычество»: проблемы трактовки и использования термина // Герценовские чтения 2009. Актуальные проблемы социальных наук / Ред. Барабанов В.В.; сост. Николаев А.Б..СПб., 2010. – С. 24–46.*

7. Уланов М. *Краткое обозрение канонических определений и уставных рекомендаций (включая исторические справки), регламентирующих участие мирян в принятии святых Христовых тайн // Труды Нижегородской Духовной семинарии. 2011. № 9. – С. 71–97.*

8. Уланов М.В. *Образ святости в критической философии И. Канта // Труды Нижегородской Духовной семинарии. 2020. № 18. С. 487–499.*

9. Плаксин В.А. *Митрополит Николай (Кутепов) и духовные школы в 1950-1960-е гг. // Труды Нижегородской Духовной семинарии. – С. 305–315.*

10. Лопарев С.А., Плаксин В.А. *Русская Православная Церковь в первой четверти XX века // Актуальные вопросы церковного научного дискурса: история, современность, перспективы. Сборник материалов всероссийской студенческой научной конференции. 2020. – С. 141–147.*

11. Пешков А.А., Гуторов Ю.А. *Вопросы семьи и брака в отечественной религиозно-философской мысли (конца XIX — начала XX века // Труды Нижегородской Духовной семинарии. – Нижний Новгород: Ридо, 2019. – Вып.17. – С. 253–268.*

**ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ:
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИИ ИЛИ ДИСКРЕТНОСТЬ?**

Хритов И.Н.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

В статье исследуется ход развития советской историографии русской философии и её влияния на современную российскую историографию. Автор приходит к выводу о том, что современная историография русской философии вынуждена в своей исследовательской деятельности вновь возвращаться к истокам, но с опорой на опыт как дореволюционной философии, так и советской.

Ключевые слова: русская философия, советская историография, идеология, история.

The article examines the course of development of the Soviet historiography of Russian philosophy and its influence on modern Russian historiography. The author comes to the conclusion that the modern historiography of Russian philosophy is forced to return to the origins in its research activities relying on the experience of both pre-revolutionary and Soviet philosophy.

Key words: Russian philosophy, Soviet historiography, ideology, history.

*Цель философии — не создание системы,
а творческий познавательный акт в мире
Н. Бердяев*

Русская философия имеет сравнительно незначительную периодизацию, учитывая, что, по мнению многих исследователей, принято считать первую половину XIX в. началом самобытных философских исканий русских интеллектуалов. Кроме того, следует обратить внимание на то, что первая общепризнанная историография русской философии была написана уже в 1840 г. архимандритом Гавриилом. В этой перспективе исторические события XX в. неизбежно повлияли на судьбы не только русской, но и мировой философии. Во многом именно этот аспект определяет актуальность проблемы изучения национальной истории философии. Последствия, вызванные политическими событиями 1991 г. в России, привели к возрождению интереса к забытым пластам русской культуры, в частности, к религиозной философии. Так, исследователь проблем русской философии В. А. Лекторский называет этот период философским бумом 1990-х годов», хотя корректнее будет заметить, что интерес был направлен скорее в сторону философии как таковой, поскольку ранее в значительной степени существовала лишь идеологически закреплённая научная доктрина, опиравшаяся на марксизм-ленинизм. Открытие новых независимых журналов, проведение значительного количества конференций и написание научных

работ, посвящённых проблемам русской философии, ярко свидетельствует о том, что данная область научного знания начала активно разрабатываться в постсоветский период.

Приоритетная задача данной статьи заключается в том, чтобы проследить ход развития советской историографии русской философии и оценить её влияние на современное состояние отечественной философии. Прежде чем обратиться к анализу данной проблемы, необходимо определить понятие русской философии и её место в мировой философии. Сразу оговоримся, на текущий момент в академической среде существует достаточно большое количество мнений по данному вопросу. Тем не менее автор придерживается позиции, согласно которой русская философия является совокупностью идей и концепций, обладающих свойственной им спецификой, которая может быть объяснена культурно-историческими, религиозными, политическими и другими факторами. Важно отметить, что, несмотря на своеобразие философских построений русских мыслителей, европейская философия ключевым образом повлияла на формирование русской философии как самостоятельной национальной школы.

Рассматривая основные задачи историографии русской философии, в которые входит изучение её отношения к традиции мировой философии и анализ связи с собственной национальной, можно заключить, что в рамках советского государства она претерпела глубокие изменения, которые существенно трансформировали её дореволюционный облик. Если начало XX в. ознаменовалось так называемым «религиозно-философским ренессансом», участники которого занимались активной разработкой философских концепций, опираясь во многом на мистическую сущность христианства, то затем, в ходе уже событий Октябрьской революции и Гражданской войны молодое государство начало идеологическую борьбу за монополию взглядов, защищая позиции исторического материализма. В краткосрочной перспективе это привело к депортации той части интеллигенции, которая открыто выражала своё несогласие с марксизмом, а в долгосрочной обусловило возникновение готовых «философских формул», как то: «общественное бытие определяет общественное сознание». Скепсис, как один из неотъемлемых элементов философии, категорически не приветствовался, единство мнений в научной среде определялось принципом партийности.

Если попытаться разобраться в «официальной» историографии русской философии советских времён, то можно подчеркнуть здесь два существенных момента. Во-первых, в отношении предшествующей национальной философской традиции произошла существенная переориентация взглядов, где революционность личностных позиций, материалистичность философских рассуждений оценивались в первую очередь. Именно по этим признакам столь значительная роль в рамках русской культуры отводилась таким деятелям, как Радищев, Белинский, Огарёв и особенно Чернышевский. Во-вторых, следует отметить, что советская философия не имела никакого взаимодействия с современной европейской философией, что естественно не могло не повлиять на развитие её историографии, при этом нельзя утверждать, что рассматриваемая философия не обращалась к мировому философскому наследию

вообще. В любом случае идея подчинения философии какой-либо политической конъюнктуре превращает прежде свободную область философствования в схоластику. Таким образом, стоит вновь вернуться к попытке определить главные понятия, однако в данном контексте важно обратиться к уже упоминаемому архимандриту Гавриилу, рассматривавшему русскую философию первоочередно как «конгломерат идей, отражающих духовную жизнь поколений, нежели чем просто систему». В случае последнего варианта вытекает следующее: то или иное философское учение, которое берёт на себя роль объяснить процесс изменения мира, отталкивается от заранее заданных причин и целей, что ведёт впоследствии к построению идеологизированных тоталитарных систем. Именно за этот аспект известный политический философ Карл Поппер критиковал философские концепции Платона, Гегеля и Маркса и, по всей видимости, не зря.

Несмотря на давление, оказываемое на учёных, «независимых» от позиций партии, можно выделить и положительные стороны данного периода: например, в рамках советской системы возникло небольшое количество философов (М. Мамардашвили, Ю. Лотман, С. Аверинцев, А. Лосев и т. д.), творчество которых активно изучается в современной историографии. Помимо этого, уместно говорить о развитии русской философии XX в., но преимущественно в рамках творчества деятелей зарубежья, которые были вынуждены в определённый исторический момент покинуть Россию. В рамках современной историографии русская культура эмиграции представляет ценный и, пожалуй, основной источник исследования XX в. Интересным представляется идея о том, что подобного рода трагизм свободной мысли в России, по мнению некоторых исследователей, представляет некую национальную особенность русской философии и культуры в целом. Так или иначе, на сегодняшний момент в отношении современной историографии русской философии можно заключить, что она преодолела прежде существовавшие идеологические барьеры, причём ей удалось не предаться диаметрально противоположным позициям наподобие радикальных националистических нарративов. Кроме того, позиция, согласно которой в философии возможна полная преемственность традиции, является весьма спорной, поскольку в таком случае начинает формироваться канон или односторонняя системность, хотя очевидно, что философия, как и любая другая область знания, нуждается в определённом фундаменте самостоятельных идей, концепций, теорий. В конечном счёте именно в этом и состоит одна из главных задач истории философии как дисциплины. В отношении сущностных особенностей русской философии скорее имеет смысл говорить о том, что она обладает определённым творческим подходом к общим проблемам мировой философии. Таким образом, современная историография русской философии вынуждена в своей исследовательской деятельности вновь возвращаться к истокам, но с опорой на опыт как дореволюционной философии, так и советской.

Список литературы

1. В. И. Гидиринский, *Проблема русской идеи в отечественной философии: история и современность* // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2004. — №2. — С. 14—24.
2. М. Н. Громов, *Типология русской философии в контексте европейской культурной традиции* // Институт философии РАН. — 2011. — №16. — С. 3—18.
3. А. ДеБласио, *Что случилось с «философским бумом»? : изучение российской философии в контексте американской славистики* // НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. — 2007. — №1. — С. 218—223.
4. Ю. В. Заборских, *Становление русской философской историографии: первые теоретические и методологические проблемы* // ВЕСТНИК СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР. — 2011. — №1. — С. 44—49.
5. В. В. Сербиненко, *Современные исследовательские проблемы истории русской философии* // Вестник МГТУ. — 2007. — №3. — С. 453—457.
6. В. И. Сидорин, *Отечественная историографии русской философии на рубеже веков: проблемы и перспективы. Размышления о книге Алиссы ДеБласио «The End of Russian Philosophy. Tradition and Transtition at the turn of the 21st Century»* // История философии. — 2016. — №1. — С. 160—167.

ЖИДОВСТВУЮЩИЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ УЧЕНИЯ И ЕГО ОТОБРАЖЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Кузьмицкая П.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

В статье исследуется учение жидовствующих и его отражение в истории русской философии. Автор составляет исторический и историко-философский обзор предмета и приходит к выводу о том, что учение жидовствующих является естественным результатом синтеза неоплатонизма, гностицизма, гуманизма, каббалистики, рационализма и некоторых других традиций, а также что рассматриваемое учение было идеологически обрисовано как вредоносная пропаганда извне, истреблено и предано забвению, а его влияние старательно стёрто из истории. Последним обусловлена актуальность работы, состоящая в сравнительно малой исследованности темы и противоречивости точек зрения на неё.

Ключевые слова: жидовствующие, ересь, Русь, история, философия, религия.

The article examines the teaching of the Judaizers and its reflection in the history of Russian philosophy. The author compiles a historical and historical-philosophical review of the subject and comes to the conclusion that the teaching of the Judaizers is a natural result of the synthesis of Neoplatonism, Gnosticism, humanism, Kabbalism, rationalism and some other traditions, and also that the doctrine in question was ideologically outlined as harmful propaganda from the outside, exterminated and consigned to oblivion, and his influence has been painstakingly erased from history. The latter determines the relevance of the work, consisting in the relatively little research on the topic and the contradictory points of view on it.

Key words: Judaizers, heresy, Russia, history, philosophy, religion.

Одна и та же религия существенно изменяет своё содержание соответственно степени экономического развития исповедующих её народов.

Г. Плеханов

В XXI веке российский исторический дискурс располагает фундаментальным историографическим корпусом, высокой степенью систематизации и значительным количеством фундаментальных источников. Однако в нём наличествуют своего рода апокрифические страницы, прочтение которых неоднозначно, а место в современной культурной парадигме не определено. Одной из таких страниц является ересь жидовствующих или учение московско-новгородских антитринитариев, поскольку, ввиду расхождения в первоисточниках, данное явление с трудом поддаётся категоризации. Деятельность адептов учения московско-новгородских антитринитариев представляет особый интерес как малый завершённый исторический цикл внутри истории России. Учитывая актуальность данной темы в контексте истории гностических сект, мы определяем историю движения жидовствующих как тему

настоящего исследования.

На основании вышеизложенного, целью работы является систематизация данных о возникновении, распространении, сущности учения и искоренении движения жидовствующих, а также выявление неоднозначностей современного понимания отдельных аспектов темы и разъяснение указанных неоднозначностей. Из этого вытекают задачи обработки и систематизации специализированной литературы по теме, выяснения общей хронологии деятельности движения жидовствующих, описания и метафизического анализа учения, а также характеристики предпосылок возникновения, причин распространения и отдалённых последствий деятельности религиозной группы жидовствующих. Указанные задачи определяются комплексным историческим методом с элементами онтологической, библиотечно-информационной и культурологической методологий. Объектом настоящего исследования является история гностических сект Руси, а предметом – деятельность секты жидовствующих соответственно.

На сегодняшний день можно утверждать, что лакуны избранной нами темы заполнены в контексте как исторического, так и теологического дискурсов. Глубокая изученность темы умаляет актуальность её дальнейшего исследования, однако одновременно с этим обеспечивает широкий спектр специализированной литературы. Так, Я. Лурье и Н. Казакова в работе «Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI вв.» вписывают деятельность движения жидовствующих в политические и социальные реалии того времени. В контексте концепции русского гностицизма учение жидовствующих рассматривает В. Ромодановская в комплексной работе «О целях создания Геннадиевской библии как первого русского библейского кодекса». Указанный подход сочетают с хронологическим методом исследователи А. Замалеев и Е. Овчинникова в сборнике «Еретики и ортодоксы. Очерки древнерусской духовности». За основу разработки истории религиозной группы жидовствующих принята статья Ф. Брокгауза и И. Эфрона, помещённая в Еврейской энциклопедии.

Отдельное место деятельности жидовствующих отведено в четвёртой главе шестого тома монументального труда Н. Карамзина «История государства Российского». Однако история данного явления не была замкнута на истории Руси, что явствует из статьи О. Русиной «Послания папе Римскому Сиксту IV и проблема интерреляции литературных памятников XV в.». Более подробно этот аспект анализирует А. Алексеев в монографии «Ересь жидовствующих в России в 1470—1510-х годах: в поисках европейской аналогии».

С осмотрительностью следует рассматривать претендующее на всеобъемлющую характеристику учения жидовствующих исследование А. Турилова и А. Чернецова «К культурно-исторической характеристике ереси жидовствующих», поскольку его идеологическая направленность обуславливает некоторую ангажированность работы. Та же тенденция намечается в научно-популярной работе Б. Клосса «Неизвестное послание Иосифа Волоцкого» и в статье О. Платонова «Ересь жидовствующих». Разрешает возникающие в связи с данными исследованиями противоречия Г. Зеленина

в статье «От мифа заражения к теории заговора: идеологизация памяти о жидовствующих в различных дискурсах».

Альтернативные источники, например, научно-популярная статья М. Таубе «Киевский еврей Схария и астрономические труды иудействующих» и статья О. Жиганкова «Еретики, или люди, опередившие время», повествуют о мистической сущности и эзотерических аспектах учения. Большое количество нетривиальных фактов упоминает в сборнике «50 знаменитых загадок Средневековья» М. Згурская. Кроме того, изучением деятельности движения жидовствующих занимаются такие известные исследователи, как доктор философских наук М. Шахнович, доктор философских наук И. Евлампиев и кандидат философских наук О. Михельсон.

Разумеется, полный корпус тематической литературы слишком объёмен для краткого обзора, поэтому в настоящем исследовании были приведены лишь некоторые источники, отражающие основные позиции специалистов. Из вышеизложенного явствует, что история религиозной группы жидовствующих неизменно представляла интерес в равной мере для основателей российской истории и для современных исследователей.

Не пренебрегая сократическим методом, дадим определение предмету исследования. Под ересью жидовствующих понимается принятое в ортодоксальной христианской церкви обозначение возникшего в XV веке в Новгороде религиозного учения, обвиняемого ортодоксальной христианской церковью в склонности к иудаизму. В самом понятии кроется терминологическая неоднозначность: в различных источниках можно встретить данное явление под наименованиями «жидовствующие», «иудействующие», «антринитарии», «учение Схарии» (или Захарии), «книжники», «новгородская ересь», «московско-новгородская ересь» и «секта жидовствующих». Употребление терминов «секта» и «ересь» неприемлемо, с точки зрения современного европейского религиоведения, ввиду его неполиткорректности, поэтому предпочтительнее использовать термины «религиозная группа» и «учение». Названия «книжники» и «антитринитарии» относятся более чем к одному концепту, и требуют уточнения, что затрудняет их употребление. Термины «новгородская ересь» и «учение Схарии» подвергаются критике, поскольку ядро религиозной группы со временем было перенесено в Москву, а единоличность авторства Схарии ставится под сомнение. Термины «жидовствующие» и «иудействующие» лишь в XXI веке были выведены из разряда разговорных. Более того, среди исследователей нет единого мнения о том, нужно ли писать слово «жидовствующие» в кавычках как просторечное. В данных условиях только такие термины, как «учение новгородско-московских антитринитариев» или «религиозная группа новгородско-московских антитринитариев» представляются адекватными феноменологической сущности явления. Однако термин «секта жидовствующих» настолько укоренился в российской исторической науке, что его изменение неизбежно приведёт к изменению глубинного смысла, согласно закону семиотики. В данном случае компромиссным решением становится употребление терминов «учение», «движение» или «религиозная группа жидовствующих». Принятое в англоязычном дискурсе название «Judaizers»

переводится как «иудействующие», поскольку, ввиду специфики русской речи, калькированный вариант данного термина имеет националистическую окраску.

Важно упомянуть, что деятельность адептов рассматриваемого нами учения относится к XV — началу XVI веков и не имеет отношения к религиозным группам субботников и новожидовствующих, возникших в XVII—XVIII веках в Российской Империи, а также к движению геров, славянских саббатианцев и представителей различных учений, в которых усматривалась близость к иудаизму. Отсутствуют факты, подтверждающие преемственную связь жидовствующих XV—XVI веков с так называемыми жидовствующими XVII—XVIII веков. Кроме того, локализация религиозной группы жидовствующих ограничена Новгородом и Москвой, однако нестрога, поскольку её деятельность распространялась на многие другие регионы, например Псков, Киев и Ростов.

XIV век, век расцвета искусства и утверждения гуманизма, торжества личности, в Европе стал новой вехой в развитии религиозной мысли. Различные ответвления от довлеющего над философией ортодоксального христианского учения породили протестантизм как таковой, а также теософский концепт возможности личного постижения божественного посредством непрерывного толкования оригиналов священного писания и священных преданий. В еврейской культуре с XIII века наметился сдвиг в сторону мистико-эзотерического учения Каббалы. Также и алхимия, отойдя от неоплатонизма и натурфилософских изысканий, приблизилась к аристотелизму с его естествоиспытательским потенциалом. Искания, убеждение в возможности личного постижения высших сил, частичный отказ от иерархического мировосприятия, — таковы были основные идеи, витавшие в воздухе.

Однако в то время, как Европа стояла на перепутье эпох в ожидании рождения нового мира, Русь готовилась концу света. Согласно христианскому вероучению, 1492 год новой эры совпадал с 7000 от сотворения мира, в котором предполагался апокалипсис. Тот факт, что к 1491 году признаков грядущего армагеддона не было зафиксировано, повлёк за собой естественный интерес к священным текстам с целью перепроверки пророчеств. Согласно же еврейским источникам (от собственно Торы до «Шестокрыла»), едва наступало шестое тысячелетие от сотворения мира (5252 год) без каких-либо значимых событий, что обратило внимание христианских священнослужителей на авторитетные ивритские оригиналы священных текстов.

Именно обращение непосредственно к первоисточникам, а также к Философу (Аристотелю) и попытка раскрыть собственную духовную сущность (свойственная гностицизму в целом) и определила отношение европейских исследователей к учению жидовствующих как к началу религиозного реформаторства и движению русского Проторенессанса. Представители советской историографической школы относят учение жидовствующих к гуманизму.

Учение жидовствующих впервые заявило о себе в Новгороде, традиционно автономном и связанном с Ганзейским союзом и Литвой. Мистический элемент, присущий настроениям этих стран, неизбежно влиял на новгородцев. Кроме того, очаг афонского гностицизма (связанного с исихазмом и богомилством) влиял на Русь в

целом. Но главным толчком можно назвать польско-литовское влияние, поскольку, во-первых, широко используемое в этих регионах книгопечатание способствовало развитию издательской и переводческой деятельности, а, во-вторых, воспитание шляхты в гуманистической традиции порождало свободомыслие. И, разумеется, отрицать влияние еврейской традиции как источника европейской христианской культуры также не следует.

Развиваясь на фоне централизации и «брожения умов» русского государства и схизмы, отдалившей Русь от Константинопольской патриархии, учение жидовствующих стало необходимым следствием межкультурного искания личности в хаосе нарождающихся религиозно-философских учений.

В ходе развития учения жидовствующих отметилось его стремительное распространение. Этот феномен объясняется универсальностью учения и данной им возможностью реализации свободы духа (жидовствующие либерально относились к свободе воли), сочетаемой с духовным наследием мудрых (чтение еврейской литературы). Существует теория, что открытие и разъяснение тайн Каббалы было основным условием успешности деятельности рассматриваемой нами религиозной группы. Также, поразительная лёгкость распространения учения объясняется взаимным интересом со стороны создателей учения и различных слоёв русского общества. Чем был вызван подобный интерес? Психология русского сознания до сих пор включала в себя элементы язычества, где бог способен к проявлению суровости, мыслим с условием возможности существования других богов, а также в связи с природным, материальным, являющим себя через чудеса. Сходные концепции можно обнаружить в иудаизме, и именно их в качестве онтологических элементов вобрало в себя учение жидовствующих.

В период наивысшего напряжения религиозной мысли в 1472 году в Новгород прибыл из Киева искусный военачальник князь Михаил Олелькович по настоянию польского короля Сигизмунда I. Именно в его свите пребывал Схария Жидовин, караим, считающийся основоположником учения жидовствующих. Личность самого Схарии весьма загадочна: каббалист, мистик и математик, он вызывал интерес историков и современников. Его отождествляют как с киевским учёным Захарией бен Аароном га-Кохеном, так и с итальянским гером бывшим князем таманским и фрязиным Захарией Гизольфи, однако биография последнего хронологически несопоставима с деяниями Захарии Скары, как принято прочитывать имя Схарии некоторыми исследователями. К тому времени караимы, к которым, судя по его взглядам, относился Схария, не потеряли связь с Землёй Израильской, что позволяло Схарии получать различные трактаты на иврите через Троки в Литве, где находилась процветающая караимская община. Несмотря на неоднозначности в биографии Схарии, с уверенностью можно предположить, что он обладал всеми необходимыми личностными качествами для организации нового религиозного течения: в краткий срок он основал религиозную группу из 33 учеников, 27 из которых принадлежали ранее к церковной институции. Первыми учениками Схарии стали священники Алексей (принявший имя Авраама и сподвигнувший свою жену принять имя Сарра),

Денис, Герасим и Григорий Тучин, ставшие главными проповедниками учения после отъезда Схарии в Кафу. Взгляды Схарии также разделяли иудеи Йосеф Шмойло Скарявей и Моисей Хануш. Архимандрит Зосима (впоследствии митрополит) и протопоп Гавриил Софийский, а также дьяк Гридя и монах Захар стали убеждёнными последователями учения Схарии. Позднее, в Москве, к религиозной группе жидовствующих присоединились писарь Иван Чёрный, Дмитрий Пустосёлов, дьяки Истома и Сверчок, купцы Игнат Зубов и Семён Клёнов, горожане Митя Коноплёв, Иван Максимов, Некрас Рукавов и братья Иван-Волк и Фёдор Курицыны. Последний стал ключевой фигурой движения наряду с Еленой Волошанкой после самого Схарии.

По приезде в 1479 году в Новгород князя Ивана III священники Денис и Алексей настолько поразили его своей учёностью и праведностью, что он незамедлительно предложил им высокие посты в кремлёвских храмах: Денис был определён священником Архангельского собора, а Алексей — протопопом Успенского собора. Славившиеся своим красноречием Денис и Алексей с лёгкостью убедили в истинности своего учения княгиню Елену Волошанку и всесильного политика Фёдора Курицына, с которыми тесно связана дальнейшая история движения.

Существует точка зрения, согласно которой Фёдор Курицын, человек европейской широты взглядов, мистик и полиглот, напоминающий Якова Брюса, познакомился с воззрениями жидовствующих во время своей поездки в Буду в 1482 году благодаря Мартынке-угрину. К этому времени движение насчитывало около семисот человек, а к концу XV столетия это число увеличилось вдвое. Либерализм Москвы по отношению к жидовствующим проистекал, во-первых, из «диктатуры сердца» Фёдора Курицына и, во-вторых, из бытовавшей в просвещённой среде моды на сокровенные учения. Уже в 1483 году был заключён брак Ивана Молодого и Елены Волошанки, чьим кузеном был вышеупомянутый Михаил Олелькович. Благорасположенный к Елене Волошанке, Иван III покровительствовал и жидовствующим: секуляризовав в 1478 году часть монастырских земель, Иван III надеялся усилить великокняжескую власть и наладить более тесные связи с Литвой и Крымом. В окружении же Елены Волошанки больший интерес проявлялся к контактам с католической Германией, что тем не менее отвечало устремлениям жидовствующих, направленным на расширение контактов с Европой.

Таким образом, к 1490 году жидовствующие оказались вовлечены в политические игры партий Елены Волошанки и Софьи Палеолог. К последней принадлежал архиепископ Геннадий, ответственный за последовавшие гонения и казни жидовствующих. Партия Елены Волошанки, помимо международных контактов, была настроена на поддержку великокняжеской власти и просвещение. Партия же Софьи Палеолог была подчёркнуто консервативна и обосновывала свою полемику защитой русской веры. Единственный успех этой партии заключался в смещении с должности в 1494 году приверженца учения жидовствующих митрополита Зосимы, в защиту которого не успел выступить Фёдор Курицын, бывший тогда в дипломатической миссии. В остальном же учение жидовствующих процветало.

Что характерно, учение, в корне отличное от главенствующей религиозной

идеологии, на Руси не могло просуществовать долго. Уже в 1484 году, когда в Москве учение жидовствующих только набирало силу, в Новгороде игумен Геннадий Гонзов вступил в трёхлетний конфликт с игуменом Захарием, из антикоррупционных соображений отказавшимся от причастия и впоследствии отбывшим в Москву. Данный незначительный инцидент можно назвать точкой отсчёта гонений на жидовствующих, поскольку убеждения Захарии возбудили в Геннадии подозрения относительно отклонения некоторых священнослужителей от официальной доктрины.

В 1487 году Геннадий совместно с Яковом и Юрием Захарьиными начинают проведение расследования в связи с отказом от идолопоклонства и иконопочитания новгородских священников Григория и Герасима, выдавших себя, в нетрезвом виде осквернив иконы. Вскоре оба обвиняемых бежали в Москву. Расследование могло на этом завершиться, однако некий поп Наум, принадлежащий к группе жидовствующих, самовольно выдал своих бывших единомышленников и с готовностью предоставил Геннадию «тетрати» с литургией на иврите, а также рассказал об истории религиозной группы. Сын попа Наума Самсонка выдал наиболее влиятельных адептов учения, в числе которых были знаменитый дипломат Фёдор Курицын и его ставленник авторитетный митрополит Зосима. Стремясь не навредить собственному положению, Геннадий приостановил следствие.

Вдохновлённый рассказом Георга фон Турна и доминиканца Вениамина об инквизиции, Геннадий пожелал создать на Руси аналогичную карательную институцию. С 1487 отправляя послания митрополиту Геронтию, а после его смерти в 1489 году — архиереям московскому, суздальскому, пермскому, тверскому и ростовскому, Геннадий добился разрешения применения суровых мер к подозреваемым им в ереси, однако единственное, что ему было позволено осуществить — применить публичную градскую казнь иссечение розгами к нескольким обвиняемым. Очевидно, русская церковь не поддерживала столь радикальных мер, однако Геннадий достиг своей цели, используя смерть наследника престола от болезни. Казнённый в 1490 году пользовавшийся его венецианский лекарь Леон Жидовин оказался иудеем, и его гибель стала началом расправы над жидовствующими и некоторыми иудеями.

В том же 1490 году был созван собор, призванный осудить так называемых еретиков. Иосиф Волоцкий, известный, впрочем, излишней запальчивостью, приписывал тогдашнему митрополиту Зосиме (придерживавшемуся взглядов жидовствующих) всевозможные грехи, основанные на отрицании всех христианских догматов. Геннадий также высказывался в пользу жестокой кары любых отступников и создания инквизиции (хотя лично на соборе не присутствовал, находясь в Новгороде), однако архимандрит Кассиан и митрополит Макарий не поддержали его позицию. Противниками Иосифа Волоцкого и Геннадия выступили также старцы Паисий Ярославов и Нил Сорский, чьи гуманистические убеждения значительно смягчили приговор в пользу анафемы. Геннадий поспешил исполнить решение собора, показательно покарвав сбежавших новгородцев, выданных Москвой: «еретики» были встречены за 40 вёрст от Новгорода и проведены по городу на вьючных лошадях

посажеными задом наперёд с вывернутой наизнанку одеждой и берестяными колпаками на голове, на которых было написано «Се есть сатанино воинство». Горожанам было приказано плевать на них, называя их христианскими хулителями. В конце экзекуции берестяные колпаки сожгли на головах осуждённых, однако после этой процедуры осуждённые были разосланы по монастырям, а не убиты. Для Геннадия на этом завершилось участие в преследовании жидовствующих (далее он сосредоточился на литературной полемике с «жидовски мудрствующими»), а митрополит Зосима ещё четыре года не опасался преследований за свои взгляды.

В 1494 году митрополит Зосима всё же был обвинён в ереси и покинул престол, однако другой последователь учения, Дмитрий, сын Елены Волошанки, был венчан на царство. Чуть позже, в 1498 году, дипломатическая карьера Фёдора Курицына достигла пика, что оппоненты приписывали его «звездознанию» и чернокнижию. Однако уже через три года наступила новая веха гонений на религиозную группу. Собор 1502 года вновь осудил жидовствующих, а Иван III изменил коренным образом политику по отношению к учению, заключив Елену Волошанку и Дмитрия в темницу, примирившись с Софьей Палеолог и назначив своим наследником Василия. Последовавший за этим собор 1503 года не обсуждал жидовствующих, однако поднимал вопросы поставленных ими проблем просвещения и монастырского землевладения.

Роковым для приверженцев учения жидовствующих стал собор 1504 года, где Иван III признал еретиком Фёдора Курицына и согласился с необходимостью «лютой казни». Собор проводился с подачи Софьи Палеолог и под председательством великого князя Василия. Выступавший на соборе Иосиф Волоцкий открыто обвинил митрополита Зосиму и сумел добиться радикальных мер пресечения так называемой ереси. Заодно с этим иудеи были обвинены в навязывании своей религии. Собор постановил предать отступников казни через тайное сожжение в закрытых деревянных срубах. Таким образом были убиты Фёдор Курицын, Иван-Волк Курицын, Иван Максимов, Митя Коноплёв и Дмитрий Пустосёлов. Некраса Рукавова, архимандрита Кассиана, Ивана Чёрного и прочих важных деятелей движения публично сожгли в Новгороде по урезанию языка. После беспрецедентной расправы Иван III санкционировал дальнейшее преследование жидовствующих. Некоторые из них были сожжены, некоторые спаслись в Литве, некоторые бесследно исчезли. Вместе с ними исчезло и учение жидовствующих, чтобы быть забытым долгие столетия.

Неординарное, глубоко основательное учение жидовствующих не могло не оказать влияние на дальнейшую религиозную полемику. Во-первых, фундаментальная доказательная база и обширная дискуссионная практика, типичная для знавшей схоластику Европы, но новая для Руси, показала, насколько недостаточен был уровень образованности на Руси, причём не только среднего класса, но и церковной и политической элиты. Особенную рефлексию это вызвало у Митрополита Макария. Геннадий также, столкнувшись с глубиной книжной мудрости жидовствующих, не сумел отыскать в обширной библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря необходимых для аргументации в споре книг, например, трудов Афанасия

Александрийского. Явственная нехватка религиозной литературы побудила Геннадия перевести Священное писание на церковнославянский язык, что является неотъемлемым звеном в процессе национализации религии. Также были переведены книги Николая де Лиры и Самуила Евреина. Особенностью переводов Геннадия стал «латинский стиль», что позволило несколько смягчить радикализм суждений и способствовало большей открытости европейской культуре. Другой тенденцией в русской религиозной полемике стали единичные призывы к гуманизму, поскольку наиболее просвещённые деятели культуры были возмущены беспрецедентной жестокостью по отношению к так называемым еретикам. Коренное несоответствие практики казней христианским догматам о милосердии было главным аргументом полемистов, однако искушённый в спорах Иосиф Волоцкий причиной казней указывал не ересь как таковую, а её насильственную пропаганду. Даже в 1512 году монахи Нил Полев и Дионисий Звенигородский Белозерского монастыря вели аналогичный спор с монахом Кирилловского монастыря Германом Подольным, причём лишь последний выступал на стороне гуманизма. Указанный диспут завершился доносом и репрессивными мерами. Однако существовали и более утончённые литературные диспуты: так, Вассиан Патрикеев, апеллируя к Иоанну Лествичнику в своём произведении «Слово на списание», призывает к прощению покаявшихся еретиков лично Иосифа Волоцкого, хотя последний не меняет своих убеждений относительно влияния так называемых ересей на господствующее учение.

Наиболее очевидным последствием деятельности жидовствующих стало укоренение религиозной нетерпимости и антисемитизма в русском сознании. Слово «жидовин» в дальнейшем стало синонимично слову «антихрист» — иудеев стали приравнивать к чернокнижникам, испытывать перед ними суеверное омерзение. В дальнейшем, с воцарением Ивана Грозного, ситуация лишь ухудшилась: не желавших изменить вере иудеев не пускали в Москву и могли без повода подвергнуть жестоким казням. Таким образом, юдофобия надолго укоренилась в русском сознании: сама идея иудаизма была окружена ореолом тайны и табу.

Сведения о деятельности жидовствующих усилиями стоявших у власти были преданы забвению. Характеристика их учения проводилась единственно со слов их оппонентов, что фактически приравнивается к обличению. Так, например, главным источником стал «Просветитель» Иосифа Волоцкого. Что свойственно всей идеологической литературе, в этом произведении опускается тот факт, что у всех есть своя правда и максимализма суждений следует избегать. Иосиф Волоцкий полагает, что аргументированно объясняет причину возникновения ереси происхождением её от лукавого. Также автор допускает противоречия относительно факта веры или неверия жидовствующих в загробную жизнь, что показывает малую осведомлённость о смысле учения. Ещё менее объективно послание монаха Саввы Дмитрию Шеину, являющееся ярким примером ранней антисемитской литературы. Не проливают свет на проблемы как послания Ивана III и старца Геронтия к Геннадию, так и письма самого Геннадия к Иоасафу Ростовскому и Зосиме. Лишь документы Зосимы о приговоре собора 1490 года сообщают об антитринитаризме, отрицании жидовствующими мессианства

Христа и идолопоклонства в контексте иконопочитания. Также особо отмечена их склонность к изучению оригиналов священных текстов и критический взгляд — стремление читать осознанно, вдумываться и обосновывать религиозные догматы, что было неприемлемо в древней Руси. Эти факты подтверждают положение о том, что жидовствующие были носителями высокой образованности. Просвещённая элита, подвергаемая репрессиям — довольно известный концепт русской истории.

Бытует гипотеза, что, несмотря на радикальные меры, учение жидовствующих продолжало существовать и воплотилось в религиозных учениях Российской империи в XVIII—XX веках, однако реальной взаимосвязи между ними не обнаруживается: учение жидовствующих в том виде, в каком сохранили его немногочисленные произведения адептов учения, было безжалостно уничтожено.

По праву именуясь книжниками, приверженцы учения жидовствующих задействовали множество различных текстов, а также оставили после себя некоторое количество оригинальных произведений. Так, не написав тем не менее собственного базисного свода знаний, они активно изучали древние трактаты, особое внимание уделяя «Шестокрылу» Бонфиса и «Терминам логики» Рамбама. Также читались «О сфере» де Сакробоско и «Секретум Секреторум» в переводе Алхаризи. Важно отметить, что все указанные книги были переведены на рутенский язык до того, как религиозная группа начала свою деятельность в Новгороде. Самими жидовствующими были написаны претендующее на изложение сути учения «Лаодикийское послание» Фёдора Курицына, его же авторства «Сказание о Дракуле-воеводе», являющееся пересказом валашских легенд о Владе Цепеше в свете гностической морали, а также небольшое предисловие и глоссы к «Еллинскому летописцу» Ивана Чёрного.

«Книга, глаголемая логика» заслуживает особого внимания, поскольку рассматриваемые в ней логические термины (всего около полутора сотен, среди которых утверждение — «прилог» и отрицание — «уем»), а в особенности соотношения фигур силлогизмов и гносеологическая классификация логики стали достоянием академической логики и философии XVII столетия. Не менее важны, однако в контексте гуманитарного знания, произведения самого Фёдора Курицына: так, в первой части трёхчастного «Лаодикийского послания» (автором которого талантливый Фёдор Курицын отказывался себя считать), в «Литорее в квадратах» содержится подробнейшая грамматическая таблица, являющаяся криптографическим ключом к последующему десятистрочному фрагменту, точная расшифровка которого до сих пор не осуществлена. Примерный смысл его таков, что вооружением свободной от природы души являются наука и мудрость. Здесь отчётливо проступают как гностическая, так и просвещенческая традиции. Чуть менее постулировано учение в художественном произведении Фёдора Курицына «Сказание о Дракуле-воеводе», где демонический образ самодержца является пророчеством судьбы Руси, исполнившемся уже на Иване Грозном. Чуть более оптимистично «Написание о грамотности» предполагаемого авторства Фёдора Курицына: в книге манифестируется идея спасительной грамотности (столь чуждая Руси) и бога, олицетворяющего высший разум. Именно это явилось симптомом жажды просвещения интеллектуальной элиты

и одновременно проблемой для церковных идеологов.

Школа академика А. Соболевского предприняла успешную попытку изучения текстов жидовствующих и их текстологического анализа. Было выяснено, что «Логика» жидовствующих представляла собой пересказ пособий по логике Рамбама, а лингвистический анализ выявил в рутенском языке переводов большое количество полонизмов и калькирования ивритских терминов. Переводы фрагментов из Ависафа, «Лопаточника» Петра Египтянина и «Космографии» отражают научные искания жидовствующих. Перевод же книги Даниила обнаруживает знакомство переводчика с раввинистической экзегетической литературой и его близость к ашкеназской традиции. Наиболее загадочным апокрифом стал перевод Махзора, именуемый «Псалтырью Фёдора-еврея»: язык этого перевода далёк от чистого русского языка, изобилует ошибками и великорусскими заимствованиями, что указывает на недостаточное знание переводчиком русского языка. Это не было типично для представителей рассматриваемой религиозной группы, например для Схарии.

Существует версия, согласно которой Схария-философ мог оказаться известным галутным учёным Захарией бен Аароном га-Кохеном, о чём свидетельствует прямо текстологическое сходство киевской Псалтыри XVI века и «Логики» жидовствующих и косвенно — характерные лингвистические общности переведённых книг Виленского ветхозаветного свода и литературы жидовствующих. Данной версии придерживаются исследователи из Иерусалимского университета. Однако прямых сведений о просветительской переводческой миссии Захарии бен Аарона га-Кохена на Руси нет.

Для жидовствующих были в высокой степени характерны склонность к филологическим и естественнонаучным штудиям, пристрастие к мистико-эзотерическим трактатам, а также критика клерикальной литературы. Примером того является переведённый на рутенский язык «Шестокрыл», в котором математика являлась одновременно языком астрономии и выражением магии. Обращаясь к геоцентрическому учению Птолемея, в «Космографии» деятели учения проводят параллель девяти небесных сфер с плеромой, математически обосновывая свою теорию. Изучали «мудрствующие жидовски» также логику по трактату «Логика Ависафа», восходящему идейно к логическим штудиям Рамбама. Мерилом не одной науки, но мудрости как таковой становятся логика и математика, в чём просматривается как позднеантичная, так и просвещенческая традиции. Последнюю Фёдор Курицын манифестирует в «Лаодикийском послании», ставя знание как таковое на место Христа. Косвенно этот факт указывает на гностицизм. В значительной мере склоняясь к теософии, неоплатонической мистике, натурфилософским изысканиям и гностическому учению, мировоззрение жидовствующих наиболее близко схоластическому аристотелизму ввиду его полемичности и естественнонаучного характера.

Вопрос о сущности учения жидовствующих — одна из наиболее тёмных страниц истории. Очевидно, адепты учения были антитринитариями, также отвергавшими внешнюю обрядовую сторону христианской жизни и церковную институцию, особенно монашество. Аргументированное отрицание догматов божественности

Христа, иконопочитания и воскресения сближает учение жидовствующих с рационализмом, протестантизмом и социнианством. Вследствие этого метафизическая суть учения, касающаяся души, нередко отрицалась, однако именно свобода духа и воли манифестировалась жидовствующими.

Будучи тем не менее одной из так называемых ранних русских ересей, учение жидовствующих во многом преемствовало гностицизму: вышеописанное математическое обоснование бытия плеромы, постулирование Софии как мудрости, враждебность неблаготворного созданного Демидургом мира и отказ от ортодоксальной христианской традиции, — всё это относится к гностическим заимствованиям. Онтологически это предвещало трагическую судьбу учения ввиду концепта неблагости мира. Обосновывало подобную судьбу неверие жидовствующих в грядущий конец света и второе пришествие, бывшие на тот момент наиболее актуальными христианскими вопросами.

Жидовствующие во многом разрушили стереотипы древнерусского мышления, особенно в сфере просвещения, что, на первый взгляд, умаляло значимость в их учении Моисеева Закона, однако именно его адепты учения соблюдали с особой тщательностью. Удивительным оставался тот факт, что внутри учения любой человек мог философствовать, рассчитывать на веротерпимость и обращаться к различным источникам знаний. Именно эта толерантность, явившаяся слишком рано, способствовала столь стремительному уничтожению жидовствующих.

Метафизическая сущность учения жидовствующих явилась органичным сочетанием совершенно различных концептов, подлинным шедевром религиозной мысли. Единственным недостатком можно назвать отсутствие свода учения, не сочетавшееся с тогдашней письменной традицией.

Проанализировав приведённый выше массив сведений о движении жидовствующих, делаем выводы в соответствии с поставленными задачами: во-первых, нами означена общая хронология деятельности движения жидовствующих (1470—1504, с началом активных гонений в 1490). Во-вторых, нами произведены описание и метафизический анализ учения, в ходе чего было выяснено, что мировоззрение жидовствующих склоняется к схоластическому аристотелизму и гностицизму. В-третьих, нами выделена главная причина возникновения движения как неизбежный результат мультикультурного искания и синтеза бытующих религиозно-философских учений. Актуальность учения жидовствующих доказана историческими фактами и обусловлена своей универсальностью и возможностью реализации свободы духа одновременно с постижением мудрости древних. В ходе анализа источников нами также исследована деятельность религиозной группы жидовствующих в различных сферах — от художественной литературы до политики. Отдалёнными последствиями деятельности жидовствующих нами названы как стереотипизация восприятия приближенных к иудаизму религиозных движений внутри ортодоксального христианства (религиозные группы субботников, «новые жида»), так и углубление тенденций к антисемитизму в дальнейшем. Учитывая закрытость движения и негласность его искоренения, философские взгляды жидовствующих не смогли оказать

сколько-нибудь значительного влияния на тогдашнюю русскую культуру, однако из самого факта возникновения и распространения движения с необходимостью следовало, что Русь неуклонно приближалась к порогу Возрождения. .

Также важно отметить, что нами выявлены некоторые семиотические и исторические неоднозначности, до сих пор ведущие к противоречиям в данной сфере историографического дискурса. Отдельно следует резюмировать феноменологический аспект понятия «жидовствующие» в культурной парадигме различных эпох: рассматривая феноменологическую сущность понятия «жидовствующие», выделим в первую очередь упомянутые нами удивительное смешение всевозможных вероучений и свободомыслие внутри движения. Слияние неоплатонизма, гностицизма, гуманизма, каббалистики, рационализма и некоторых других традиций породили довольно сложное для восприятия учение с одним неизменно актуальным эйдосом толерантности. Будучи идеологически обрисовано как вредоносная пропаганда извне, а не как естественный результат синтеза различных философских и религиозных учений, движение жидовствующих было истреблено и предано забвению, а его влияние старательно вымарано из истории.

Несмотря на подобный конец, феномен жидовствующих укоренился в русской культуре и ныне представляет собой несколько неоднозначную, но широко известную тему. Оценивая значимость настоящей работы для дальнейших исследований, важно упомянуть, что в настоящей работе очерчены лишь основные тезисы, доказательство каждого из которых может послужить темой для дальнейшего изучения. Феномен жидовствующих в перспективе будет длительное время представлять интерес для чистой исторической науки.

Список литературы

1. Алексеев А.И. *Жидовствующие* // *Православная энциклопедия*. М., 2008. Т. 19. С. 193—194.
2. Бруцкус Ю. *Захария, князь Таманский* // *Еврейская старина* № 10. — Пг., 1918.
3. Долгов С. О. *Памятники древней письменности и искусства*. 133. *Отчет о заседании 5-го марта 1899 года. "Логика" жидовствующих и "Тайная тайных". "Ведомость о китайской земле и о глубокой Индеи"* / С. О. Долгов, А. И. Соболевский. — Санкт-Петербург: Тип. В.С. Балашева и К°, 1899. — 34 с.
4. Жиганков О. *Еретики, или люди, опередившие время*. Заокский: *Источник жизни*, 1996. 94 с.
5. Замалеев А.Ф., Овчинникова Е.А. *Еретики и ортодоксы: Очерки древнерусской духовности*. — Л.: Лениздат, 1991.
6. Карамзин, Н. М. *История государства Российского* : в 3 кн. / Н. М. Карамзин. — Санкт-Петербург: СЭКЭО «Кристалл»; Москва: АСТ, 2003. — (Библиотека мировой лит.) — (Вехи истории).
7. Казакова Н. А., Лурье Я. С. *Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века*. М.-Л.: *Издательство Академии Наук СССР*, 1955. — 573 с.
8. Ромодановская В.А. *О целях создания Геннадиевской Библии как первого полного русского библейского кодекса* // *Книжные центры Древней Руси*, Л.: Лениздат,

2002

9. *Лаодикийское послание (оригинал) [Электронный ресурс] // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. — Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5072> (дата обращения: 20.10.2021)*

10. *Просветитель — Иосиф Волоцкий [Электронный ресурс] // Электронная библиотека bookz.ru. — Режим доступа: https://bookz.ru/authors/iosif-volockii/prosveti_227.html (дата обращения: 22.10.2021)*

11. *Сказание о Дракуле-воеводе (оригинал) [Электронный ресурс] // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. — Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5074> (дата обращения: 21.10.2021)*

12. *Шестокрыл [Электронный ресурс] // TADVISER. — Режим доступа: [https://www.tadviser.ru/index.php/Шестокрыл_\(книга\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Шестокрыл_(книга)) (дата обращения: 02.10.2021)*

13. *Sekretum Sekretorum [Электронный ресурс] // tashid. — Режим доступа: <https://www.colourcountry.net/secretum/node2.html> (дата обращения: 20.10.2021).*

МИРОВАЯ ЮСТИЦИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Чебоньян Т.Г., Горбунова А.О.

Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону

В настоящей статье рассматриваются проекты внедрения мирового суда в России и приводится периодизация истории мировой юстиции нашей страны.

Ключевые слова: мировая юстиция, судебная реформа 1864г, судебная система, Российская Федерация, судопроизводство.

Развитой судебной системы в Российской империи не существовало вплоть до XVIII в., что регулярно приводило к злоупотреблениям властью. Такая ситуация породила первые попытки изменения судебных органов в России.

Первопроходцем в развитии судебных учреждений был Петр I, вслед за ним – Екатерина II. Введенная ею судебная система в течение 100 лет претерпевала всевозможные улучшения, вызванные потребностями того времени, но тем не менее продолжала существовать вплоть до судебной реформы 1864 года.

С обнародованием «Судебных уставов» 20 ноября 1864 года в России был введен мировой суд. Он был наиболее демократичным судебным институтом в стране. Его деятельность значительно упрощалась тем, что все законы и основы были проработаны реформаторами с целью не только приблизить институт к населению, но и обозначить его независимость.

Судебные учреждения существовали и до 1864г, но тогда их полномочия и принципы были совершенно другими. Суды не были демократическими институтами, поэтому перед разработчиками первоначально стояла задача упростить судебную систему, приблизить ее к понимаю простыми гражданами и сделать способной рассматривать дела в краткосрочный период.

Мировой судья был первой инстанцией по разрешению мелких уголовных и гражданских дел, поэтому всем слоям населения было разрешено участвовать в выборе доверенного лица на эту должность. Условия для работы в качестве мирового судьи - возраст от 25 лет, высшее/среднее образование или стаж работы 3 года на таких постах, где можно было обзавестись практическими навыками в судопроизводстве, любое недвижимое имущество или участок земли, а также требование "неопороченности".

В системе правительственных должностей периода XIX в. мировой судья занимал 5 класс Табели о рангах. Только у Правительствующего Сената было право оспорить и отменить приговоры мировых судей, следовательно, уйти по собственному желанию или быть снятым с должности за превышение полномочий мировой судья мог только по заключению Сената.

Несмотря на все изменения, в «1917 году в России насчитывалось 12 755 мировых и волостных судов. В 1924 году по статистическим данным, число судов уменьшилось почти в пять раз – насчитали 2555 участковых народных судов – один суд приходился на 1600 квадратных верст». Чтобы выйти из этой ситуации, некоторые судебские полномочия были переданы органам милиции.

О воскрешении мировой юстиции заговорили снова лишь в 1991 году, когда была одобрена Концепция судебной реформы в РСФСР. Россия быстро развивалась, появились рыночные отношения, что порождало множество дискуссий и столкновений, которые нужно рассматривать за короткое время. Рассматривать иски качественно и точно в срок районные суды просто не успевали, потому что были перегружены уголовными и административными делами.

Однако наиболее существенной предпосылкой к возрождению мировых судов стало принятие Государственной думой Российской Федерации 23 октября 1996 года – Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации».

На сегодняшний день наиболее современным этапом возрождения мировой юстиции принято считать утверждение Федерального закона «О мировых судьях Российской Федерации» от 17.12.1998 N188 – ФЗ, согласно которому мировые судьи входят в единую судебную систему и являются судьями общей юрисдикции.

Мировые суды представляют собой низовое звено судебной системы, однако, поступление дел остается высоким, следовательно, этот факт не означает малую значимость мировых судей, зато говорит о наиболее приближенную ко всем общественным слоям систему судопроизводства, к чему, как мы помним, мировая юстиция стремилась еще во времена судебной реформы 1864 г.

Подсудность, компетенция, порядок действий устанавливаются федеральным законодательством. Мировые судьи осуществляют правосудие именем Российской Федерации. Возвращение к институтам мирового правосудия говорит о развитии России, как демократической страны.

В соответствии с Федеральным законом от 22 декабря 2008 года №262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ», все судебные участки имеют страницу в сети Интернет, на которой находится информация о судье, режиме работы, подсудности и другая информация. В 2013 году были введены смс-оповещения участников судопроизводства. Оба этих нововведения значительно облегчили работу сотрудников институтов мировой юстиции и уменьшили траты на судебные повестки.

Список литературы:

1. *Копоненко В. Мировой суд как зеркало судебно-правовой реформы // Российская юстиция. – 1998. - № 11. – С. 5-6*
2. *Хамицевич Ю.О. История становления и развития мировой юстиции в России / Альманах педагога. <https://almanahpedagoga.ru/servisy/publik/publ?id=22693>*

ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Половченко К.А

Московский государственный институт международных отношений, Москва

В статье представлен анализ первых конституционных актов, заложивших основы восстановленной государственности и конституционного развития Сербии.

Ключевые слова: История Сербии. Сербский конституционализм. Народно-освободительная борьба. Конституционные акты. Система государственной власти.

The article presents an analysis of the first constitutional acts that laid the foundations for the restored statehood and constitutional development of Serbia.

Keywords: History of Serbia. Serbian constitutionalism. People's Liberation struggle. Constitutional acts. The system of state power.

Становление современного сербского конституционализма прошло весьма длительный и извилистый путь. Начало этого процесса приходится на момент кульминации борьбы сербского народа за восстановление своей государственности. Дело в том, что в результате русско-турецких и австро-турецких войн конца XVIII века Османская империя была значительно ослаблена, что создало объективные предпосылки для успешной национально-освободительной борьбы сербского народа [2]. В феврале 1804 года в Сербии вспыхнуло национально-освободительное восстание 1804–1813 годов под предводительством Георгия Петровича по прозвищу Карагеоргий. Переменные успехи восставших в борьбе за независимость поставили вопрос о формировании базовых основ грядущего независимого сербского государства. Поэтому вполне закономерно уже в самом начале сербского восстания за независимость были приняты отдельные конституционные акты, в которых были представлены важнейшие принципы организации сербского общества и государства [4, с. 26].

Так, первой попыткой на пути создания сербской конституции стал подготовленный в июле 1805 года Божой Груйовичем проект Положения об Управляющем совете, который на много опередил время, когда бы он мог быть воплощен на практике, поскольку содержал революционные для своего времени идеи конституционного правления и верховенства закона [1, с. 91]. Как отмечал профессор Стоян Новакович, Сербия в начале девятнадцатого века не была той почвой, на которой могли бы прорасти и пустить корни эти идеи. Это был проект, устремленный в отдаленное будущее Сербии, поскольку автор этих идей жил и трудился в обществе, которое его не только не понимало, но и не имело ни малейшего желания, ни готовности жить в соответствии с ними [5, с. 22]. Таким образом, Сербия начала XIX века еще не созрела к реализации конституционных идеалов передовой национальной просветительской мысли.

Первым реально принятым и вступившим в юридическую силу конституционным актом Сербии стал Акт 1808-го года. Он явился совместным документом, принятым Карагеоргием и Управляющим советом, коллективным органом управления восставшими. Конституционный акт состоял из двух положений, устанавливающих систему власти на освобожденной территории. В одном из них указывалось следующее: "Мы, Совет Народный, все коменданты, князья и весь народ признаем Господина Карагеоргия Петровича и его законных наследников первым и верховным сербским предводителем, которому обещаем быть верными и послушными его воле, а Он, Господин Георгий Петрович, обещает по-отечески заботиться о народе, а Совет Народный за верховный суд признавать». Второе положение Акта 1808-го года гласило о том, что «все указы Господин Карагеоргий Петрович издает через Совет Народный и по согласию с ним. Таким образом, именно этим конституционным актом была организована верховная власть в государстве Первого сербского восстания. При этом существуют различные подходы к оценке порядка принятия и толкованию содержания Акта 1808-года. Так, Стоян Новакович полагал, что по порядку принятия Акт 1808-года являлся «октроированной конституцией Карагеоргия и его старейшин», а по содержанию, устанавливаемой этим Актом системы организации власти - «абсолютной монархией» [5, с. 36]. И все же есть все основания полагать, что сама форма Акта 1808-го года несла в себе признаки общественного договора, в котором прямо были выражены взаимные обязательства между его участниками. Что же касается содержания Акта 1808-года, то его структурный анализ позволяет говорить о попытке, пускай и в зачаточной форме, установить разделение в устанавливаемой системе государственной власти Сербии.

Очень близким по форме, но гораздо более содержательным документом явился Конституционный акт 1811-го года. Он был принят в самый разгар революционных событий на скупщине старейшин в Белграде. Фактически Конституционный акт 1811-го года представлял собой взаимные клятвы Карагеоргия и старейшин. В них члены Совета и иные руководители восстания признавали Карагеоргия единоличным верховным предводителем, а Карагеоргий клялся в том, что ничего не будет предпринимать без согласия Управляющего совета. Таким образом, как и предыдущий Конституционный акт, Акт 1811-го года являлся своеобразным договором между верховным предводителем (князем) и Советом.

Важнейшим достижением конституционного развития восставшей Сербии являлось закрепление в Конституционном акте 1811-го года ее «общенародного устройства». При этом, несмотря на то, что Управляющий совет был декларирован как народный сербский орган, ведавший делами по управлению освобожденной от турок территории, согласно Акту 1811-го года Совет оставался неизбираемым органом, сохранив за собой большинство важнейших функций первого Управляющего совета. Однако имелись и заметные различия, которые проявлялись как в структуре, так и в порядке деятельности этого органа. Так, если Управляющий совет согласно Конституционного акта 1808-го года во многом напоминал правительство, то Управляющий Совет согласно Акту 1811-го года являлся одновременно и

правительством, Верховным судом (Верховным народным судом) и законодательным органом. Анализируя функции Совета образца 1808 года, Стоян Новакович указывает на следующее: «В действительности же Совет был поделен на две части. Одни члены в нем были министрами, а другие – во главе с верховным народным судьей составляли верховный суд государства (министры не являлись членами суда, а судьи не могли исполнять министерские функции), но при этом все вместе они составляли и правительство, и законодательный орган государства» [5, с. 37]. Конечно, это закономерно вело к расколу внутри Управляющего Совета, что не могло не сказаться на деятельности этого органа, который зачастую был не в состоянии найти компромиссное решение. Поэтому единственной причиной, временно предотвратившей коллапс системы управления на восставшей территории, являлось то, что реальная власть была сконцентрирована в руках верховного предводителя (князя) Карагеоргия, который согласно Акту 1811-го года оставался ядром принятия властных решений. На практике он, по мнению профессора Новаковича, «...являлся абсолютно независимым при осуществлении властных полномочий и в действительности ни с кем не обязан был советоваться или принимать во внимание чьи-то мнения. Соответственно, Правительство (Управляющий Совет) являлось лишь органом, исполняющим его указы» [5, с. 41].

Анализируя конституционные акты 1808-го и 1811-го годов следует констатировать, что в обоих актах нет и тени от тех конституционных идей, которые были обозначены в проекте Положения об Управляющем совете, составленном Божей Груйовичем в 1805 году. Оба вступивших в силу конституционных акта (1808-го и 1811-го годов) отличает как скудность их содержания, так и авторитарные намерения их учредителей. Однако не следует забывать тот исторический контекст и те сложнейшие общественно-политические условия, в которых принимались эти акты. Поэтому само их принятия имело величайшую ценность для реализации чаяний сербского народа, поскольку эти конституционные акты сыграли важнейшую роль в восстановлении сербской государственности. Посредством их принятия были реально созданы верховные органы власти, без чего управляемость процессов на восставших территориях фактически была бы невозможной. О значении этих актов для дальнейшей, после подавления восстания, борьбы сербского народа за независимость Стоян Новакович выразился следующим образом: «Эти два акта способствовали делу освобождения Сербии и в ходе восстаний и в трудные времена 1815-1830 годов» [5, с. 44]. Таким образом, вполне справедливо считать акты 1808-го и 1811-го годов актами, документально закрепившими возрождение сербской государственности, и в то же время историческим прологом ее дальнейшего конституционного развития.

Список литературы

1. Ратко Марковић. *Уставно право и политичке институције*. Београд. 2013.
2. *Два века српске уставности*. Зборник радова. Београд. 2010.
3. Слободан Јовановић. *Из историје и књижевности*. Београд. 1991.
4. Слободан Јовановић. *Политичке и правне расправе*. Књига прва. Београд. 1932.
5. Стојан Новаковић. *Уставно питање и акони Карађорђева времена, студија о постојању и развићу врховне и средшине власти у Србије 1805-1811*. Београд. 1907.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОСВОЕНИЮ СИСТЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НА ОСНОВЕ ПЕРСОНИФИЦИРОВАННОГО ПОДХОДА К УПРАВЛЕНИЮ ПЕРСОНАЛОМ

Николаев А. А., Верхотурцев С.А.

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

Производственная компания «Вагнер-Екатеринбург», г. Екатеринбург

В статье обосновывается актуальность развития управленческого потенциала руководителя для обеспечения освоения системы непрерывного совершенствования деятельности организации в условиях высоко конкурентной внешней среды. Рассматриваются существующие подходы к определению понятия «управленческий потенциал руководителя», обосновывается авторское определение понятия. Обосновывается и раскрывается комплекс методов и средств для развития управленческого потенциала руководителя организации, подразделения, проектов. В заключении представлены результаты и выводы проведенных исследований.

Ключевые слова: управленческий потенциал руководителя, определение понятия управленческий потенциал руководителя, методы и средства развития управленческого потенциала.

В начале XXI века растущая конкуренция на рынке товаров, услуг, рабочей силы, экономическое, техническое и инновационное отставание России от передовых развитых стран в высоко технологичных отраслях экономики требует от предприятий организацию системы непрерывного совершенствования собственной деятельности, ускоренное освоение инноваций, систематическое повышение производительности и эффективности труда.

Результативность формирования на предприятии системы непрерывного совершенствования деятельности зависит от уровня вовлеченности персонала в эту деятельность.

Очевидно, что формирование на российских предприятиях системы непрерывного совершенствования деятельности невозможно без соответствующего развития системы управления персоналом, персонифицированного вовлечения в процессы совершенствования высококвалифицированных и продуктивных сотрудников. На сегодняшний день в научно-методической литературе представлено множество трудов, посвященных оценке и развитию управленческого потенциала руководителей.

Вопросам совершенствования управления человеческими ресурсами для вовлечения в деятельность организации посвящены труды отечественных и зарубежных ученых М. Армстронга [1], Белкина В.Н. [2], Кибанова А.Я. [5], Хентце, Й. [8], Херцберга Ф., Майнера М. У. [9] и других.

Проблемам персонифицированного управления персоналом посвящены труды Борченко И.Д., Малютиной Е.В. [3], Бочкова Д.В., Лукьяненко О.А. [4], Моксиной С.А., Костроминой Е.А. [6], Никитиной И.М. [7] и других.

На сегодняшний день в экономической литературе понятие «персоналифицированное управление» рассматривается преимущественно по отношению к оплате труда, обучению, отбору и найму персонала.

Вместе с тем, в изученной нами литературе практически не рассматривается персоналифицированный подход к управлению персоналом по отношению к его вовлечению в процессы непрерывного совершенствования деятельности организации.

Это обуславливает высокую научно-практическую актуальность разработки методических рекомендаций по освоению системы непрерывного совершенствования на основе персоналифицированного подхода к управлению персоналом.

Целью исследования является разработка методических рекомендаций по освоению системы непрерывного совершенствования на основе персоналифицированного подхода к управлению персоналом.

Основное содержание исследования

Полученный многолетний опыт развития и освоения методов повышения эффективности деятельности персонала на основе персоналифицированного подхода в производственных компаниях «Айсберг», «Вагнер» позволил разработать методические рекомендации по их применению.

1. Исходным пунктом освоения методологии повышения эффективности деятельности персонала является формирование у руководителя организации (подразделения) интересов, мотивов и мотивации к созданию на предприятии (в подразделении) системы непрерывного совершенствования, а также готовность взять на себя ответственность за ее организацию и развитие.

Несмотря на множество характеристик управленческого потенциала руководителя, свидетельствующих о его готовности осваивать методологию повышения эффективности деятельности персонала на основе персоналифицированного подхода, главными являются:

- ценности, интересы, мотивы и мотивация руководителя к совершенствованию деятельности персонала и организации;
- интерес, мотивация и способность осваивать новые компетенции в области стратегического менеджмента, совершенствования трудовых, производственных процессов;
- способность персоналифицировано вовлекать в процессы совершенствования необходимых руководителей и работников;
- высокий уровень целеустремленности и ответственности руководителя.

2. Вторым этапом освоения методологии повышения эффективности деятельности является разработка стратегии развития предприятия на основе анализа изменения внешней среды предприятия: изменение спроса, уровня конкуренции в отрасли, действий конкурентов и т.д.

В соответствии с разработанной нами концептуальной моделью повышение эффективности деятельности персонала, предприятия целесообразно осуществлять не отдельными мероприятиями, например, по совершенствованию отдельных трудовых, производственных или бизнес-процессов. А в рамках единой цели и стратегии развития

предприятия, стратегических планов, выбранных корпоративной и конкурентной стратегии.

На этапе стратегического планирования руководителю организации рекомендуется привлекать к этой деятельности руководителей, специалистов и других работников, наиболее мотивированных к саморазвитию, освоению новых компетенций, совершенствованию деятельности персонала и предприятия.

Для взаимодействия руководителей с работниками для участия в совершенствовании деятельности организации, подразделения рекомендуется использовать две основные формы:

1. Развивающая аттестация с последующим собеседованием с выбранными работниками, направленная на формирование и усиление интересов, мотивов, стимулов, согласования планов действий, ожидаемых результатов и вознаграждения работников. Рекомендуется для средних и крупных организаций с численностью работников более 50 человек.

2. Персональная оценка и индивидуальные собеседования руководителя организации с руководителями и работниками с целью определения соответствия качеств и формирования мотивации работников к участию в разработке и реализации стратегии развития, непрерывного совершенствования, повышения эффективности деятельности персонала и предприятия. Рекомендуется для малых и микропредприятий с численностью работников менее 50 человек.

Общая схема проведения развивающей аттестации и индивидуального собеседования с работником для формирования мотивации, требуемого типа и уровня организационно-экономических отношений по поводу повышения эффективности деятельности персонала и предприятия представлена на рисунке 1.

В результате проведенной аттестации проводится отбор наиболее подходящих руководителей подразделений, специалистов, исполнителей для участия в разработке стратегии развития, формировании и развитии системы непрерывного совершенствования деятельности персонала и предприятия.

С отобранными работниками руководитель индивидуально согласует цели, задачи, интересы в отношении целей, систему стимулов, алгоритмы решения задач.

При этом задачи условно делятся на два вида:

1. Задачи непосредственно направленные на реализацию стратегии развития предприятия. Например, освоение производства новых видов товаров и услуг.

2. Задачи, направленные на совершенствование трудовой деятельности в своей зоне ответственности каждого руководителя и работника.

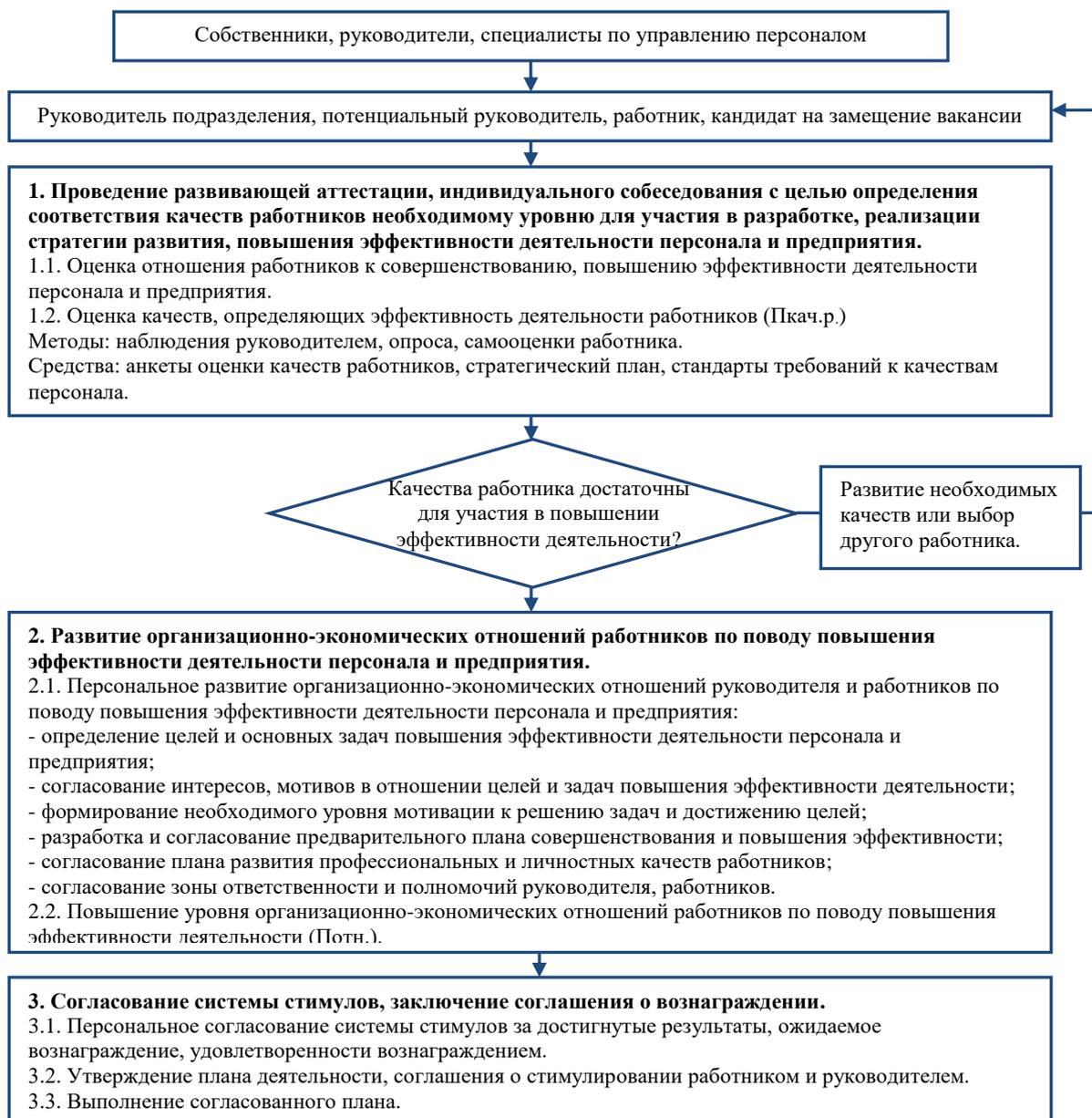

Рисунок 1 – Общая схема проведения развивающей аттестации и развития организационно-экономических отношений между руководителем и работником на основе персонифицированного подхода

Для каждой задачи определяются и согласовываются с руководителями и работниками следующие составляющие элементы:

- наименование задачи;
- алгоритм решения;
- затраты материальных, финансовых, трудовых ресурсов;
- ожидаемые результаты и их форма;
- участники и ответственные;
- вознаграждение с достижением результатов.

Пример индивидуального плана по реализации стратегии развития, совершенствования деятельности предприятия представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Пример индивидуального плана руководителя отдела производства по реализации стратегии развития и совершенствования деятельности

№	Направление задачи	Алгоритм решения	Затраты	Ожидаемые результаты и сроки	Ответственный и участники	Вознаграждение
1	Разработка и освоение технологии производства опреснительных установок	1. Сборка и испытание пилотной установки. 2. Стандартизация технологии производства. 3. Получение сертификатов РМРС.	350-400 т.р. 40-80 чел. часов рабочих-монтажников 60-80 т.р. сертификация	Освоение технологии производства. Выход на новый сегмент рынка. Получение ежегодно от 5 млн.р. доп. Прибыли.	Ответственный – руководитель отдела производства. Участники: руководитель отдела производства, монтажники, электрик.	Премия в размере 10% от маржинальной прибыли в результате реализации проекта, продажи опреснительных установок.
2	Стандартизация, сокращение трудозатрат и затрат материалов на производство систем обратного осмоса, монтажных работ.	1. Описание и декомпозиция процесса на трудовые операции. 2. Проведение хронометражных наблюдений для нормирования и выявления резервов снижения трудозатрат. 3. Совершенствование выполнения трудовых операций, сокращение трудозатрат. 4. Оптимизация себестоимости путем моделирования разных вариантов использования комплектующих.	80-160 чел.- часов руководителя и монтажников.	Сокращение трудозатрат и повышение производительности труда не менее чем на 30%. Снижение себестоимости не менее чем на 10%. Получение ежегодно не менее 400 тыс. дополнительной прибыли.	Ответственный – руководитель отдела производства. Участники: руководитель отдела производства, монтажники.	Премия в размере 10% от полученного экономического эффекта в результате снижения себестоимости пропорционально трудовому вкладу работников.
3	Освоение 3D моделирования проектируемых объектов, производимых и монтируемых систем водоподготовки.	1. Выбор и освоение программного обеспечения для 3D-моделирования объектов. 2. Проектирование и оптимизация конструкции типовых систем водоподготовки в программе 3D-моделирования.	30 т.р. покупка лицензии на использование программы. 80-160 чел.-ч. инженера проектировщика. 40-80 чел.-ч. руководителя отдела производства.	Повышение имиджа организации в представлении покупателей. Оптимизация конструкции и дизайна установок. Возможное снижение себестоимости за счет оптимизации конструкции.	Ответственный – руководитель отдела производства. Участники: руководитель отдела производства, инженер-проектировщик.	Премия в размере 10% от полученного экономического эффекта в результате снижения себестоимости пропорционально трудовому вкладу работников.

Весьма важным в стратегическом планировании, планировании совершенствования деятельности персонала и предприятия является внутреннее согласие персонала с предлагаемыми задачами, мероприятиями по совершенствованию, сроками, затратами, ответственными и другими элементами системы планирования улучшений.

В качестве способа достижения согласованности персонала по всем основным функциям управления: планирования, организации, мотивации, стимулирования и контроля на наш взгляд наиболее эффективным является персонифицированный подход в процессе совещаний, индивидуальных собеседований с работниками. Данный подход позволяет выявить причины несогласий, попытаться изменить отношение, позицию несогласных руководителей и работников или по противоречивым вопросам найти приемлемый компромисс.

Результаты и выводы

Применение разработанных рекомендаций в течение 2016-2021 г.г. позволило получить следующие результаты:

1. В результате реализации мероприятий по повышению эффективности производственных процессов компании «Айсберг» на основе персонифицированного подхода к управлению руководителями и работниками годовой экономический эффект составил не менее 4,2 млн. руб. Годовой показатель выручки на одного сотрудника повысился с 912 тыс. руб. в 2017 году до 2860 тыс. руб. в 2020 году. Средний уровень заработной платы по предприятию повысился с 38 тыс. руб. в 2017 году до 82,2 тыс. руб. в 2021 году. На предприятии была создана система непрерывного совершенствования деятельности с вовлечением в нее всех заинтересованных в саморазвитии и повышении личного благосостояния работников.

2. В результате освоения методологии повышения эффективности деятельности персонала на основе персонифицированного подхода в компании «Вагнер» была создана система персонифицированного управления персоналом, развития управленческого потенциала руководителей, а также система непрерывного совершенствования и развития предприятия. В результате реализации стратегии развития и освоения методологии средний уровень заработной платы повысился с 42 тыс. руб. в 2016 году до 111 тыс. руб. в 2021 году. За это время в 3,2 раза повысилась выручка компании, рентабельность затрат благодаря систематическому снижению себестоимости и повышению потребительской ценности производимых товаров и услуг повысилась в среднем с 20-30% до уровня 40-50%.

Список литературы

1. Армстронг М., *Практика управления человеческими ресурсами.* - 10 - е изд. (пер. с англ.); под ред. С. К. Мордовика. М. Армстронг - СПб.: Питер, 2010. - 842 с.
2. Белкин В.Н. *Теория человеческого капитала предприятия.* – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. – 400 с.
3. Борченко И. Д., Малютин Е. В. *Персонифицированная программа повышения квалификации как эффективный инструмент адресной поддержки педагогов в преодолении их профессиональных затруднений/ И.Д. Борченко, Е.В. Малютин // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2018. №. 2 (35). - С. 57-61.*
4. Бочков Д. В., Лукьяненко О. А. *Персонифицированная модель профессиональной подготовки преподавателей СПО как механизм персонификации финансовых ресурсов по кадрам/ Д.В. Бочков, О.А. Лукьяненко // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Сельскохозяйственные науки. Экономические науки». – 2019. – Т. 5. – №. 4 (20).*
5. Кибанов А.Я. *Управление персоналом организации: Учебник/Под. ред. А.Я. Кибанова. – 4-е изд., доп. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 695 с.*
6. Моксина С.А., Костромина Е.А. *Персоналистский подход к построению мотивации персонала /С.А. Моксина, Е.А. Костромина // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. - 2009. № 21. - С. 255-263.*

7. Никитина И. М. Персонифицированная программа как инструмент профессионального образования /И.М. Никитина // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2009. – №. 1.

8. Хентце, Й. Теория управления кадрами в рыночной экономике / Й. Хентце. – М. : Международные отношения, 2007. – 664 с.

9. Херцберг Ф., Майнер М. У. Побуждение к труду и производственная мотивация / Ф. Херцберг, М. Майнер // Социологические исследования. - 1990. № 1. - С. 127.

СУХОПУТНЫЕ ПУТИ СООБЩЕНИЯ В ПЕРИОД ЦАРСТВОВАНИЯ НИКОЛАЯ I (1825 – 1855)

Балашова-Сукач Я.А.

Донбасский государственный технический институт, Алчевск

В статье отражены динамика, предпосылки и проблемы развития сухопутного дорожного строительства в России, начиная с XVI века, до первой четверти XIX столетия. Приведены результаты комплексного исторического исследования развития сухопутных путей сообщения в период царствования Николая I (1825 – 1855 гг.) с акцентом на дорожное строительство для создания более полной картины прогрессивных достижений того времени по этому направлению.

Ключевые слова: сухопутные пути сообщения, почтовые тракты, шоссейные дороги.

The article reflects the dynamics, prerequisites and problems of the development of overland road construction in Russia, from the 16th century to the first quarter of the 19th century. The results of a comprehensive historical study of the development of land routes during the reign of Nicholas I (1825 – 1855) with an emphasis on road construction to create a more complete picture of the progressive achievements of that time in this direction are presented.

Key words: land routes, post routes, highways.

Сухопутные пути сообщения – это жизненно необходимые «артерии» любого государства, которые способствуют его полноценному и процветающему развитию.

Прогрессивное строительство сухопутных путей сообщения имеет колоссальное значение для России и неотъемлемо связано с ее историческими, экономическими, политическими, социальными и культурными достижениями.

Целью данной статьи является комплексное историческое исследование развития сухопутных путей сообщения в период царствования Николая I (1825 – 1855 гг.) с акцентом на дорожное строительство и создание более полной картины прогрессивных достижений того времени по этому направлению.

Для того чтобы объективно судить о сухопутных путях сообщения в России в период царствования Николая I (1825 – 1855 гг.) необходимо, прежде всего, рассмотреть динамику развития этого направления до его прихода к власти.

Первая примитивная сеть сухопутных путей сообщения в России, называемых трактами, появилась еще в XVI веке, как только Москва стала столицей и в ее основные функции входило перемещение информации и людей, а вот перевозка грузов была сезонной, так как тракты того времени представляли собой утрамбованные грунтовые тропы, которые в дождливые периоды превращались в непролазную грязь. Удобное географическое положение столицы способствовало устройству сети дорог по радиальному принципу с различными видами переправ через водные сообщения с волоками, которые помогали переходить из одной системы рек и водотоков в другую.

Предпосылками для развития такой сухопутно-водной сети стало интенсивное развитие сельского хозяйства, промыслов, ремесел и, как следствие, товарно-денежных отношений не только внутри государства, а и со странами Европы и Азии. Но, не смотря на необходимость развития и положительные функции дорожных трактов, они имели второстепенное значение по отношению к водным путям сообщения. С экономической точки зрения использование трактов было не целесообразным из-за большой стоимости конских кормов, очень длительных сроков перевозки грузов и участия в этом процессе огромного количества лошадей и людей, что в дальнейшем не могло не сказаться на конечной стоимости товара. Вопрос бездорожья в масштабах всего государства стоял очень остро.

В 1712 году после преобразования Петром I Петербурга в столицу, возникла необходимость сооружения новых водных и сухопутных путей сообщения с Москвой и крупными городами на Волге. Поэтому в этот же период император принимает решение о строительстве гужевой дороги (столичного тракта) по прямому кратчайшему направлению Москва – Петербург, которая должна была служить для перевозки хлеба всесезонно. Дело это было очень затратным и императору пришлось обложить жителей, проживающих на пять верст по двум сторонам дороги, натуральной повинностью. Мосты по направлению тракта предполагалось строить на государственные деньги. Строительство велось в сложных геологических условиях по заболоченной местности слишком медленными темпами. Для его стимуляции была создана специальная Канцелярия, разработавшая положение «К устройению дороги и мостов от Москвы до Петербурга». В нем было прописано, как необходимо строить сухопутные дороги «с крайним радением, ища того, как бы в казне было безубыточно, а в проезде способнее... и впредь прочно» [1]. Строительство дороги между Москвой и Петербургом продолжалось 34 года, но на каждом новом этапе ее устройства применялись все более прогрессивные технологии выполнения дорожного покрытия, соответствующие своему времени. Так, важным является тот факт, что в годы правления Анны Иоанновны (1730 – 1740 гг.) были разработаны первые «правила построения дорог и мощения фашинами и бревнами» [2], на основании которых было продолжено строительство тракта передовым для того времени фашинным способом на болотистых участках тракта по ходу строительства. Этот способ заключался в укладке фашин (вязанки прутьев) в котлованы глубиной несколько метров и пересыпке их землей слоями до достижения поверхности земли с последующей укладкой бревенчатого помоста с небольшим количеством песка. Уже при императрице Елизавете Петровне в 1742 году был введен в эксплуатацию участок тракта, называемый «Большая перспектива» из Петербурга в Чудово с заходом в Новгород, где связывался с Большой Московской дорогой. А в 1746 году строительство было завершено с ответвлениями в Ржев, Волоколамск и Старую Руссу. По началу дорога была еще плохо утрамбована, раскисала в ненастную погоду, имела много ухабов и рытвин и доставляла огромные неудобства путешественникам.

В середине XVIII века начинают зарождаться капиталистические отношения в России. Интенсивный рост мануфактурного производства, развитие промышленности,

рост городов и численности населения, увеличение экспорта и импорта товаров и сырья приводили к обострению проблем с перевозками грузов и необходимости дальнейшего строительства и усовершенствования водных и сухопутных путей сообщения. В этот период времени большее развитие получили именно водные пути сообщения как более выгодные и не требующие больших затрат на строительство и содержание с экономической точки зрения, а сухопутные были отодвинуты на второй план.

К концу XVIII века в России действовала сеть дорог, ядром которой была Москва. В Западном направлении сеть трактов имела значительную плотность, а в восточном – по факту действовал только Московско-Сибирский тракт. Несмотря на острую необходимость и потребность в улучшении сухопутных путей сообщения, технологии дорожного строительства вплоть до первой четверти XIX века были очень ограниченными. По-прежнему основным способом строительства оставалось осушение дороги и укрепление ее материалами из дерева.

Тракт Москва – Петербург имел общегосударственное значение и оставался лучшим в России еще со времен Петра I, но о комфортной езде по нему говорить не приходилось. История нам оставила большое количество письменных свидетельств иностранцев о путешествиях по ней. Один из них так описывал свои впечатления от поездки: «До чего трудны и узки здешние дороги. Все они покрыты водой. Непролазная грязь... Дорогу часто заслоняют упавшие деревья, которые столь велики, что никто не в силах их разрубить или отнять прочь... Когда подъезжала повозка, то колеса приходилось поднимать на эти деревья... Повозка падала с такой силой, что у нас в животе разрывались внутренности» [3].

В своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву» Александр Радищев писал: «Поехавши из Петербурга, я воображал себе, что дорога была наилучшая. Таковую ее почитали все те, которые ездили по ней в след Государя. Такова она была действительно, но на малое время. Земля, насыпанная на дороге, сделав ее гладкою в сухое время, дождями разжиженная, произвела великую грязь среди лета и сделала ее непроходимую» [1]. По словам того же Радищева, участки дороги, построенные фашинным способом, были не лучше: «Бревешками вымощенная дорога замучила мои бока; я вылез из кибитки и пошел пешком...» [1].

В годы правления Александра I (1801 – 1825 гг.) строительство дорог было незначительным. Несколько крупных проектов по строительству шоссе были начаты, но закончены только при Николае I. Зато при содействии государя в России были построены первые «мосты с деревянными арочными фермами и с металлическими фермами: арочными – чугунными и цепными – железными» [2].

Анализируя историю развития сухопутных дорожных путей сообщения, мы видим, что в этом направлении, начиная с XVI века и до первой четверти XIX века, особое внимание уделялось только дорогам общегосударственного значения, а вот вопрос о качестве и развитии достойной сети дорог иного назначения в пределах огромных границ всей России решен не был. Это происходило из-за дороговизны строительства и содержания таких путей, а также из-за нехватки соответствующей

литературы с подробным описанием новейших прогрессивных технологий и отсутствия нормативной базы.

Россия в период правления Николая I (1825 – 1855 гг.) взяла курс на индустриализацию, благодаря его протекционистской политике. Это привело к развитию конкурентоспособной прогрессивной промышленности и, как следствие, к росту производительности труда. Остро стал вопрос о разработке новых и завершении, начатых еще при Александре I, строительных проектов дорог и мостов.

Царствование Николая I в области сухопутных путей сообщения было связано со строительством первых шоссе с твердым покрытием совместно со многими искусственными сооружениями; с устройством первого электромагнитного телеграфа в 1841 году между Зимним Дворцом и Главным Управлением Путиями Сообщения; с началом сооружения железных дорог в России; с дальнейшим строительством металлических арочных и цепных мостов, впервые воплощенных в жизнь еще при Александре I; с появлением новых систем деревянных и металлических мостовых ферм и новых технологий производства строительных работ.

Николай I по первоочередному праву наследия не должен был стать императором, но судьба распорядилась иначе. Его готовили к карьере «будущего бригадного генерала» [4], поэтому он получил общее несистематизированное и поверхностное образование. О своем обучении будущий император говорил: «В учении видел одно принуждение и учился без охоты» [5], но, тем не менее, он блестяще освоил математику, артиллерию, инженерную науку и тактику, архитектурное искусство. Все это в дальнейшем выработало у Николая I особую любовь к военному и строительному делу. Его современники отмечали, что государь «всегда входил во все технические подробности производства работ и поражал всех меткостью своих замечаний и верностью глаза» [6].

Император как грамотный инженер осознавал важность строительства и совершенствования сухопутных путей сообщения, так как рост производства и расширение границ внешней и внутренней торговли вызывали проблемы с транзитом товаров и сырья.

За весь период правления Николая I была построена почти половина всей сети шоссе с твердым покрытием, спроектированных до 1917 года в России. В 1826 году закончилось строительство Симферопольско-Алуштинской шоссе с твердым покрытием, по факту почтового тракта, которое было начато еще во времена царствования Александра I и продолжалось около двух лет. Эта дорога имела большое значение для развития хозяйственных связей с южным берегом Крыма. Её строительством занимались такие известные личности как граф Михаил Семенович Воронцов, Таврический губернатор Дмитрий Васильевич Нарышкин и инженер Петр Васильевич Шипилов.

В 1834 году, после выполнения твердого щебеночного покрытия по методу шотландского инженера Джона Мак-Адама, который заключался в насыпке и укладке нескольких слоев щебня крупных и мелких фракций выше поверхности земли на песчаном основании с последующим уплотнением чугунным катком, который тянули лошади, было введено в эксплуатацию Московское шоссе. Его строительство берет

свое начало еще со времен Петра I. При Александре I в 1817 году было начато устройство дороги от Петербурга к Чудову, а в 1823 году – от Москвы к Клину. При проведении работ, за счет спрямления нескольких участков дороги, ее длина была сокращена приблизительно до 680 верст, а ширина проезжей части составляла в среднем от 8 до 9 метров, что привело к увеличению пропускной способности шоссе. С 1836 по 1855 г. строительство Петербургско-Московской дороги продолжилось, и к завершению ее длина была увеличена почти на 4896 верст. Это шоссе стало первым в центральной России, построенным с твердым покрытием дорожного полотна. В процессе его сооружения был накоплен огромный опыт и заложены основы проектирования и строительства шоссейных дорог в России, которые позволили в 1833 году разработать первый нормативный документ «Основные правила об устройстве и содержании дорог в государстве». В нем был приведен перечень, планируемых к постройке шоссе, и, впервые в России, разработана классификация дорог по назначению. Этот документ позволил значительно расширить сеть шоссейных дорог по всей империи.

В период времени 1819 – 1834 гг. было построено шоссе Привислянского края длиной 2054 версты с целью развития там инфраструктуры. С 1830 по 1840 г. проводилось строительство первой части Петербургско-Варшавской шоссейной дороги с гравийным покрытием и мостами из камня между Петербургом и крепостью Динабург. В 1837 году было введено в строй продолжение Симферопольско-Алуштинского шоссе между Алуштой и Ялтой (южный берег Крыма). Прокладка Петербургско-Варшавского и Симферопольского шоссе связала богатые Крымские и Малороссийские земли с Москвой и Петербургом и в будущем способствовала интенсивному экономическому развитию Подольского края. По этим дорогам круглые сутки перевозили товары первой необходимости.

1849 год ознаменовался вводом в эксплуатацию самого крупного шоссе общегосударственного значения в России с твердым покрытием длиной около 999 верст, строительство которого началось в 1840 году между Москвой, минуя крепость Бобруйск, и крепостью Брест-Литовск, где оно связывалось с Варшаво-Брестским шоссе. Основной задачей инженеров тех времен была привязка дороги к максимальному числу населенных пунктов. Ее устройство было достаточно сложным и объемным в основном из-за улучшения качества перемещения по нему гужевого транспорта.

Высококачественное для того времени шоссе с искусственным покрытием из щебня и поперечным профилем, спроектированным по общему профилю, утвержденному нормативными государственными документами, длиной около 380 верст было проложено с 1839 по 1845 г. между Москвой и Нижним Новгородом. Оно соединяло три промышленных центра России: Москву, Владимир и Нижний Новгород. Имело огромное значение для развития торговли всего государства. Из Москвы в Ярославль в 1845 году была проложена Ярославская шоссейная дорога с каменным покрытием. Она играла существенную роль для развития промышленности. По ее направлению интенсивно строились ремесленные заводы и различные фабрики. За

период 1837 – 1848 гг. был воплощен в жизнь крупный и сложнейший проект по удлинению на 82 версты Алуштинско-Ялтинской дороги с твердым дорожным покрытием по гористой оползневой местности до Севастополя. Шоссе больше походило на серпантин и, в то время, было единственным транспортным сообщением между Ялтой и Севастополем. В 1849 году было завершено строительство Новгород-Псковской шоссейной дороги, в которую соединилось два главных шоссе Московское и Динабургское, располагавшиеся от Петербурга южнее Новгорода в центр России. К 1843 году было достроено Старорусское шоссе длиной 44 версты от Шимска до Старой Руссы, которое взяло свое начало приблизительно от середины Новгород-Псковского шоссе.

Из далеко неполного перечня введенных в строй шоссейных дорог с твердым покрытием, представленного в статье, видно, что строительство шоссе при Николае I продолжалось очень активно и его пик пришелся на сороковые годы XIX столетия. Следует отметить, что развитие такой расширенной сети дорог имело колоссальное значение не только для развития инфраструктуры важных районов государства, промышленности, сельского хозяйства, внутренней и внешней торговли, но и для развития материальной культуры России и общества в целом.

Список литературы

1. *История железнодорожного транспорта России [Текст] / Г.М. Фадеев, С.В. Амелин, Ф.К. Бернгард и др.; под общей ред. Е.Я. Красковского, М.М. Уздина. – СПб.: АООТ "Иван Федоров", 1994. – Т. I: 1836-1917 гг. – 336 с.*
2. *Николаи, Л.Ф. Краткие исторические данные о развитии мостового дела в России [Текст] / Л.Ф. Николаи. – СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1898. – 117 с.*
3. *Цветков, С.Э. Из истории «главной дороги» России (Москва–Петербург) [Электронный ресурс] / С.Э. Цветков // LIVEJOURNAL. Режим доступа – <https://sergeytsvetkov.livejournal.com/421467.html>. Дата обращения 15.10.2021.*
4. *Из дневника П.Г. Дивова [Текст] // Русская старина. – 1897. – № 3. – С. 482.*
5. *Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи [Текст] / Подгот. к печати Б.Е. Сыроечковский. – М.; Л.: Гос. изд-во (Тип. Печатный двор), 1926. – С. 11.*
6. *Рассказы генерал-лейтенанта Е.А. Егорова [Текст] // Русская старина. – 1886. – № 2. – С. 415.*

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Буранок С.О., Селифонтова Д.Ю.

*Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара,
Россия*

*Работа подготовлена в рамках проекта № 073-00065-21-01 от 14.07.2021
государственного задания Министерство просвещения РФ.*

Особенности формирования гражданской идентичности в образовательном процессе традиционно привлекают внимание исследователей. Научный интерес к определению специфике подходов и методов формирования данной категории прослеживается как на школьном уровне, так и на средне специальном и вузовском. Особого внимания исследователей удостоились такие предметы как история и обществознание.

Ключевые слова: Образование, гражданская идентичность, история, педагогика.

На современном этапе развития историографии и методики преподавания обозначенных предметов постановка новых проблем исследования поможет подробнее осветить значение и роль существующих подходов к формированию гражданской идентичности и обосновать новые подходы, соответствующие современным государственным и педагогическим задачам [1]. Постановка новых тем и вопросов в рамках этой обширной темы поможет более предметно и целенаправленно подойти к процессу формирования гражданской идентичности как у учащихся, так и у педагогов, причём и на уровне общего среднего образования, и на уровне высшего и дополнительного образования [2].

Кроме того, анализ методики преподавания истории и обществознания в контексте формирования гражданской идентичности поможет определить связь научных разработок с практикой манипулирования историей, исторической памятью, образами прошлого. Это напрямую связано с необходимостью обеспечения национальных интересов России на международной арене, что предполагает формулирование практических решений на глобальные вызовы современности, одним из которых является информационная война [3]. Важность изучения манипулятивных технологий зафиксирована в таких документах, как «Доктрина информационной безопасности» (2016), «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (2014), «Историко-культурный стандарт» [4]. Анализ методов манипулирования исторической памятью, массовым сознанием при помощи истории поможет разработать новые стратегии в области формирования позитивного образа России и поможет разработать новые подходы к формированию гражданской идентичности. В этом контексте главной теоретической проблемой для воспитания будущих учителей истории видится формирование умений и навыков, необходимых для воспитания школьников не просто с выраженной гражданской

позицией, но и способных противостоять манипулятивным информационным технологиям [5].

Следовательно, можно заключить, что создание и апробация новых подходов к формированию гражданской идентичности – это одна из моделей поиска решения на глобальный вызов современности. И решить данный вызов предстоит именно с помощью образовательных технологий. Однако, важнейшим, первоначальным этапом такого исследования должен быть поиск ответов на теоретико-методологические проблем формирования гражданской идентичности.

Проблема целенаправленного формирования гражданской идентичности в России относительно недавно попала в исследовательский фокус учёных-педагогов. В основе гражданской идентичности лежит идентификация с обществом, государством и страной. Гражданство ассоциируется с государством, гражданственность – с Родиной, Отечеством и с патриотизмом [1, с. 112]. Еще исследователем Дж. Тернером было выдвинуто предположение существования «психологической группы», которая понимается как «скопление людей, разделяющих одну и ту же социальную идентификацию или определяющих себя в терминах принадлежности к одной и той же социальной категории» [2, с. 9]. Во многом такое определение может относиться и к гражданам одной страны, которые идентифицируют себя частью этой страны.

Чтобы сформировать гражданскую идентичность у молодого поколения необходимо обратиться к исследованиям, которые предлагают различные подходы к изучению данной проблемы. Ее сложность и многогранность нуждается в применении программно-целевого подхода, призванного укрепить основы и систематизировать методы долгосрочного процесса формирования гражданской идентичности и толерантного сознания российской молодежи [3, с. 61]. Имеются в виду специальные последовательные программы в долгосрочной перспективе, которые будут сосредоточены исключительно на формировании гражданской идентичности молодежи на государственном уровне, вместо бессистемных и точечных мероприятий. На данном этапе уже существуют различные государственные проекты, например федеральная целевая программа, утвержденная правительством РФ «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», основной целью и задачами которой являются содействие укреплению гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений, а также поддержание этнокультурного многообразия народов России [3, с. 62].

В 2014 году вышло распоряжение правительства РФ, утверждающее документ “Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года”, одно из основных положений которого включает в себя выработку в молодежной среде приоритета национально-государственной идентичности [5, с. 4], что по значению равноценно гражданской идентичности. Исходя из официального документа, целью распоряжения является системная поддержка программ и проектов, направленных на формирование активной гражданской позиции молодых граждан, национально-государственной идентичности [4, с. 7]. Один из таких поддерживаемых проектов представляет собой проект исторических парков “Россия - моя история”,

который был создан при поддержке администрации Президента и Министерства культуры РФ. Его цели заключаются в развитии в обществе высокой социальной активности, гражданской ответственности, духовности; становление граждан, обладающих позитивными ценностями и качествами, идентифицирующих себя с Россией, ее историей и культурой [5, с. 90].

Одним из важнейших факторов, которые выделяют ученые в подходе к приведенной проблеме, является преподаватель, как один из главных субъектов воспитательного процесса. Нельзя говорить о воспитании в учащихся гражданской идентичности, не сказав о тех, кто должен его в них воспитывать. Воспитание патриотической позиции ученика требуют от педагогов знаний отечественной истории и культуры, профессионализма в умении применять разнообразные формы и методы воспитательной работы. [6, с. 41]. Таким образом, наличие у преподавателей четкого представления целей и задач по воспитанию в учениках гражданской идентичности, соответствующие знания и навыки, способствуют эффективному достижению результата [7, с. 157].

По мнению ряда исследователей в структуре идентичности следует выделять три основных компонента – когнитивный (знания о принадлежности к гражданам того или иного государства) эмоциональный (принятие или непринятие своей принадлежности) и ценностный (отношение к факту принадлежности). В содержание когнитивного компонента входит формирование историко-географического образа страны [8, с. 16].

Также существует множество отрицательных факторов, которые, по мнению российских социологов, порождают кризис гражданской идентичности. В быстро меняющемся мире, современному человеку трудно четко идентифицировать себя с чем-то постоянным, ввиду отсутствия определенности. Кризису гражданской идентичности способствует характер современного общества. Британский социолог З. Бауман определяет его как индивидуализированное. Для такого общества характерны: разрыв прежде устойчивых социальных связей, замкнутость человека на самом себе, безразличие к другому человеку, ослабление межличностных отношений [9, с. 89]. Чтобы сформировать гражданскую идентичность, необходимо преодолеть этот барьер современного общества еще на раннем этапе. Если изначально заложить идею необходимости человека быть частью социума, собственного государства и показать значимость даже одного индивидуума для общества, то уже в зрелом возрасте, сами люди будут способствовать социальному укреплению и взаимодействию между собой, что и является важным условием для развития гражданской идентичности.

Таким образом, формирование гражданской идентичности происходит посредством не только внешнего воздействия, но и внутренних процессов самого общества. Оно начинается с высшей государственной власти, направляющей политику государства на укрепление общероссийского гражданского самосознания, и заканчивается ориентированностью современного человека на социальные связи, на жизнь в обществе и участие в жизни страны. Следовательно, можно подчеркнуть, что разработка новой концепции формирования гражданской идентичности в

образовательном процессе – важная и актуальная научно-педагогическая задача для современной высшей и средней школы.

Список литературы:

1. Шикова, Р. Ю. Гражданская общероссийская идентичность (социологический аспект) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. №1. С. 111-116.

2. Блэйк, Э., Фрэд, М. Теория социальной идентичности в контексте организации. Организационная психология. 2012 Т. 2 №1. С. 4–27.

3. Еремина, Е. В., Ретинская, В. Н. Гражданская идентичность молодежи как приоритетное направление государственной политики // Власть. 2014. №4. С. 59-62.

4. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. 29 ноября 2014 г. № 2403-р. [Электронный ресурс] URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (Дата обращения: 13.03.2021).

5. Давыдова, М. Ю., Дьякова, М. Г. Исторические парки "Россия - моя история" в образовательном процессе вуза // Известия ВГПУ. 2019. №5 (138). С. 90–94.

6. Вяземский, Е. Е. Воспитание общероссийской гражданской идентичности, как центральная проблема в дополнительном профессиональном образовании учителей истории // Повышение квалификация педагогических кадров в изменяющемся образовании. 2017. С. 37-42.

7. Коряковцева, О. А., Бугайчук Т. В. Гражданская идентичность преподавателей вуза и их представление о студенте-гражданине // Ярославский педагогический вестник. 2014. №3. С. 153–159.

8. Атясова, Н. Ю. Гражданская идентичность и образ станы: взаимосвязь феноменов на уровне структуры // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2015. №3-2. С. 15–20.

9. Семенова Ю.А. Кризис гражданской идентичности в условиях трансформации современного общества // Вестник ОГУ. 2010. № 7(113). С. 87–92.

FORMATION OF CIVIL IDENTITY IN THE MODERN EDUCATIONAL PROCESS

Features of formation of civic identity in the educational process traditionally been riveting the attention of researchers. Scientific interest in determining the specifics of the approaches and methods of forming this category can be traced both at the school level and at the secondary special and university levels. The researchers paid special attention to such subjects as history and social studies.

Keywords: Education, civic identity, history, pedagogy.

ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: «ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ» ИСТОРИИ И ИХ ОСМЫСЛЕНИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Варакса А.Н.

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск

Вторая мировая война, оккупация Франции, Сопротивление и коллаборационизм являются непростыми темами для новейшей французской истории. В данной статье предпринята попытка исследовать феномен коллаборационизма, опираясь на произведения французских авторов, затрагивающих эту проблему.

Ключевые слова: Франция, французская литература, Вторая мировая война, оккупация, коллаборационизм.

The theme of the World War II, the Nazi occupation of France, resistance to the occupation regime, and collaborationism are difficult questions for modern French history. This article reveals a psychological portrait of collaborationism and its understanding in the works of famous French writers.

Key words: France, French literature, World War II, occupation, collaborationism.

Избранная нами тема, несмотря на то, что за послевоенный период во Франции было снято немало фильмов и создано художественных произведений, далеко не исчерпана. Реальное участие Франции во Второй мировой войне было недолгим. 14 июня 1940 года колонны германской армии прошли торжественным маршем по Елисейским полям, а через два дня правительство Французской республики во главе П. Рейно подало в отставку, предложив президенту Французской республики Леброну утвердить главой нового правительства маршала Анри Петена. 22 июня 1940 года в Компьенском лесу Петеном от имени Франции было подписано перемирие, на деле означавшее капитуляцию Франции. Через две недели Национальное собрание приняло закон, дававший полномочия А. Петену принять новую конституцию, упразднив парламентскую систему Третьей республики. На встрече А. Петена с А. Гитлером 24 октября 1940 года в Монтуаре была провозглашена политика «сотрудничества» между Национальной Францией во главе с маршалом Петеном и нацистской Германией. Французы в большинстве своем были растеряны и подавлены случившимся, лишь немногие нашли в себе силы продолжить борьбу в рядах Сопротивления.

Оккупационные власти со своей стороны делали все возможное для того, чтобы облегчить потомкам «гордых галлов» бремя оккупации, сделать ее более комфортной. Культурная жизнь в оккупированном Париже продолжалась и днем, и ночью. Как и прежде функционируют бега, поет Эдит Пиаф, Шарль Трене, выступают Мистингет, Морис Шевалье. Звучит музыка Моцарта в театре Лувр и в Пале-Рояле. В Опере идут «Похищение из Сераля», «Тристан и Изольда» Вагнера. Из Германии приезжает Герберт фон Карян, которого с восторгом встречает парижская публика [3, с. 65].

«Основная идея петенизма, моментально завладевшая умами масс в период 1940-1944 гг. была в том, что после невзгод «странной войны» только маршал может защитить французов от самых губительных проявлений мировой войны». По его словам, «французы довольно спокойно перенесли войну». «... В самую тяжкую пору немецкой оккупации, «французы» - это, скорее, горстка участников Сопротивления, это меньшинство... все прочие – в основной своей массе – петенисты... угодливые, боязливые прислужники нацистской Германии, - такой суровый вердикт выносит философ Ален Бадью. [1, с. 17–21].

Тема коллаборационизма для французской литературы не нова, достаточно вспомнить известную новеллу Ги де Мопассана «Пышка» [5], сюжет которой взят из другой войны – Франко-прусской (1870–1871 гг.) - тоже не очень удачной для Франции. В ней Мопассан блестяще показал нравы французского буржуазного общества времен Наполеона III, готового не только смириться с вражеской оккупацией во имя личного комфорта и благополучия, но и встать против тех морально-этических принципов, которыми еще недавно, казалось, дорожили французы. «Другая Франция» в лице Пышки оказалась в явном меньшинстве, что не могло не удручать писателя, который искренне сочувствует своей героине и негодует поведением своих соотечественников.

После освобождения в 1944 году от немецкой оккупации французское общество хотело скорее забыть недавний позор, быстрее перевернуть эту страницу своей истории. На этом фоне стал создаваться культ де Голля, общенационального лидера. Свою роль в создании мифа о не сломленной врагом Франции внесли кинематограф и литература послевоенного времени, старательно формируя миф о Сопротивлении. Однако недосказанность и полуправда продолжали лежать тяжелым грузом в общественном сознании.

В 1960-е годы тогда еще начинающим, а ныне известным писателем Патриком Модиано, лауреатом Нобелевской премии, были написаны на тему оккупации романы: «Площадь звезды», «Ночной обход», «Кольцо бульваров», в которых также просматривается «новый взгляд» на события того времени. Свой роман «Площадь звезды» П. Модиано определил, как о «дне вчерашнем», о «тревожном и постыдном времени оккупации». Спустя несколько десятилетий, в 1997 году, вышел еще один роман писателя тоже о временах оккупации – «Дора Брюдер». Тема оккупации очень близка П. Модиано, хотя сам писатель родился в 1945 году. По словам П. Модиано, его «интересует не сама оккупация», а ее «смутная атмосфера», напоминающая то, что происходит сегодня». Через осмысление темы войны и оккупации П. Модиано пытается понять послевоенное поколение французов, поднять проблему общечеловеческих ценностей, заметно девальвированных.

В романе Филиппа Эриа «Золотая решетка» показана жизнь обычной буржуазной семьи, не связанной ни Сопротивлением, ни с оккупационным режимом, которую волнуют, в первую очередь, свои проблемы. Агнесса, так зовут героиню романа, живет на юге Франции в так называемой «не оккупированной зоне» в маленьком городке. Незадолго до освобождения Парижа войсками англо-

американских союзников она приезжает в Париж, чтобы решить дела, связанные с наследством. Роман Ф. Эриа оставляет непростые чувства. Радость освобождения в этом произведении неразрывно связана с горечью от того, что происходит после. Когда вчерашние коллаборационисты в один час становятся патриотами, а об истинных патриотах уже мало кто вспоминает, они остаются в тени.

Писатель так описывает недавно «освобожденный» Париж, представший перед глазами главной героини: «...Роскошный отель близ площади Этуаль, так же как знаменитый ресторан – услада многих поколений, так же как некий салон на Ля Мюэт или в Фобур-Сен-Жермен, только что очищенные от немецких зеленых мундиров, вдруг увидели в рамке входных дверей дельцов, адвокатов, сочинителей драм или киносценаристов, попрошаек и холуев, которые, удрав из Франции задолго до всякой опасности с чадами и домочадцами, целых четыре года укрывались в канцеляриях – кто в Алжире, кто в Лондоне или в Нью-Йорке – и вдруг возвратились в военной форме цвета хаки с нашивками или без нашивок, но уж непременно со всякими значками и ленточками, с высоко поднятой головой, пронзительным и прямо-таки инквизиторским взором, с карманами, набитыми рассыпным кофе... Их чествовали – и, конечно, куда больше, чем офицеров и солдат Второй бронетанковой дивизии, которые, пройдя через Париж и соединившись с Седьмой американской армией, сражались тогда в Бургундии» [7, с. 252–253].

Все это глубоко возмущает Агнессу, заставляет ее покинуть Париж и вернуться домой. Там она навещает дом своей погибшей подруги, участницы Сопротивления, с которой ее связывало многое в той еще довоенной жизни. Подругу Агнессы зовут Мано, «кем-то, скорее всего, из «своих» она была выдана вишистской полиции, отправлена в Равенсбрюк, где и погибла». «Дух» Мано, давно покинувший ее дом, все же еще чем-то напоминает о своей прежней хозяйке. На полу разоренной квартиры лежат разбросанные кем-то книги, книжного шкафа уже нет, как и многих других вещей, которые раньше были так знакомы Агнессе, когда она бывала здесь. Героиня романа задается вопросом, когда произошло это разграбление, и кто его начал? «Может быть, расхищение началось тотчас же после ареста Мано, когда она была еще жива, когда дышала в Равенсбрюке... Кто делил ризы, оставшиеся после погибшей? Товарищи по Сопротивлению? Или вишистская полиция?» [7, с. 273].

По жанру роман писательницы Эльзы Триоле «Анна-Мария» – фантасмогория, но по духу и настроению автора во многом созвучен с романом Ф. Эриа, повествование в котором также ведется от лица женщины.

«Подпольная деятельность связана с частой переменой мест, и тут большую роль играли те, кого я называла «укрывателями». Одни «укрыватели» шли на риск добровольно из чувства долга, другие, главным образом те, что сдавали комнаты за деньги, даже не подозревали какой «динамит» прячут под своей крышей. Существовали еще и «укрыватели» по принуждению. Подобные «укрыватели» встречались не так уж редко. Не предатели, но эгоисты или трусы, а иногда то и другое вместе». Они, как правило, встречали Вас «с кислой миной» и говорили: «У нас нет лишних простынь, горничная ненадежна, в доме – ни одного ячменного зернышка,

чтобы приготовить вам утром чашку кофе, и, пожалуйста, не зажигайте электричества – в последний раз мы заплатили огромный штраф, могут выключить свет, а, главное, не вздумайте появляться вторично, мы ожидаем родственников, и для вас не найдется места...» [6, с. 116–117].

В жизни двух женщин – писательницы и ее героини – много общего, во многом роман можно считать автобиографичным. Обе были участницами Сопротивления, которое вело борьбу против оккупационного режима. Освобождение Франции и возвращение героини романа в Париж не приносят ей ожидаемой радости. Встречи Аними с некоторыми бывшими знакомыми по довоенной жизни еще более отдаляют ее от прошлого. «Париж страшен. Будто его съела ржавчина, он как металл, слишком долго пролежавший в воде... а вернее, в проявителе... Без этих проклятых немцев мы, возможно, так бы никогда и не узнали, что представляю собой наши друзья и знакомые. Но я предпочла бы жить в неведении. Предпочла бы лучше не знать, на какие подвиги способен человек, чем убедиться в его героизме такой высокой ценой... Но теперь я говорю не о погибших, а о тех, кто остался в живых» [6, с. 136]. Аними так и не может разобраться в своих чувствах, при первой возможности она покидает любимый ею когда-то Париж, но сейчас ставший ей совершенно чужим. Во вступлении к своему роману писательница отмечает, что «надеется донести до читателя и роман и быть, реальность романа и романтику были: нашу фантастическую действительность», где победители скоро стали походить на побежденных...» [6, с. 3].

Рома Ромена Гари «Большая барахолка» является одним из наиболее значимых в творчестве писателя. Несмотря на то, что роман о послевоенном времени, сюжет его связан с периодом оккупации. Главный герой произведения Люк Мартен, сын погибшего участника Сопротивления, после войны подростком оказывается в Париже среди общей послевоенной неразберихи: расправ над коллаборационистами, разгула «черного рынка», где моральные ценности оказываются серьезно подорванными стремление быстрой наживы. Люк находит приют в доме странного старика Вандерпута, где помимо него оказываются еще несколько подростков. Люка ждут неожиданные открытия, оказывается, что старик сколотил из молодых юнцов банду, которая промышляет контрабандой и другим незаконным бизнесом.

Все поведение старика и хозяина квартиры, образ его жизни говорят о том, что Вандерпут скрывает какую-то опасную для него тайну. Писатель мастерски закручивает сюжет, держа читателя в ожидании непредсказуемой развязки, которая, как всегда, наступает неожиданно. Выясняется, что старик при немецкой оккупации служил тайным осведомителем гестапо, выдавал всех, преследуемых оккупационным режимом. Услышанное от старика до глубины потрясло Люка. «...Я смотрел на изрытое морщинами лицо, круглые непонимающие глаза, сопящий нос и слезы – человеческие слезы, других-то не бывает. Но личности уже не видел. Эта карикатура на человека воплощала сущность всего людского рода, а его вина была воплощена другой, всеобщей, исконной вины, единственной которую нельзя простить. То, что я пытался спасти, ради чего погиб мой отец, теперь исчезло, лишилось смысла, оно, как

оказалось, всеми предано и давным-давно заброшено. Защищать больше нечего» [2, с. 412].

Участь Вандерпута и ему подобных была печальна во всех отношениях. После поражения Германии они вынуждены были скрывать свое прошлое, боясь быть разоблаченными. Не всем это удавалось. Война и немецкая оккупация нанесли глубокую травму французскому обществу. Многие французы до сих пор предпочитают не говорить на эту тему, ссылаясь на то, что мало знают об этом времени. Современные писатели стараются обходить столь «неудобную» тему, чтобы не навлечь на себя критику со стороны соотечественников. Очень трудно противостоять устоявшимся в обществе мифам, лишь немногие отваживаются на это.

Список литературы

1. Бадью А. *Обстоятельства, 4. Что именует имя Саркози?* / Пер. С. Л. Фокина. – СПб.: Академия Исследования Культуры, 2008. – 192 с.
2. Гари Р. *Большая барахолка*. М.: АСТ, 2013. 416 с.
3. Долматовская Г.Е. *Примечание к прошлому. Французское кино: отсчет от военных лет*. – М.: Искусство, 1983. – 283 с.
4. Модiano П. *Дора Брюдер*. - М.: Текст, 1999. – 189 с.
5. Мопассан Ги де. *Пышка*. – М.: Азбука-Аттикус, Азбука, 2012. – 320 с.
6. Триоле Э. *Анна-Мария*. - М.: Гослитиздат, 1963. – 424 с.
7. Эриа Ф. *Золотая решетка*. - М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – 318 с.

АМЕРИКА «РЕВУЩИХ ДВАДЦАТЫХ» В РОМАНЕ Э. ЛИНКЛЕЙТЕРА «ЖУАН В АМЕРИКЕ»

Глебова О.В.

г. Ченстохова (Польша)

В статье рассматривается образ Америки 1920-х гг. в сатирическом романе британского писателя Э. Линклейтера «Жуан в Америке», а также анализируется использование байроновского интертекста как стратегии репрезентации американского «другого» в этом романе.

Ключевые слова: Америка, «ревущие двадцатые», Байрон, сатирический роман

The article discusses the image of 1920s America in the satirical novel “Juan in America” by the British writer Eric Linklater; it also analyses the use of the Byronic intertext as a strategy of representing the American Other in the novel.

Keywords: America, The Roaring Twenties, Byron, satirical novel

Эрик Линклейтер (1899–1974) был одним из самых популярных шотландских писателей XX в., автором многочисленных романов, рассказов, пьес, очерков и книг для детей. Линклейтер окончил университет в Абердине по специальности английский язык и литература; позже преподавал в этом же университете, а в 1945—1948 гг. был его ректором. В 1928–1930 гг. Линклейтер находился в США по программе международного сотрудничества стран, входящих в Британское Содружество Наций; он много путешествовал по стране, наблюдая за жизнью американцев. Написанный под непосредственным впечатлением от этой поездки, роман «Жуан в Америке» (*Juan in America*, 1931) имел огромный успех и неоднократно переиздавался.

Действие романа происходит в 1920-е годы, известные в американской истории как «ревущие двадцатые» (The Roaring Twenties). Это был период экономического бума и значительных изменений в социально-экономической и культурной жизни американского общества: внедрение сборочного конвейера для поточного производства автомобилей на заводах Форда; появление звукового кино (1926); предоставление избирательных прав женщинам (1920); рост популярности идей З. Фрейда; становление американского модернизма и расцвет культуры афро-американцев (т. н. Гарлемское возрождение). Это был также период «сухого закона» (1919–1933), приведшего к распространению контрабанды алкоголя и разгулу организованной преступности [1: 92–95].

Роман «Жуан в Америке» создан как своеобразный сиквел поэмы Байрона «Дон Жуан» (1819–1824): в романе описываются приключения «потомка» байроновского героя – англичанина Жуана Мотли, наивного и жизнерадостного молодого человека. Линклейтер использует поэму Байрона в качестве матрицы для создания собственного произведения: писатель заимствует байроновскую интерпретацию главного героя, композиционную структуру и жанровые установки поэмы, имитирует некоторые особенности индивидуального стиля поэта (например, характерное для Байрона

использование антитезы, гиперболы, перечисления и полисиндетона), а также «переписывает» эпизод с Гайдэ. Перспектива «простака за границей» выступает в качестве приема отстранения, выявляя несоответствия между европейскими культурными стереотипами и американской реальностью. Использование формата авантюрного романа, с характерным для него топосом дороги, позволяет Линклейтеру показать различные аспекты жизни в Америке 1920-х гг., по мере того, как главный герой во время своих странствий пересекает страну с востока на запад – от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса, встречает представителей разных социальных групп, этносов и рас.

Роман Линклейтера вписывается в тенденцию осмысления США «одновременно как “иной” нации и как культуры-наследника», доминирующую в британской литературе XX в. [2: 251]. Линклейтер отмечает факт культурного и национального дистанцирования американцев от европейцев и формирования американской национальной идентичности: Европа стала для американцев «чужой». Вместе с тем, Линклейтер подчеркивает значение европейской культуры для развития молодой страны и напоминает о европейских корнях американской нации. Парадокс отношений между Европой и Америкой, которые характеризуются одновременно отторжением и привязанностью, передается в романе метафорой «родитель – ребенок»: хотя пуповиной Америка была привязана к европейским странам, при рождении ребенка «врач отрезает пуповину и дети не обязаны относиться терпимо к богам своих отцов» [3: 91–92]; также и молодая американская нация имеет право как на признание и использование своего европейского наследия, так и на отказ от него.

Образ Америки в романе концептуализируется такими понятиями как огромность и разнородность, молодость и энергия, технический прогресс. В качестве одного из наиболее ярких символов, олицетворяющих собой Америку, выступают небоскребы Манхэттена; потрясение Жуана от этих зданий передается серией экстравагантных гипербол: небоскребы сравниваются с Андами, с Вавилонской башней и представляются постройками, созданными великанами – детьми Титанов, потомками жителей Бробдингега или отпрысками Полифема и ирландской гигантессы. Символами «американскости» в романе становятся также голливудские фильмы, вызывающие восхищение масштабностью, техническим мастерством и зрелищностью; американская ванная комната с великолепной сантехникой; американский футбол. «Совершенство» американской ванной комнаты иронически уподобляется совершенству ионической колонны, а воздействие на зрителя американского футбола, «дикого и впечатляющего», сравнивается с катартическим эффектом древнегреческой трагедии.

Используемая автором ироническая гиперболизация, с одной стороны, отражает типичное для его времени высокомерно-снисходительное отношение европейцев к американской культуре как «примитивной» и «вульгарной», но с другой – проводит мысль о том, что каждая культура создает свои специфические формы выражения. Эта мысль созвучна идеям современной «политики признания» других культур, которая, как отмечает К. Крамш, призывает отбросить «безапелляционные и недостоверные суждения об одинаковой или относительной ценности разных культур [...] и признать,

что наши горизонты могут изменяться по мере того, как мы стараемся понять другого. [...] нам не следует исходить из предположения, что культурные категории, которыми мы пользуемся, чтобы судить о ценности других культур, являются универсальными» [4: 83].

Как негативные качества Линклейтер отмечает инфантильность, провинциализм и ограниченность интересов американцев, озабоченность только физическим комфортом. Несмотря на любовь американцев давать своим городам исторические имена (Троя, Итака, Карфаген), Америка – страна без истории, без героического прошлого и, по мнению автора, без интересного будущего. Прогресс Америки видится исключительно как дальнейшее развитие общества потребления: «шикарное будущее новых автомобилей и всё более громких радиоприемников, и всё более ярких огней, и всё бóльших джаз-оркестров, и всё более крепкого джина, и всё более сладкого бананового десерта» [3: 86].

Репрезентация Америки в романе Линклейтера в значительной мере фундирована идеями трактата Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке» (1835). Осмысляя специфику американской демократии, Линклейтер, вслед за Токвилем, отмечает, что демократия, понимаемая как власть хаотичного большинства, означает в Америке усредненность и унификацию, формирует конформное общественное мнение, уничтожает различия. Подобное понимание свободы и равенства в Америке перекликается с высказываниями Ж. Бодрийера, который писал, что Америка – это «гениальный универсум, появившийся благодаря неудержимому развитию равенства, пошлости и незначимости» [5: 29–30].

Острые сатиры Линклейтера направлено на представителей американского истеблишмента; в романе разоблачается их ложь, лицемерие и продажность. По мнению писателя, «сухой» закон, состряпанный пуританами и миллионерами – это «чудовищное оскорбление» американской нации; целью этого закона является подавить критическое мышление и усилить эксплуатацию рабочих. Резкой критике подвергается в романе деятельность американских журналистов – профессиональных пропагандистов, которых писатель обвиняет в продвижении идеи миссионерства и превосходства США, разжигании вражды между странами. Острая сатира Линклейтера отражает соперничество между США как набирающей силу молодой демократией и угасающей Британской империей. В 1920–1930-е гг. усилилось движение за независимость в Индии, а обретение этой страной независимости в 1947 г. ознаменовало конец империи, в это же время происходило значительное усиление позиции США на международной арене. Политическая сатира Линклейтера вызвала раздражение у Фонда Содружества (межправительственной организации, созданной главами стран, входящих в Британское Содружество Наций): автора обвинили в неуважении к США и их общественным институтам [6].

В своем романе Линклейтер напоминает об исторической вине США – геноциде автохтонного населения Америки, а также насильственном вывозе африканцев в Америку и рабстве. Однако в изображении афро-американцев писатель воспроизводит широко распространенный в 1920-х гг. стереотип чернокожего населения Америки «как

вечно веселящихся детей природы» [7: 75], реалии сегрегации и расовой дискриминации в романе замалчиваются, а деятельность представителей Гарлемского возрождения игнорируется.

Линклейтер комментирует распространение идей феминизма, изменившееся положение женщин в обществе и появление влиятельных женщин-писательниц в США, «переписывая» байроновский эпизод с Гайдэ как пародию на эссе В. Вулф «Своя комната» (1929), ставшее манифестом первой волны феминизма. Образ Гайдэ – дочери пирата трансформируется в образ Лалаги – дочери одного из боссов итало-американской мафии. Жуан встречается с ней на небольшом острове в болотах Южной Каролины, куда он случайно попадает. Жуан идеализирует Лалагу, видит в ней прекрасную, радостную и самодостаточную язычницу, отождествляя ее с героиней оды Горация: «Я буду Лалагу любить за сладкий смех и говор сладкозвучный» [8]. Но однажды он обнаруживает тайную комнату девушки, где она ежедневно проводит несколько часов. В комнате находятся книжный шкаф, заполненный философскими трактатами (Кроче, Бергсон, Расселл, Фрейд, Юнг, Эйнштейн, Пуанкаре, Павлов) и письменный стол с пишущей машинкой. Оказывается, что Лалага хорошо образована и хочет стать писательницей, заработать деньги и освободиться от тиранической власти отца. Она признается, что изучает сексуальное поведение Жуана, чтобы использовать этот материал в своем романе. Жуан шокирован как видом Лалаги в очках, с гладко зачесанными назад волосами, так и «отвратительным характером ее деятельности» [3: 270]. Пародия Линклейтера отражает патриархатную точку зрения на «новую женщину»: отказ от традиционной феминности рассматривается как нечто противоестественное (превращение в «чудовище»), а женское писательское творчество высмеивается как бессмысленное «милое щебетание» («Лалага» в переводе с греческого означает «мило болтающая», «щебечущая»). Очевидно, Линклейтер разделял мнение некоторых американских современников (например, Э. Паунда и Э. Хемингуэя), которые считали, что писательство, интеллектуальная деятельность – это исключительно мужское призвание.

Следует отметить, что в изображении Америки и американцев Линклейтер руководствуется традиционным британским этосом *fair play* – справедливым и честным отношением, что проявляется, в частности, в том, что автор вводит в систему персонажей романа как апологетов, так и критиков Америки, которые ведут между собой открытую полемику.

Роман Линклейтера транслирует понятия, ценности и предубеждения своего времени, тем не менее, он представляет интерес как художественное свидетельство одной из самых ярких эпох в истории США.

Список литературы

1. McDowall D. *An Illustrated History of Britain* / D. McDowall. – Harlow: Pearson Education Limited, 2006. – 188 p.

2. Хабибуллина Л.Ф. Концептуализация образа Америки в английской литературе XX века / Л.Ф. Хабибуллина // *Филология и культура*. – 2011. – № 26. – С. 250–257.

3. Linklater E. *Juan in America* / E. Linklater. – Harmondsworth: Penguin Books, 1958. – 353 p.
4. Kramsch C. *Language and Culture* / C. Kramsch. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 134 p.
5. Грицанов А.А., Грицанов О.А. «Америка» / А.А. Грицанов, О.А.Грицанов // *Постмодернизм: энциклопедия* / Отв. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Мн: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 29–30.
6. «Eric Linklater» / URL: www.authorcalendar.info/linklate.htm.
7. Попова М.К. *Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании* / М.К. Попова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – 170 с.
8. Фет А.А. *Гораций: Оды в 4-х книгах* / URL: www.horatius.ru/index.xps3.122#43

ВКЛАД М. В. ЛОМОНОСОВА В РАЗВИТИЕ РУССКОЙ НАУКИ

Горощенова П.С., Горощенова О.А.

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Иркутск*

В настоящей статье кратко рассматривается вклад, внесенный в развитие мировой науки выдающимся русским ученым М. В. Ломоносовым.

Ключевые слова: Россия, М.В. Ломоносов, наука, открытия.

The article examines the contribution to science of Mikhail Vasilyevich Lomonosov.

Key words: M.V. Lomonosov, Russian science, activities, discoveries.

Известный русский ученый–энциклопедист М.В. Ломоносов (1711 – 1765) был первым русским естествоиспытателем мирового значения, первым химиком, давшим определение физической химии, первым русским академиком, труды которого опередили свое время и способствовали прогрессу во многих областях науки. Его научные достижения повлияли на дальнейшее развитие России и способствовали совершенствованию технологии производств. Ломоносовым была разработана корпускулярно-кинетическая теория, открыта атмосфера у Венеры [1], с научной точки зрения объяснены многие физические явления, кроме того, проведена реформа русского языка и стихосложения [2], создан научный стиль речи и его терминология. Благодаря Михаилу Васильевичу был открыт Московский университет, построена и оборудована химическая лаборатория при Академии наук.

Объектами его пристального внимания стали физические явления в оптике, астрономия, геология, геодезия, метеорология, искусство, электричество, законы тяготения, география, энергетика, металлургия, химия, русский язык и его стилистика, философия, история, литература.

Главные научные открытия М. В. Ломоносова относятся к физике, астрономии и химии. Господствовавшая в середине XVIII века теория теплорода Р. Бойля гласила, что существует некая огненная / холодообразующая материя, с помощью которой передается тепло (энергия). Увеличение массы предметов вследствие нагревания связывали с проникновением теплорода в тела. Ломоносов не был согласен с данной теорией, ведь, по его мнению, при охлаждении тела теплород оставался, а вот сила тепла терялась. В ходе одного из экспериментов в химической лаборатории при Академии наук, Михаилом Васильевичем было доказано, что причиной теплоты является не что иное, как внутреннее вращательное движение связанной материи.

Михаил Васильевич выдвинул корпускулярно-кинетическую теорию [3]. В ней говорилось, что все вещества состоят из корпускул (молекул), которые являются «собраниями» элементов (атомов). Он описал ее в своей диссертации «Элементы математической химии» (1741; незакончена).

В декабре 1759 года Ломоносов и Браун получили ртуть в твердом состоянии, что также служило аргументацией корпускулярно-кинетической теории. Через год

ученый доказал теплопроводность и ковкость ртути, вследствие чего она была отнесена к металлам в таблице Менделеева. До М. В. Ломоносова этого сделать ученым не удавалось.

В 1752 г. Михаил Васильевич создал новую науку – физическую химию. Начал объяснять химические явления на основе законов физики [4]. Каждую свою гипотезу он всегда подтверждал экспериментально.

Ломоносов высказал догадку, оказавшуюся правильной, о вертикальных течениях в атмосфере, разгадал природу северных сияний и оценил их высоту. Он размышлял о связи электричества и света, открыто поддержал волновое учение Гюйгенса, когда господствовало корпускулярное, и разработал оригинальную теорию цветов. в 1756 г. на очередном собрании Академии наук Михаил Васильевич прочел «Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее».

Стремясь усовершенствовать инструмент, позволяющий астрономам изучать Вселенную, в 1762 году Михаил Васильевич создает новый тип отражательного телескопа-рефлектора, дающего более яркое изображение.

В 1761 году во многих странах наблюдалось редкое явление –прохождение Венеры по диску Солнца. Специально для этого были организованы экспедиции в Сибирь. Это давало прекрасную возможность уточнить расстояние от Земли до Солнца. Наблюдая за явлением у себя дома в трубу собственного изготовления, Ломоносов сделал большое открытие: оказалось, что Венера, как и Земля имеет атмосферу, но более плотную.

Далеко опережая современную науку, Михаил Васильевич первым из ученых пришел к выводу, что поверхность Солнца состоит из бушующего огненного океана, в котором даже «камни, как вода, кипят».

Он разгадал природу комет, высказав смелую мысль о том, что от Солнца исходят электрические силы, которые и образуют хвосты комет. Позднее учеными было выявлено, что солнечные лучи действительно образуют такое явление.

Ломоносов также был изобретателем. Он сконструировал не только телескоп, но и «катоприко-диоптрический зажигательный инструмент» — своеобразную солнечную печь, при помощи которой можно было получить недостижимые тогда иным способом высокие температуры; «ночезрительную трубу», предназначенную для рассмотрения на море удаленных предметов в ночное время; анемометр – прибор для определения силы ветра и многие другие [5].

Поднявшись к вершинам науки, Ломоносов служил ей всю свою жизнь. Благодаря ему, российская наука заговорила по-русски, ведь Михаил Васильевич первый начал читать лекции на родном языке, писал на нем свои научные труды. Им была заложена научная и техническая терминология, введены в обиход такие понятия как равновесие тел, удельный вес, законы движения и многие другие. [6].

Вклад М. В. Ломоносова в развитие русской науки огромен. Именно благодаря Ломоносову она ушла далеко вперед, обогнав не только западноевропейских ученых, но и свое время. Михаил Васильевич часто предварял словами свои труды: «Искренняя

любовь и горячее усердие к Отечеству...», что говорило о его высокой гражданской позиции и стремлении работать во благо России.

Список литературы

1. Шумакова Г.Н. Провидческий гений М.В. Ломоносова в астрономии// Вестник международного института управления. Архангельск: 2011. - №3-4. С.7-9. [<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19103964>].

2. Горощенова П.С., Горощенова О.А. Вклад М.В. Ломоносова в развитие русской литературы// Молодежный Вестник ИрГТУ. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2019. – №4. [<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41752796>].

3. Шубинский В.И. Ломоносов: всероссийский человек. Молодая гвардия; Москва; 2010. С. 75-76.

4. А.И. Рудской, А.Г. Морачевский. М.В. Ломоносов и его работы в области химии. [<https://cyberleninka.ru/article/n/m-v-lomonosov-i-ego-raboty-v-oblasti-himii/viewer>].

5. Лупанова Е.М. Ночезрительная труба, морской жезл и большой пендул. Конструкции Ломоносова. 2011. [<https://cyberleninka.ru/article/n/nochezritel'naya-truba-morskoy-zhezl-i-bolshoy-pendul-konstruktsii-lomonosova/viewer>].

6. Горощенова П.С., Горощенова О.А. Реформаторская деятельность М.В. Ломоносова в области русского языка// Молодежный Вестник ИрГТУ. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2020. – №3. [<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44065460>].

К ВОПРОСУ О ВХОЖДЕНИИ МЕНЬШЕВИКОВ В СОСТАВ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Яковлева С.И.

*Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорочкина,
Сыктывкар*

В статье рассматриваются мнения исследователей о причинах и последствиях вступления меньшевиков во Временное правительство.

Ключевые слова: партия меньшевиков, Временное правительство, коалиция, Апрельский политический кризис, Российская революция 1917 года.

Вопрос о вхождении социалистов в состав Временного правительства по-прежнему актуален в рамках не только истории и историографии меньшевизма, а также общего комплекса дискуссионных проблем Российской революции 1917 года.

Партия меньшевиков – один из важнейших политических акторов Российской революции 1917 года. В ходе революционных событий ее численность достигала 200 тысяч. [9, с. 257].

Исходя из своих теоретических установок, все социал-демократы, в том числе российские, были едины во мнении, что Россия наконец-то вступила в стадию буржуазной революции. Расхождения возникали по поводу трех взаимосвязанных проблем: продолжительность переходного периода, предшествующего социалистической трансформации общества; размах допустимых масштабов социальных преобразований переходного периода; роль буржуазии и пролетариата в переходный период. Меньшевики также констатировали буржуазно-демократический характер революции. В связи с этим на ближайшее время перед страной стоит задача упрочения и развития буржуазно-демократического строя на основе “единения всех живых сил нации”, включая буржуазию. Несмотря на разногласия, различные группы меньшевизма продемонстрировали полное единодушие по вопросу о власти, особенно в самом важном его аспекте: участии социалистов в буржуазном Временном правительстве. Единственная стратегическая установка, предусмотренная партийной программой (1905 г.) и принятая всеми фракциями, заключалась в следующем: социалистам не следовало преждевременно входить в состав органов государственной власти – до тех пор, пока не будут созданы объективные условия для проведения социалистической политики. По сути, это был запрет на коалицию с буржуазией и на захват власти социалистами [5, С. 48]. Таким образом, первоначально идея коалиции с буржуазией была категорически отвергнута.

Однако по мере развития революционных событий, меньшевики были вынуждены пересмотреть свои идейно-теоретические установки. Вопрос о непосредственном участии социалистов во Временном правительстве с особой остротой встал в ходе апрельского политического кризиса. 18 апреля (1 мая) министр иностранных дел П.Н. Милюков опубликовал адресованную союзникам ноту, в которой от лица правительства подтвердил готовность России вести войну до победы. В ответ в Петрограде и других городах начались демонстрации под лозунгами: «Долой

войну!», «Долой Временное правительство!», «Долой министров-капиталистов!» В результате всем политическим силам стало ясно, что правительство в своем прежнем персональном и партийном составе уже не может осуществлять свои властные функции и тем самым может лишиться легитимности. Министр иностранных дел П.Н. Миллюков и военный министр А.И. Гучков были отправлены в отставку. Вопрос о расширении политической базы кабинета стимулировал идею создания коалиционного правительства, в которое наряду с кадетами вошли бы представители ведущих социалистических партий- меньшевики и эсеры. 27 апреля премьер-министр Г.Е. Львов в письме председателю Петроградского совета Н.С. Чхеидзе просил обсудить вопрос о вступлении в правительство представителей Совета.

Первоначально меньшевики и эсеры, доминировавшие в Советах, не хотели входить в правительство, так как это не совпадало с их теоретическими представлениями о буржуазной революции. После многочисленных совещаний Исполкома Советов и Объединенного комитета, состоявшихся в конце апреля, сопровождавшихся бурными дебатами, 1 мая было принято решение об участии социалистов во Временном правительстве в качестве представителей Советов. [6, с. 142]. 1(14) мая большинством в 44 голоса против 19 при 2 воздержавшихся Исполком Совета принял решение участвовать в правительстве. [9, с. 255]. 5 (18) мая было сформировано первое в истории России коалиционное правительство с участием либеральных и социалистических партий. Премьером остался Г.Е. Львов, в состав кабинета вошли 10 представителей либеральных и 6 представителей социалистических партий. Меньшевики получили в коалиционном правительстве два, причем не ключевых портфеля: М.И. Скобелев был назначен министром труда. И.Г. Церетели-министром почт и телеграфов. [9, с. 255] Были сформулированы и условия вступления социалистов в состав Временного правительства: 1) активное ведение внешней политики с целью скорейшего достижения всеобщего мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов; 2) проведение решительных мероприятий по демократизации армии и усилению военной мощи фронта; 3) осуществление ряда социально-экономических и финансовых реформ; 4) ускорение созыва Учредительного собрания; 5) ответственность министров-социалистов перед Петросоветом, а затем, после Всероссийского съезда Советов – перед ВЦИК Советов.- [11, с. 343].

Таким образом, с мая 1917 года начинается новый этап в истории меньшевизма, меньшевики становятся правящей партией. Причины вхождения меньшевиков во Временное правительство, дискуссии по данному вопросу, а также последствия этого, ставшего историческим, решения достаточно подробно проанализированы как в работах меньшевистских лидеров, так и в научной литературе. В советской историографии вопрос о вступлении социалистов во Временное правительство трактовался упрощенно. Советские исследователи расценивали участие социалистов, в том числе и меньшевиков в коалиционном правительстве, как логическое продолжение проводимой ими политики соглашательства с буржуазией. [1;с. 8].

Меньшевики вошли в правительство, подчёркивая соответствие этого шага с резолюцией, принятой в августе 1904 г. на конгрессе Социалистического интернационала в Амстердаме, в которой предусматривалось участие социалистов в государственной власти в рамках буржуазного общества только в исключительных случаях и только с согласия и под контролем партии. [3, с. 123.].

29 апреля А.И. Гучков объявил о своей отставке с поста военного министра, обосновав ее нависшей над страной, особенно в армии, угрозой анархии. В Совет тут же стали поступать многочисленные телеграммы от солдатских комитетов и от офицеров-сторонников демократии с просьбой войти в правительство, дабы предотвратить дальнейшее разложение армии. Отставка Гучкова побудила меньшевиков изменить свою стратегию, поскольку именно она убедительно продемонстрировала дестабилизацию власти и крушение порядка. [5, с. 185-186].

Причины вхождения социалистов во Временное правительство диктовались прежде всего остротой политической ситуации. Потеря легитимности Временным правительством в условиях продолжавшейся мировой войны могла привести к хаосу в стране, к полной катастрофе. К более частным причинам можно отнести настоятельные уговоры со стороны эсеров, требования части демократической общественности, включая армейские круги. [4, с. 76.].

Причины другого характера, исходящие из практической деятельности меньшевиков, названы в статье З. Галили. В начале мая некоторые сотрудники отдела труда Петроградского Совета (К.А.Гвоздев, Б.О.Богданов, П.А.Гарви) стали контактировать с Временным правительством. Это, по мнению автора, произошло потому, что они видели себя как связующее звено в управлении экономикой и спасении страны и государства. К необходимости присутствия социалистов в правительстве пришли и те из меньшевиков, которые руководили работой Экономического отдела Петросовета - В.Г.Громан и Ф.А.Череванин. К началу мая препятствия, чинимые предпринимателями и правительством на пути к регулированию цен убедили их в необходимости присутствия социалистов во Временном правительстве, - заключает автор. [4, с. 76].

С.В. Тютюкин в своих работах неоднократно задавался вопросом, правы или неправы были меньшевики, когда, пересмотрев прежние взгляды, решили делегировать своих представителей в состав кабинета князя Львова, а затем Керенского? С одной стороны, они как будто разрядили этим кризисную ситуацию в стране и на какое-то время отодвинули угрозу гражданской войны. С другой – скомпрометировали себя как демократов и социалистов, взвалив на свои плечи часть ответственности за вызывавший возмущение народа курс Временного правительства и лишив себя возможности критиковать его заведомо слабую компромиссную политику. Меньшевики не поддались искушению безответственно пообещать миллионам людей социалистический рай на земле, зная, что Россия явно не готова к подобному эксперименту. Но что предложили они сами для спасения России от надвигавшейся на нее национальной катастрофы? Ставка меньшевиков на конструктивную коалицию с буржуазией оказалась битой, ибо такого блока не хотело ни большинство рабочих, ни

большинство российских предпринимателей. [10, с. 241]. Подводя итоги дискуссии, в какой мере было оправдано меньшевистско-эсеровское «хождение во власть» в 1917 г, автор приводит две точки зрения. Согласно первой, благодаря этому удалось отсрочить начало крупномасштабной гражданской войны, искры которой тлели в России с февраля 1917 г., но которая по-настоящему развернулась лишь через год. В соответствии со второй, создание коалиции имело, по крайней мере, два непредвиденных последствия: предъявления рабочими коалиционному, в какой-то мере «своему», Временному правительству непомерных и заведомо неисполнимых требований, с одной стороны, и яростное сопротивление буржуазии любым правительственным проектам регулирования экономики страны, включая цены, заработную плату, прибыли и т.д. – с другой, поскольку коалиционное Временное правительство казалось руководителям торгово-промышленного мира откровенно «красным», социалистическим по своему характеру и намерениям. [11, с. 341]. Кроме того, высказывается мнение, что со вступлением социалистов во Временное правительство, заканчивается этап двоевластия. [5, с. 69].

Вступив во Временное правительство в качестве представителей Совета, меньшевики с мая 1917 становятся одной из правящих партий. Этот шаг имел далеко идущие последствия как для самой меньшевистской партии, так и в целом для российского политического процесса. Как прогнозировали сами меньшевики, данное решение привело к снижению их популярности, которая таяла вместе с популярностью Временного правительства, что в конечном итоге явилось одной из причин прихода к власти большевиков. Временное правительство было свергнуто. Меньшевики потерпели политическое поражение. По итогам выборов в Учредительное собрание партия меньшевиков получила 3,2% голосов избирателей. [7, с. 167].

Список литературы

1. Астрахан Х.М. *Большевики и их политические противники в 1917. Л., 1973.*
2. *Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП. Петроград, 1917.*
3. Гаврилов А. *Борьба за власть и борьба во власти (меньшевики в 1917 г. и Временное правительство) // Власть. 2009, №7. С. 122–126.*
4. Галили З. *От группы кружков до зенита политического влияния// Большевики в 1917г. М.,1994. Т.1. С.70–104.*
5. Галили З. *Лидеры меньшевиков в русской революции. М.,1994.*
6. Ерманский О.А. *Из пережитого. М. – Л.,1927.*
7. Протасов Л.Г. *Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997.*
8. Рубан Н.В. *Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1968.*
9. Тютюкин С.В. *“Мягкие” марксисты: меньшевики//История политических партий России. М.,1994. С.216–260.*
10. Тютюкин С.В. *Большевики//Политические партии России: история и современность. М.,2000. С.227–242.*

11. Тютюкин С.В. *Меньшевизм: страницы истории*. М., 2002.

**ON THE QUESTION OF THE MENSHEVIKS' ENTERING INTO THE
RUSSIAN PROVISIONAL GOVERNMENT**

Yakovleva S.

Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia

The article examines the opinions of researchers about the reasons and consequences of the entry of the Mensheviks into the Russian Provisional Government.

Key words: Menshevik party, Russian Provisional Government, coalition, April political crisis, Russian revolution 1917.

Научное издание

**История и культура: прошлое, настоящее, будущее.
Чтения памяти профессора С. В. Гютюкина**

*Международная научно-практическая конференция
(30 октября 2021 г.)*

Подписано в печать 17.11.2021 г. Формат 60x1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Тираж 250 экз. Заказ А211117.
Отпечатано в типографии ООО «Конверт», филиал г. Москва